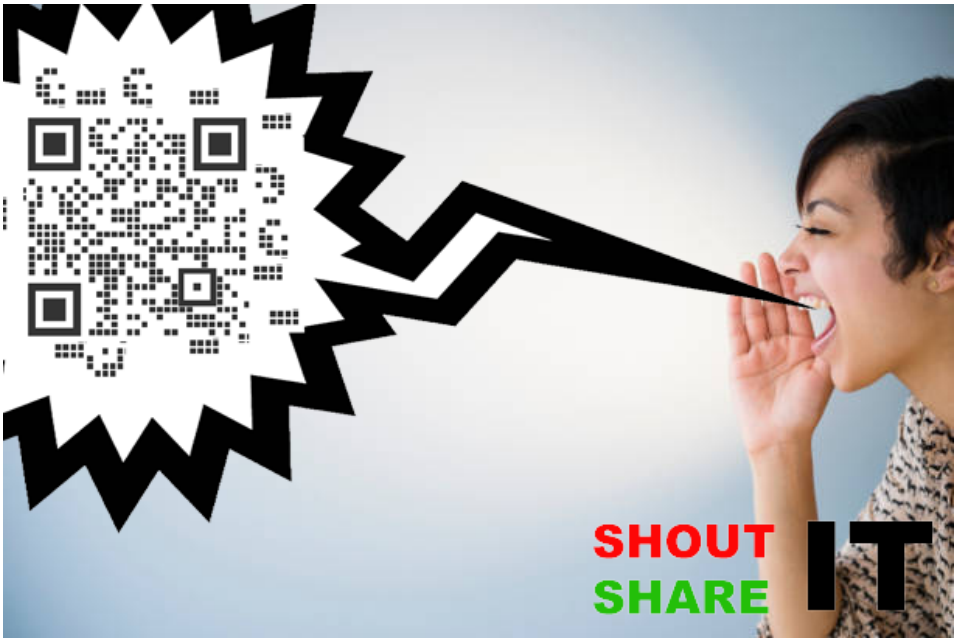
МОСКВИНЫ

ЛЁД ДЛЯ ДВОИХ

ЕЛЕНА
ВАЙЦЕХОВСКАЯ

АМФОРА
СПОРТ


SHOUT
SHARE
IT

•

Елена ВАЙЦЕХОВСКАЯ

ИГОРЬ И ТАМАРА МОСКВИНЫ: «ЛЁД ДЛЯ ДВОИХ»

КАСТА ИЗБРАННЫХ ИЛИ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Много лет назад мне довелось делать интервью с собственным отцом. В свое время он десять лет проработал главным тренером сборной СССР по плаванию, создал команду, к которой за всю историю плавания не сумел приблизиться по результатам никто ни из предшественников, ни последователей.

В том интервью он сказал мне: «Не боги горшки обжигают. Но чтобы подготовить олимпийского чемпиона, нужен бог. Не верю, что это способен сделать любой тренер. Таким тренером надо родиться…»

Примерно с тех времен я и стала задумываться: а что, собственно, выводит в чемпионы одного-единственного атлета или команду из дюжины равных соперников? Готовность? Уверенность в себе? Банальный фарт? И неизменно приходила к выводу: львиная доля успеха всегда принадлежит тренеру. Тому самому человеку, от которого в момент выступления его спортсменов, казалось бы, не зависит ничего, хотя на самом деле, зависит все.

Выдающиеся тренеры рождаются крайне редко. Может быть даже реже, чем выдающиеся атлеты. Это совершенно особая порода людей. На первый взгляд – все они предельно жесткие, непоколебимые в собственной уверенности. Не боящиеся ни самых рискованных решений, ни ответственности за них.

Отнимающие много крови и нервов как у противников, так и у самых близких людей. Абсолютные максималисты. И все это потому, что видят перед собой эти люди, как правило, единственную цель: победить. Сделать так, чтобы твой подопечный научился находить в себе качества, о которых даже не подозревал. Научить его терпеть и бороться. Идти вперед, когда идти уже невозможно. Сопротивляться обстоятельствам и добиваться поставленной цели.

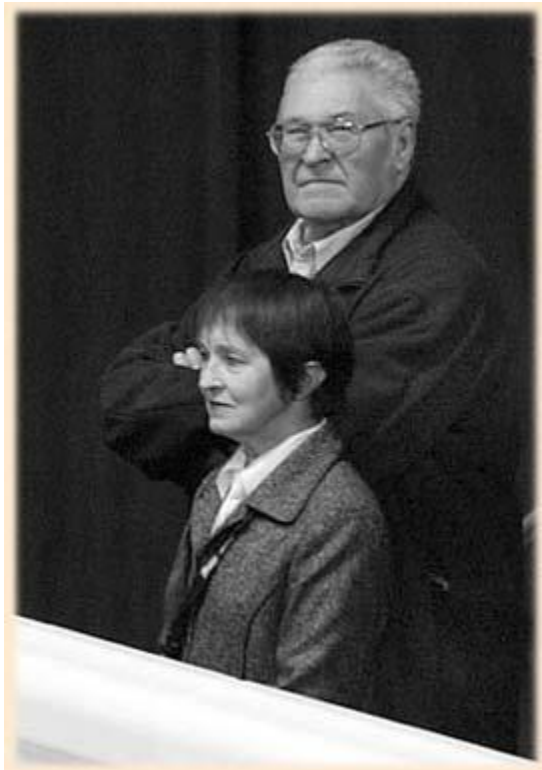
Своих тренеров очень трудно любить. На этот счет мне однажды очень хорошо сказала дочь великого Анатолия Тарасова – Галина. Сама она проработала всю свою жизнь преподавателем в школе, а в разговоре со мной заметила:

- Быть учителем значительно проще. Можно добиться желаемого результата любовью, мягкостью. А вот в спорте так не бывает. Одному богу известно, чего это стоит – готовить человека для того, чтобы он стал лучшим в мире…

К людям тренерской профессии я до сих пор отношусь совершенно иначе, чем ко всем остальным. Обожаю разговаривать с ними «за жизнь», бывать на тренировках, наблюдать за тем, как растут ученики, и за тем, как с течением времени в этих учениках все четче проявляются черты, свойственные их наставникам.

Именно так – из наблюдений и бесед - родилась эта книга. И я безумно благодарна судьбе за то, что она свела меня с Игорем и Тамарой Москвиными. Великими тренерами. Великими новаторами. Великими педагогами.

Глава 1. ВЕЛИКИЕ АНТАГОНИСТЫ



С Тамарой Москвиной я познакомилась в 1991-м. Меня - впервые приехавшую на соревнования по фигурному катанию журналистку - подвел к тренеру давний знакомый фигурист со словами: «Прошу любить и жаловать».

Тамара Николаевна окинула меня мгновенным оценивающим взглядом и довольно жестко сказала: «Любить не обещаю. Жаловать придется».

Я потом еще долго ее побаивалась. Ибо почти каждая наша встреча начиналась той или иной, но неизменно суровой фразой тренера:

- Это вы пишете о том, что я постоянно работаю за границей? Я могу вам прислать расписание своей работы, и вы убедитесь в том, что дома я нахожусь гораздо чаще.

Игорь Борисович Москвин представлялся мне полной противоположностью своей супруги. Каждый раз, когда я видела тренера на тех или иных соревнованиях по фигурному катанию, в голове почему-то всплывал один и тот же дурацкий вопрос: «Интересно, можно ли с ним поссориться?».

В течение самого первого года своей журналистской работы я успела неплохо понять специфику человеческих отношений, процветавшую в этом виде спорта: слишком дружеская улыбка

одному спортсмену или тренеру – тебя тут же перестает замечать другой. Любая неосторожная или недостаточно четкая фраза в газетном репортаже – в ней мгновенно начинают искать несуществующий подтекст и, естественно, его находят. И не дай бог наедине попить с кем-то кофе!!!

Пару раз обжегшись на «дружеских» отношениях и расхлебав последствия, я научилась существовать в фигурном катании, как в скафандре – никому не доверяя и никого не впуская в душу. Мелкие конфликты случались на каждом шагу и стали для меня настолько привычной составляющей фигурного мира, что я очень быстро вообще перестала обращать на них внимание. Старалась, по крайней мере.

Но в этом мире был Москвин.

Элегантный, седой и строгий. С пронзительным и очень внимательным взглядом из-под роговых очков. Не очень разговорчивый, но при этом необычайно острый на язык. Надежный, как скала. Справедливый - иногда до обидного. Но сколь бы жесткими ни были его комментарии, они ни когда не звучали унизительно для собеседника. Потому что всегда были честными.

Хотя главное заключалось не в этом. При всей кажущейся внешней суровости и неприступности тренера от него шло очень ощутимое внутреннее тепло, в ауре которого хотелось находиться постоянно.

Это тепло в свою очередь рождало уверенность: рядом с таким человеком не обидят, не ударят в спину, не станут высмеивать твои слабости и ошибки, даже если ты сам нечаянно дал такой повод.

Пожалуй, наиболее исчерпывающе это сформулировала олимпийская чемпионка в танцах на льду Наташа Бестемьянова. С ней мы как-то разговорились о прежних, еще спортивных временах, когда Москвин тренировал Игоря Бобрина, а сама Наташа – еще не жена Бобрина, а главная его поклонница и друг - изредка захаживала на тренировки одиночников. Рассказывая о Москвине, она сказала:

- Перед Игорем Борисовичем не нужно играть и притворяться. Можно позволить себе совершенно обнажить душу – он никогда не уколет. Это – такая редкость для фигурного катания...

Чем дольше на протяжении своей работы в спортивной журналистике я размышляла о личности Москвина, тем прочнее приходила к выводу: для того, чтобы всерьез поссориться с тренером, нужно быть либо очень завистливым и склочным, либо крайне агрессивным человеком.

Для всех своих учеников и коллег Москвин всегда был

Шефом. Собственно, большинство коллег (все питерские тренеры – так наверняка!) выросло именно из его бывших учеников. Из тех, кого он тренировал на льду, кому читал лекции в школе тренеров и институте физкультуры. Он умел учить как бы невзначай: что-то показывая, о чем-то рассказывая. При этом никогда не выпячивал свою тренерскую роль и не жаждал славы.

Вряд ли это было от чрезмерной скромности или от желания показаться таковым. Скорее, Москвин всегда представлял собой тот редкий тип специалиста, кому прежде всего был интересен не сам результат, а процесс его достижения.

Впрочем, когда мы только познакомились с тренером в начале 1990-х, я не очень задумывалась о том, что именно отличает Москвина от его коллег. Но именно тогда поймала себя на мысли, что появляясь на катке, первым делом начинаю искать на трибунах фигуру Игоря Борисовича, чтобы присесть рядышком и завести какой-нибудь разговор.

* * *

Одна из самых первых наших бесед случилась на чемпионате России 1992 года. Было это в Челябинске. Про Москвина я на тот момент знала немного: что он сначала катался сам, а потом тренировал свою жену Тамару и ее партнера Алексея Мишина. Еще позже у каждого из них, петербуржцев, появились уже свои ученики. Параллельно с практической работой все трое защитились, получили ученые степени, стали заслуженными тренерами СССР. При этом я ни разу ни от кого не слышала фамилию знаменитого тренерского семейного тандема во множественном числе. Всегда только по отдельности: Тамара Москвина, Игорь Москвин.

Возможно, это было связано с тем, что опыт совместной работы супругов на одном льду хоть и имел в те годы место, но оказался очень непродолжительным и не очень приятным. Было это с 1980-го по 1983-й. У Тамары Николаевны тогда катались Елена Валова и Олег Васильев, у Игоря Борисовича - Лариса Селезнева и Олег Макаров. И на одной из тренировок произошел неприятный инцидент – партнеры подрались между собой.

Согласно неписанным правилам фигурного катания, приоритет на льду имеет тот, кто катается под музыку. Под музыку в тот момент катались спортсмены Москвина, и Макаров нечаянно зацепил и сбил с ног Лену Валову.

Подобные ситуации происходят на льду не так уж и редко. Но продолжение истории получилось нетривиальным: Васильев обругал Макарова и ударил по лицу. А тот дал сдачи. Да так, что сломал своему оппоненту челюсть в двух местах.

Закончилось все годичной дисциплинарной

дисквалификацией для Макарова. И семейным конфликтом для Москвиных. По признанию самого Игоря Борисовича, с Тамарой они разбежались тогда в разные стороны, причем очень серьезно. И довольно много лет вообще не работали на одном льду. На этом витке совершенно раздельных тренерских взаимоотношений и произошло мое знакомство с Москвиным.

На тот самый чемпионат России в Челябинск Тамара Москвина не приехала: обе ее пары – олимпийские чемпионы Наталья Мишкутенок/Артур Дмитриев и серебряные призеры Игр в Альбервилле Елена Бечке/Денис Петров приняли решение закончить спортивную карьеру, перейти в профессиональный спорт, так что тренер, оставшись без учеников, была вынуждена переключиться на чисто менеджерские – в отношении тех же самых учеников - заботы.

Игоря же Борисовича я нашла на трибуне дворца спорта: днем раньше его фигуристы Марина Ельцова и Андрей Бушков стали чемпионами России и теперь тренер с любопытством наблюдал за танцевальными парами. На мой вопрос: «Нравится?» ответил не сразу.

- По-моему, многое в танцах – это прошедший этап. Я не хочу сказать, что второй сорт, но в какой-то мере вчерашний день. Интерпретация музыки через телодвижения, когда отсутствует техника конька, я уже не говорю о драматургии, это, на мой взгляд, примитивно.

О своих собственных фигуристах Москвин тогда сказал:

- Марина и Андрей - это, скорее, «экспортная» пара. У нас ее вряд ли сумеют оценить по достоинству. Наши судьи могут в лучшем случае сосчитать ошибки. Оценить же достоинства гораздо сложнее.

- Было бы странно не услышать от вас, тренера, упрека в адрес судей. В фигурном катании это, похоже, традиция, - сыронизировала я. Москвин же совершенно спокойно ответил:

- Это несчастье, а не традиция. Судья должен постоянно быть в форме, развиваться. А возможности такой нет. Практически никто из наших судей не знает языка, не может нормально общаться с иностранцами. Все они крайне консервативны. То, что они видят на льду, для них порой столь же непостижимо, как явления природы для первобытного человека. Да, они поставили мою пару на первое место, но ведь больше некого было туда ставить. Серьезный же турнир – с двумя ошибками, которые допустили ребята – не выиграешь.

- Вы всегда ставите своим фигуристам цель выиграть?

- Вообще-то я максималист. Ставить цель в плане результата в фигурном катании, сами понимаете, довольно бессмысленно.

Но настрой на соревнования всегда должен быть очень серьезным, будь то первенство района или же Олимпийские игры. А вот у нас с Мариной и Андреем это пока не совсем получается: отказались от участия в чемпионате страны их основные соперники – Евгения Шишкова и Вадим Наумов, и ребята тут же расслабились и наошибались.

Все это, конечно, легко объяснить: маловато опыта. В прошлом году у Марины с Андреем было всего три международных старта. За десять дней до первого из этих турниров Андрей поменял ботинки, не успел их как следует обкатать и во время короткой программы упал вместе с партнершей. Причем так, что на месяц вышел из строя. Правда, несколько месяцев спустя они с Мариной выиграли Универсиаду, но там не было по-настоящему сильных соперников. Для того, чтобы появился более серьезный результат, пару надо постоянно вывозить, показывать, приучать к ней иностранных судей.

- А как вы реагируете, когда судьи ставят ваших фигуристов явно не на то место, которое они заслужили?

- Не сплю, хочется выпить. Но я никогда не устраивал объяснений, как, впрочем, и никогда никого не просил «помочь». Считал, что доказывать собственную правоту надо работой и только работой. Видимо, ошибался.

- Сейчас вы считаете иначе?

- Да нет, не считаю. Слишком много во мне осталось от старого благородного спорта - «побеждает сильнейший», ну и так далее. Хотя я все чаще прихожу к тому, что вопросы победы надо решать комплексно. В нашем виде было множество спортсменов, которые достигли высот именно благодаря комплексному воздействию, в том числе и работе с судьями. Хотя все это довольно противно, потому что используются любые методы.

Наиболее прочно из того разговора с Москвиным мне запомнились слова:

- Знаете, я много лет параллельно с фигурным катанием занимался парусом. Там тоже бывают ситуации, когда ты можешь спровоцировать соперника на нарушение правил, сделать так, что он будет дисквалифицирован. Но соперник знает, что ты можешь его поймать, и сам, в свою очередь, старается поставить в такое же положение тебя. Это в какой-то мере игра. Нет грязи, постоянных склок, интриг. А в фигурном катании обстановка такая, что мужики, бывает, ломаются, не говоря уже о женщинах…

* * *

Пару раз, когда, приезжая в Санкт-Петербург по делам, я оказывалась в машине, за рулем которой была Москвина, а

пассажиром – ее супруг, мне неизменно казалось, что еще немного, и Игорь Борисович вот-вот прямо на ходу выпрыгнет из автомобиля.

- Тамара, куда ты поворачиваешь? Зачем ты встала в этот ряд? – комментировал он действия жены, едва сдерживая раздражение. – Я же говорил тебе, что здесь будет пробка? Останови немедленно, я выйду и поеду дальше сам – на электричке...

Порой я чувствовала, что став невольным свидетелем пикировок звездной пары, сама начинаю «прижимать уши» от грозного, грохочущего тона главы семьи. Одновременно с этим понимала, что такой стиль общения сложился в семье Москвиных давно и прочно. И что эти постоянные и на самом деле беззлобные пикировки – свидетельство не раздражения, накопленного за многие годы совместной жизни, а, напротив, любви, заботы друг о друге и своего рода нежности.

Диалоги бывали самыми разными. Например, такими:

- Тамарочка, стенки бани имеют обыкновение охлаждаться. Для того, чтобы они прогрелись... Да что я тебе объясняю, ты ж не знаешь физики... Надо, чтобы сначала стенки прогрелись. И только потом подкидывать дрова, чтобы поднялась температура.

- В такую баню я не пойду. Там жарко.

- Я тебе еще раз объясняю: нужно время, чтобы прогрелись стены.

- Я сама все сделаю.

- Тебе это доверить нельзя. Ты печку топить не умеешь.

- Я все умею!

- Не умеешь. Устроишь пожар, или еще что-нибудь. Ты же уже ухитрилась сжечь три тостера.

- У меня может тоже во-о-от такой список, что ты сделал не так. Просто я забываю все быстро и все прощаю.

- Я тебе прощаю даже то, чего ты еще не сделала...

* * *

Безусловно, было бы большим преувеличением назвать Москвину самой талантливой и самой удачливой спортсменкой знаменитой в 60-х годах прошлого века питерской группы Игоря Москвина. Как одиночница, она никогда особо не блистала, хотя и принимала участие в нескольких чемпионатах Европы. До того, как Тамара встала в пару с Алексеем Мишиным, на счету их тренера была многолетняя работа с Людмилой Белоусовой и Олегом Протопоповым и, как результат – две золотые олимпийские медали на Играх в Инсбруке и Гренобле. Еще в его тренерском послужном списке были семь медалей этой легендарной пары на чемпионатах мира (из них четыре –

золотые) и четыре победы – на чемпионатах Европы. В сравнении с таким количеством выдающихся титулов единственная серебряная медаль Москвиной и Мишина на мировом первенстве 1969 года в американском Колорадо-Спрингс выглядела не бог весть каким достижением.

Потом Москвин сосредоточился на работе с одиночниками, наиболее яркими из которых стали Юрий Овчинников и Игорь Бобрин, а Тамара начала свой собственный тренерский путь. Сказала как-то о том периоде:

- Начиная работать с парами, я не имела ни малейшего представления, сумею ли чего-то достигнуть. И долго-долго на протяжении этой работы видела перед собой, извините за образное выражение, только попы. Собственного мужа, Станислава Жука, Елены Чайковской, Татьяны Тарасовой. Их спортсмены были так далеко впереди, что я даже не мыслила, что когда-нибудь встану рядом…

В том же самом разговоре я, помнится, спросила Москвину, насколько значимой она считает роль мужа в своем собственном становлении, как тренера. И услышала:

- Сто процентов. - Игорь – гораздо более лучший тренер, чем я, и я признаю это не для красного словца, а потому что так оно и есть. Все его ученики, кстати, стали впоследствии неплохими тренерами. Неудивительно, что и меня он вовлек в эту профессию. Причем произошло это как бы между прочим: многие вещи впитывались подсознательно. Хотя, например, у Тарасовой и Чайковской я училась специально.

- Чему именно?

- Тому, как они работают, как строят программы, как влияют на своих учеников… Пыталась понять, почему именно их спортсмены становятся лучшими. Профессия тренера - это прежде всего ремесло. Под этим словом я подразумеваю необходимый перечень мероприятий. Составить программу, план работы, заставить спортсменов его выполнять. А вдохновение… Это, скорее, умение не просто провести тренировку, но сделать так, чтобы все, кто тебя окружает и задействован в работе, горели энтузиазмом и энергией. Чтобы ты сам приходил домой в хорошем настроении, независимо от степени усталости, не бросался на близких.

Для себя я давно вывела некое правило: стараться делать все в удовольствие. Только тогда твоя жизнь проходит при положительном заряде. Ну а если уж происходят какие-то неприятности, не надо позволять им воздействовать на себя дважды. Не переживать пост-фактум, если неприятность случилась.

Ну а когда хотя бы раз прошел дорогу до золота, то, начиная работать с новыми группами, делаешь выводы: куда идти, как добиваться цели. Ведь опыт - это не что иное, как некий комплекс действий, необходимый для достижения результата. Уже можешь себе позволить срезать углы, чтобы найти наиболее короткий путь. Каждый раз, правда, это бывает по-новому. То больше препятствий, то попадаются менее талантливые, или более сложные по характеру спортсмены…

На вопрос: «Какой должна быть идеальная заготовка для изделия под названием «олимпийский чемпион?» Москвина не задумываясь ответила:

- Прежде всего, это должен быть человек, сам желающий этого звания добиться. Готовый ради этого работать столько, сколько понадобится. Получающий удовольствие от того, что делает. Ну… И не дурак.

* * *

Подозреваю, что переломным в тренерской карьере как Москвиной, так и самого Игоря Борисовича стал тот самый 1983 год, когда из-за стычки учеников в семье случился первый крупный профессиональный конфликт. Помимо личной, в нем была сугубо производственная сторона, которая заключалась в том, что по своему классу обе пары были на равных. Было очевидно, что на своем первом чемпионате Европы они точно так же – на равных – будут сражаться за медали, а, возможно, что и за победу.

Кстати, далеко не все разделяли тогда мнение, что победителями в этой борьбе окажутся Валова и Васильев. Но вышло так, что дисквалификация, наложенная на Макарова федерацией фигурного катания СССР после угрозы Васильева обратиться по факту избиения в суд, лишила учеников Москвина целого года спортивной жизни.

За это время Васильев с партнершей успели стать призерами чемпионата Европы-1983, выиграть чемпионат мира, а на следующий год добавить к этому званию главный титул континентального первенства. Благодаря этим победам рейтинг пары вырос в глазах фигурнокатательного мира до такой степени, что это в большой степени предопределило итог Олимпиады в Сараево. На фигуристов Москвиной мир заведомо смотрел, как на фаворитов. В то время, как ученики Игоря Борисовича воспринимались совсем зелеными новичками.

Из Сараево Селезнева и Макаров вернулись с бронзовыми наградами. Этот результат можно было смело назвать блистательным, но у медали, как водится, имелась и другая сторона. Которая заключалась в том, что впервые тренер-

Москвина нанесла весьма сокрушительное поражение своему учителю - переиграла его на тренерском поле.

Разговаривая со мной много лет спустя о тех давних временах, Москвин безо всякой ревности заметил в адрес супруги:

- Как тренер, Тамара была гораздо лучше «подкована», чем я: знала английский язык, много общалась с иностранными коллегами, постоянно принимала участие во всевозможных семинарах. Она – прирожденный менеджер и всегда была такой, более честолюбива, использует абсолютно все рычаги, чтобы добиться желаемого результата. Столько, сколько она мелькает на всевозможных светских и деловых мероприятиях, не мелькает ни один спортсмен. Меня это никогда не раздражало. Если Тамаре нравится постоянно быть на виду и она считает, что это полезно – почему нет? Более того, я тоже считаю, что это полезно. Тамара – молодец. Если чего-то не знает, то или очень умело это маскирует, или приглашает себе в помощь профессиональных людей. Поэтому никому даже в голову не приходит, что она может чего-то не знать.

В одной из последующих бесед, когда мы с Москвиным вновь вернулись к теме тренерской карьеры его жены, он вдруг очень задумчиво сказал:

- На самом деле я никогда не спрашивал Тамару, кому принадлежала идея добиться дисквалификации моего спортсмена. Не знаю, она ли была инициатором, посоветовав Васильеву написать заявление и пригрозить федерации судом... Хочется думать, что это он придумал сам. Но даже если Тамара и приложила к этому руку, мне сложно ее осуждать. В этом отношении я ее понимаю. Правда сам бы до такого не додумался. Мог сколько угодно обижаться, но в глубине души признавал, что как тренер, Тамара поступила совершенно правильно. Тем более зная, что соперники находятся в превосходной форме.

Другое дело, что мы смотрели на ту ситуацию немножко по-разному: Тамара всегда подчеркивала, что в условиях работы она абстрагируется от всего, в том числе и от семейных отношений. Я же, напротив, всегда считал, что спортсмены приходят и уходят, а семья остается. Но время все сглаживает. Многое забылось, уже дети выросли, разъехались. А мы с Тамарой по-прежнему работаем.

Мой вопрос: «Трудно ли тренировать собственную жену?», по неосторожности заданный однажды Москвину в присутствии супруги, спровоцировал очередную пикировку. Игорь Борисович едва успел произнести: «Так я ее уже и не тренирую давно», как Тамара ершисто отреагировала:

- Тренируешь! Еще как! Нож не тот дала, это не так сделала, то...

- Теперь я понимаю, почему многие фигуристы утверждают, что создавать семьи и проводить с партнером 24 часа в сутки – совершенно невыносимо, - попыталась пошутить я. Москвин шутки не принял:

- Это неправда. Тем более что Тамары часто нет дома. Или же она сидит за своим... телевизором.

- За компьютером, - немедленно отреагировала Тамара. - Я там только почту проверяю. Раньше просматривала некоторые сайты, но быстро потеряла к ним интерес.

- Утром встает и вместо того, чтобы пойти умыться, тут же садится за компьютер, - продолжал нарочито сурово Москвин.

- А вы сами пользуетесь компьютером?

- Абсолютно нет. И постоянно боюсь его сломать. Не люблю трогать вещи, которыми не знаю, как пользоваться. И никогда не берусь за то, чего не умею. Это Тамара за все берется. Хотя тоже не думаю, что умеет.

- Если надо – научусь! - торжествующе парировала уже из прихожей супруга.

* * *

Москвиной все-таки безумно повезло с мужем. Из года в год наблюдая за звездной парой я убеждалась, что именно Игорю Борисовичу, ее собственному тренеру, Тамара постоянно стремилась соответствовать, перенимая знания, секреты, отношение к профессии. Именно ему она ежеминутно старалась доказать, что оказалась хорошей ученицей. И именно его внимания стремилась добиться, чем бы ни занималась.

Москвину-профессионала за глаза упрекали в том, что она порой бывает черства: мол, не должна женщина быть столь жесткой, решительной, прямой в суждениях. Мало кому при этом приходило в голову задуматься, что женщине-тренеру намного труднее пробивать себе дорогу, нежели мужчине. Не женская это по большому счету профессия - тренер. Она отрывает от семьи, от воспитания детей. Если мужчина способен убедить себя в том, что, добиваясь успеха и зарабатывая деньги, он компенсирует свое отсутствие дома, то женщине таких аргументов мало - она терзается и страдает. Наверное, поэтому мотивация у женщины всегда выше: чем еще кроме супер-результата можно доказать себе и окружающим, что все жертвы, принесенные во имя профессии, не напрасны?

- Вы не боялись, что работа может вас развести? – рискнула я однажды задать Тамаре сугубо личный вопрос.

- После известного конфликта между нашими учениками,

когда и наши с Игорем отношения сильно испортились, я много думала о том, что произошло, - ответила она. - Один известный режиссер как-то сказал, что не считает семью ценностью. Я же всегда рассуждала иначе. И Игорь так считал. Его отец умер во время войны, и мама после этого уже не выходила замуж, хотя была очень красивой и интересной женщиной. В моей семье тоже были строгие взгляды. В том плане, что семья – это один раз и навсегда.

Спорт – это совсем другая жизнь. Которую ты начинаешь с каждым новым поколением спортсменов, а потом эту страницу просто переворачиваешь. И все начинается заново. А вот семья, дети, родители – совсем другое.

Та ссора, которая случилась у нас с Игорем, она принадлежала спорту. Было бы страшной ошибкой позволить ей перейти в нашу семейную жизнь и разрушить ее. Как только я поняла, что никакие профессиональные конфликты не должны влиять на обстановку в нашей семье, то стала вновь пытаться все нормализовать. И была очень благодарна Игорю за то, что он тоже начал делать шаги навстречу. Зато сейчас совершенно точно знаю: наша семья – это та самая сфера, в которой мы побеждаем любой другой тренерский дуэт.

Глава 2. ВОЕННЫЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

В домашний музей Москвиных в их просторной квартире на улице Рылеева я впервые попала в какие-то совсем незапамятные времена. Помню, что приехала в Питер с заданием сделать большое интервью с Артуром Дмитриевым, однако двукратный олимпийский чемпион неожиданно уехал по делам, сообщив, что вернется в город совсем поздно вечером. Вот меня и забрали к себе Москвины – скоротать ожидание.

Если уж совсем честно, наиболее сильное впечатление на меня тогда произвел не музей Москвиных, а квашеная капуста. Она была как раз такой, какую когда-то собственноручно заготавливал дома мой отец и какую почти никогда не найти даже на очень щедром на выбор рынке: хрустящей, прозрачно-кремовой с яркими оранжевыми вкраплениями моркови и умопомрачительно вкусным рассолом. Хозяин дома с таким удовольствием угощал меня этой капустой, что не сложно было понять: все домашние разносолы – его рук дело.

Оставалось дождаться удобной возможности завести с Игорем Борисовичем беседу на кулинарную тему.

- Во время войны мы всегда очень много капусты заготавливали, - словно уловив мои мысли, начал рассказывать Москвин. – Бабушка, помню, никогда не перетирала нарезанную капусту руками – чтобы сок не выделялся слишком быстро. Просто пересыпала слои солью. Никогда не пробовала, когда солила - все делала на глаз. Любила приговаривать: «Рука сама знает».

Бабушка вообще хорошо готовила, как и мама. У них я и учился. Помню, как бабушка всегда добавляла в фарш для котлет тертую сырую картошку и маленькие кусочки холодного сливочного масла. В процессе жарки масло таяло, и котлеты получались еще более сочными.

Я как-то решил, помню, тоже котлеты приготовить по бабушкиному рецепту, картошку к фаршу добавил, булку размоченную добавил, а про репчатый лук забыл. Ну а какие же котлеты - без лука? Нонсенс! Стыдоба была…

Еще бабушка делала плов. Не настоящий, конечно – в обычной гусятнице. Баранины на рынке тогда продавалось много, вот бабушка часто ее и готовила. Мы жили рядом с рынком, в доме дореволюционной постройки. Дрова, чтобы топить печь, я носил с улицы на четвертый этаж. Сделал себе специальные ремни-постромки и носил. Рекорд был – 73 полена за раз. Холодильника, естественно, мы не имели, так что для хранения продуктов я просто выдолбил нишу в стенке дома.

В эвакуации большая бочка с бабушкиной капустой стояла у нас в коридоре. В квартире мы постоянно топили печь, да и плитку часто включали. А в коридоре зимой было до такой степени холодно, что в ведрах замерзала вода. Но никто из многочисленных соседей никогда нашу капусту не воровал. Да и вообще еду не воровали. Раньше все-таки народ был более честным, что ли.

Потом, когда я вырос и стал квасить капусту сам, мне на глаза как-то заметочка попалась в одной из ленинградских газет,

где был написан рецепт с точной дозировкой всех ингредиентов. Из этого рецепта я понял, что со своей капустой все всегда делал правильно. Капуста получается у меня очень хорошо. Верхние зеленые листья – во времена моего детства это называлось хряпой – я с кочана обязательно снимаю. Кладу в капусту столько же сахара, сколько и соли. Сахар ускоряет брожение и сокращает время закваски. Соответственно и вкус получается более интересным.

Когда мы с Тамарой жили в Америке, я готовил довольно часто. Помню, как экспериментировал с пельменями. Но в американских магазинах очень своеобразная мука. Тесто получалось настолько крутым, что не раскатать. Я чего только с ним не делал: руки мочил, водой тесто брызгал – ничего не помогало. Несколько раз даже звонил в Питер – спрашивал у одной из тамариных сестер, что в таком случае можно сделать. А потом нашел магазин, где тесто продавалось уже в раскатанном виде – в кругляшках. Правда, большими очень те пельмени получались.

А рыба… Какая в Америке была красная рыба! Громадные такие лососевые головы. Соляночку рыбную сваришь – ложка торчком стоит. И стоила эта красная рыба почему-то намного дешевле, чем любая другая.

- Вы так вкусно рассказываете…

- Когда я что-то готовлю, то вкладываю в это душу. И всегда хочется, чтобы потом либо компания хорошая за столом собралась, либо просто очень вкусно получилось. Готовить просто так мне неинтересно. Да и вообще считаю, что любая работа должна быть под вдохновение.

* * *

История семьи Москвиных во многом напоминала мне историю своей собственной семьи. Родители тоже были тренерами, детьми военных времен. Пережили голод, эвакуацию, гибель близких. Наверное поэтому я с таким жгучим любопытством была готова бесконечно слушать Игоря Борисовича, изредка задавая тренеру вопросы.

- Вот это овальное зеркало – семейная реликвия, от папы с мамой осталась, - рассказывал он, водя меня по своей питерской квартире. - Мы брали это зеркало с собой в эвакуацию, потом привезли обратно. Когда-то, еще на нашей старой квартире, перед этим зеркалом стояла Галина Вишневская. Моя бабушка по линии мамы была неплохой портнихой. Среди ее заказчиц была женщина, которая в то время преподавала в ленинградской консерватории. Она к нам в дом Вишневскую и привела – чтобы создать ей какой-то сценический образ. А для этого ее сначала

следовало просто одеть, как следует. Галина в те времена работала буфетчицей в Кронштадте, училась в консерватории и считалась подающей надежды. Я был совсем мальчишкой и мне почему-то ужасно не нравилось, что какая-то девица приходит к нам в дом, вертится перед бабушкиным зеркалом. А сейчас, получается, гордиться знакомством можно.

- Бабушка профессионально шила?

- Она просто шила. Надо ж было зарабатывать деньги, кормить семью. До войны бабушка жила в Брянске. Именно там мой папа познакомился с моей мамой. Папа тогда учился в Технологическом институте в Ленинграде, а в Брянск приехал на практику – там был крупный машиностроительный завод. Директором этого завода был мой дедушка по линии папы. Он был высоких кровей, царскосельских. Дураков тогда на руководящие посты не ставили.

Я и родился в 1929-м неподалеку - в Бежице, сейчас это пригород Брянска. А через год мы всей семьей переехали в Питер. В отдельную комнату большущей коммуналки с великолепной обстановкой. Одна только кухня там была метров сорок площадью – с огромной плитой посередине. Во главе той квартиры стояла ее исконная хозяйка - Серафима Васильевна Альванг. Эта фамилия досталась ей от мужа. А сама она была по национальности то ли немкой, то ли еврейкой. Все соседи очень хорошо к ней относились, да и вообще были очень дружны. Вместе ставили елку на Новый год, вместе встречали его, отмечали другие праздники.

Отец работал в области холодной обработки стекла в государственном оптическом институте имени академика Вавилова. Там было четыре или пять лабораторий, которые были образованы в 1937-38 годах. Одной из лабораторий заведовал сам Вавилов, там же работали академики Гребенщиков, Теренин.

А потом началась война. Немцы-то наступали шустро. Поэтому в Ленинграде сразу стали думать о том, чтобы перевести подальше от линии фронта все промышленные предприятия. Нас сначала не хотели эвакуировать, но все-таки вывезли за считаные дни до начала блокады. Нам, детям, помню, было интересно смотреть, как все вокруг бомбят.

Бабушка оставалась в Брянске. И несмотря на то, что к моменту начала войны у нее уже не было никакой связи с заводом, ее вместе со всеми прочими сотрудниками тоже отправили в эвакуацию. В Красноярск.

Как они туда ехали – отдельный разговор. Поезд высадил людей прямо в поле, на каком-то полустанке, и там их встречала толпа местных жителей с машинами и стройматериалами, вплоть

до столбов, чтобы соорудить временное жилье и провести электричество.

Было это летом, почти сразу после начала войны. Потом эвакуированных разместили в деревне Бадаевка, где жили очень зажиточные, «правильные» исконные сибиряки. Настолько правильные, что хозяин дома, куда попала бабушка, сделал себе харакири перочинным ножом, когда кто-то обвинил его в воровстве. Причем не просто вскрыл себе внутренности, а резал себя до тех пор, пока не добрался до аорты.

Связь в стране тогда была только почтовая. Но работала хорошо. Уже после того, как в 1942-м от тифа умер отец, бабушка в попытках нас разыскать написала в Ленинград и ей сообщили, что папин институт эвакуирован в Йошкар-Олу. И к осени 1943-го бабушка приехала к нам с мамой.

Из Красноярска она забрала с собой самое ценное, что у нее было - головку от ножной швейной машинки. Правда эта головка не работала: перед эвакуацией бабушке посоветовали как следует смазать весь механизм подсолнечным маслом - чтобы головка не заржавела. От жары масло засохло, и все попытки починить головку в Красноярске оказались тщетными. Но тем не менее бабушка ее не выбросила – привезла в Йошкар-Олу.

Жили мы в каком-то общежитии. Тараканов там было... И один туалет на четыре этажа. Когда идешь туда в темноте с лучинкой – под ногами жуткий хруст стоял. А посветишь получше - весь пол вокруг тебя шевелится черным.

Мне тогда было 14 лет и я подумал: есть каустическая сода, которую нам давали для производства мыла. Если эта сода растворяет кости и шкуры, то засохшее растительное масло она ведь тоже должна растворить без проблем?

В общем, взял я здоровое ведро, насыпал туда каустика, развел водой, опустил в ведро головку от бабушкиной машинки и поставил на ночь на плиту. Вонь была по всей комнате совершенно невыносимая. Но головку удалось после этой процедуры развинтить и почистить.

Ничего сложного, как выяснилось, в механизме не было. А поскольку в эвакуации я регулярно ходил в столярный кружок, который организовал кто-то из взрослых, чтобы занять мальчишек, то без труда соорудил ящик, вырезал из фанеры подставку, правда по ходу пришлось переоборудовать машинку из ножной в ручную. Кружок у нас был прямо в общежитии. Собирались мы то в одной в квартире, то в другой. Никто из жильцов не возражал – от наших занятий ведь оставалась деревянная стружка, которой можно было подтапливать печку.

Бабушка, получив исправную машинку, была счастлива. И

сразу в городе прошел слух, что она шьет. Одной из ее клиенток даже стала секретарь главного босса республики. Первым лицом по тем временам всегда был русский, а вот секретарей набирали из местных. Вот бабушка и стала ту местную барышню обшивать. Денег тогда ни у кого не было, поэтому расплачивалась та женщина с бабушкой медом, селедкой и салом. У ее семьи имелось огромное собственное хозяйство с пасекой, в ста километрах от него текла Волга, где ловили знаменитую волжскую селедку. Я до сих пор помню тот мед – темный, прозрачный, тягучий...

Но там, в Йошкар-Оле я объелся медом, селедкой и салом до такой степени, что потом долго не мог даже смотреть на эти продукты. Селедку начал снова есть только во взрослом возрасте, когда выпивать стал. А сало не ем до сих пор.

Та бабушкина машинка долго была нашей главной кормилицей. В 1945-м, когда нас снова привезли в Ленинград, я пошел на Ситный рынок и за какие-то копейки купил для машинки станину. Она была без верхней платы, но ее я без проблем сделал сам.

* * *

- Вся ваша семья в войну состояла из бабушки и мамы?

- Да. Отца я хоронил сам – в Йошкар-Оле. Зимой 1942-го он ездил оттуда на месяц на фронт – проверял, как работают какие-то его приборы. Он ведь с оптикой работал, а это – прицелы, системы наблюдения...

Вернулся папа с сыпным тифом. И через неделю его не стало. Потом перед нами извинялись. Выяснилось, что всех, кто ездил из эвакуации на фронт, были обязаны обеспечивать шелковым бельем. Шелк был единственной доступной тканью, на которой не держались вши - соскальзывали. А папу отправили на фронт без этого белья, потому что его поездка была организована в каком-то совсем экстренном порядке.

У папы было очень много родных. Точнее – у дедушки по папиной линии. Пять сыновей и две дочки. Причем все – очень умные и образованные люди. Старший сын – дядя Сеня – был главным инженером Государственного оптико-механического завода «Светлана». Потом этот завод назывался ЛОМО, ЛОМЗ – производил всю оптику для страны. Государственный оптический институт ее разрабатывал, а ЛОМЗ производил. Этот объект считался настолько стратегически важным, что к нему была даже подведена специальная железнодорожная ветка.

В 1936-м дядю Сеню отправили на годичную стажировку в Америку. Вернулся он оттуда на громадном – самом большом по тем временам - трансатлантическом корабле «Queen Mary»,

который только-только спустили на воду. Еще через год дядьку арестовали. И отправили на поселение в Свердловск. Правда в 1941-м туда же был эвакуирован ГОМЗ, так что дядя снова оказался при своей прежней работе.

А вот вся его семья погибла в Ленинграде: дом накрыло во время одной из первых бомбежек Васильевского острова.

Второй брат – Андрей Москвин - стал известным кинооператором. Он всю жизнь был одиноким: ни жены, ни детей – весь в своем искусстве. Его я, правда, никогда не любил, потому что он никогда нам не помогал. Не помог даже тогда, когда мы вернулись из эвакуации. У нас ведь ничего не осталось, даже жилья.

Третий брат отца - дядя Гриша – во время войны был то ли главным конструктором, то ли главным инженером Кировского завода. Четвертый – не помню даже его имени – застрелился совсем молодым из-за того, что умерла его жена. Он очень ее любил и совершенно не представлял себе, как жить, после того, как жены не стало.

Еще у отца были две сестры – мои тетки. Старшая Варя работала патологоанатомом и умерла, отравившись трупным ядом – занесла его в ранку на руке во время какого-то вскрытия. А младшая – Елена – как-то исчезла из поля зрения всех своих родственников сразу после войны.

- Получается, до вас с мамой и бабушкой вообще никому не было дела, когда вы вернулись в Питер?

- Дядя Гриша искренне хотел нам помочь, но его супруга – очень жесткая и властная женщина – сразу встала на дыбы. Мол, нахлебников им в доме не нужно. Моя мама тоже была человеком жестким и принципиальным. Поэтому отношения с отцовскими родственниками были разорваны сразу и навсегда.

Вот и получилось, что от большой семьи никого как бы и не осталось.

* * *

- Голодать вам приходилось?

- Когда война закончилась, было тяжелое время. Очень сильно подскочили цены. Помню, недалеко от нашего дома был магазин, в котором продавалась живая рыба. Плавала прямо там, в бассейне. Икра стояла в больших блюдах – одной только черной три сорта. Еще была серая икра, паюсная. Селедка, снетки – маленькие, кривые, но удивительно вкусные рыбешки. Из них суп варили. А наиболее тяжелыми годами были 1947-й и 48-й. Продуктовые карточки уже отменили, так что денег на еду требовалось достаточно много. За обедом я съедал полкило хлеба. Иначе оставался голодным.

Хотя в конце войны я получал немыслимые деньги – больше, чем по тем временам зарабатывали профессора и руководители лабораторий. Согласно Конституции в 12 лет я уже имел право работать. Не более четырех часов в день, правда. Так что трудовая книжка у меня с 1942 года – того самого момента, когда в эвакуации меня приняли на завод учеником слесаря.

В 1945-м, когда завод вернулся в Ленинград, получилось так, что вся лабораторная работа оптического института замкнулась на мне. Многие специалисты погибли или были ранены, те, кто остался в живых, еще не успели вернуться в город.

Специально для меня тогда из Казани вызвали специалиста, который владел какими-то уникальными секретами и приемами стеклодувной профессии. Со мной он возился целую неделю. Ну а потом я уже совершенствовался сам.

Тогда был очень серьезный подход к ручной работе. Да и требования были неимоверно высоки. Не думаю, что сейчас вообще можно найти специалиста, способного сделать то, что делали мы, мальчишки, на экзамене по мастерству в эвакуации. Например, одним из заданий, которые нам давал мастер, было за три часа вручную выточить кубик со стороной пять сантиметров, имея в распоряжении железную заготовку, напильник, тиски и измерительные инструменты. При этом погрешность в перпендикулярности всех шести сторон не должна была превышать 0,5 мм.

В этом отношении у меня очень хорошие руки. Хотя большого полета фантазии нет. Мне свойственно концентрироваться на выполнении узкой конкретной задачи.

Некоторые стеклодувные работы, которыми мне пришлось заниматься в Ленинграде, требовали довольно продолжительного времени. Иногда уходило двое суток: с точки зрения технологии было принципиально, чтобы стекло правильно и равномерно остывало. Я тогда долго думал, как и где можно сэкономить на каждом этапе, чтобы не пострадало качество изделия. В результате придумал. И весь технологический процесс стал укладываться не в два, а в полтора дня. Соответственно и производительность стала гораздо выше.

Одновременно с этим нужно было еще и учиться – заканчивать школу. Наша преподавательница немецкого языка Бэлла Юрьевна меня ненавидела. В эвакуации я на слух выучил язык, общаясь с пленными австрийцами, которые работали в нашем институте. Позже-то я понял, что это был не совсем немецкий язык в классическом его виде. Но в школе выпендривался, периодически позволяя себе при всем классе делать Бэлле Юрьевне замечания.

Первое полугодие 1945 года в школу я, правда, почти не ходил – было слишком много работы в оптическом институте. Иногда меня забирали на завод прямо с урока – присылали прямо к школьному крыльцу черную «Победу» с водителем. Так что в школе я считался очень важным человеком.

А в январе 1947-го я уже участвовал в своих первых соревнованиях.

Глава 3. ЛЕД И СТАЛЬ

Личное дело: Москвин Игорь Борисович. Родился 30 августа 1929 года. Мастер спорта по фигурному катанию. Основная специализация – парное катание (партнерша Майя Беленькая). Заслуженный тренер СССР. Член первой сборной СССР, которая в 1956 году выезжала на чемпионат Европы в Париж. Трехкратный чемпион страны (1952-1954). Четырехкратный вице-чемпион СССР (1950, 1954-56). Тренеры – Петр Петрович Орлов, Нина Васильевна Леплинская.

Знаменосец олимпийской команды СССР на церемонии закрытия Олимпийских игр 1964 года в Инсбруке.

Личный тренер первых советских олимпийских чемпионов Людмилы Белоусовой и Олега Протопопова. Кавалер ордена «Знак Почета». Закончил Государственный институт физической культуры имени Лесгафта. Работал тренером ЦС «Динамо», старшим тренером ДСО «Буревестник» и ДСО «Труд».

Ученики в одиночном катании: Тамара Братусь (Москвина),

Владимир Куренбин, Инна Крундышева, Наталья Стрелкова, Александр Яблоков, Алла Корнева, Андрей Соловьев, Юрий Овчинников, Игорь Бобрин, Игорь Лисовский, Владимир Котин, Олег Васильев.

Ученики в парном катании: Людмила Белоусова/Олег Протопопов, Тамара Москвина/Александр Гаврилов, Тамара Москвина/Алексей Мишин, Людмила Смирнова/Андрей Сурайкин, Ирина Воробьева/Александр Власов, Ирина Воробьева/ Игорь Лисовский, Лариса Селезнева/Олег Макаров, Марина Ельцова/Андрей Бушков, Юко Кавагути/Александр Маркунцов, Юко Кавагути/Дэвин Патрик.

Однажды, когда мы с Игорем Борисовичем сидели за кухонным столом у Москвиных дома, беседуя по обыкновению о фигурном катании, он вдруг поднялся со стула и со словами: «Сейчас я вам одну интересную штуку покажу» исчез в недрах квартиры. Вернулся с выцветшей и сильно потертой по углам серовато-коричневой плоской картонной коробочкой. Бережно снял с нее самую обычную аптекарскую резинку и выложил на кухонный стол два совсем старых картонных лекала.

- Вот это и есть знаменитые ленинградские коньки, на которых когда-то катались почти все наши фигуристы. Сам я начинал кататься совсем на других. У меня был друг - Володя Ветрогонский, - который прошел всю войну, закончил ее в Германии, а в числе своих трофеев привез в Ленинград коньки-снегурочки. И подарил их мне.

Эти конечки крепились на ботинок, как тиски – специальными винтами с боков. Я прикрепил их на лыжные ботинки, срезав по бокам подметку. Сам эти коньки всегда и точил – круглым напильником.

А в 1963-м, когда у меня уже тренировалась Тамара, я специально для нее привез из какой-то заграничной поездки две пары английских лезвий, истратив на них все свои деньги. Английский конек по тем временам считался эталонным. Производили их две фирмы, которые базировались в Шеффилде - МК и John Wilson.

На основе тех лезвий я и сконструировал наш «ленинградский» конек. Сделал два лекала. Одно – для обязательных фигур, второе – для произвольного катания. Самое главное заключалось в изгибе этого конька. В английскую модель я внес некоторые изменения, потому что хотел, чтобы лезвие моего конька было чуть выше, чем у английского. Это давало возможность сильнее наклоняться при катании. При этом ботинок не цеплялся за лед.

Тогда я сделал подробнейшие чертежи передней части конька, задней. В зависимости от того, какого размера нужны лезвия, базовая модель легко либо растягивалась, либо сжималась. Главным мерилом глубины желобка, помню, был пятачок – самая обычная пятикопеечная монета. По своему диаметру эта монета составляла ровно дюйм – 25,4 мм. И вот по тем моим чертежам на ленинградском заводе десять лет производились коньки, на которых каталось большинство наших фигуристов. Уже значительно позже мы стали покупать лезвия за границей.

* * *

- Откуда у вас взялся столь жгучий интерес к фигурному катанию?

- Нельзя сказать, что этот вид спорта был как-то по-особому популярен. Я даже сказал бы, что никакой популярности не было и в помине. Но был фильм «Серенада Солнечной долины». Я смотрел его несколько раз и не верил, что человек вообще способен так кататься. Думал даже, что это – какие-то специальные фокусы - киношные приемчики.

- Примерно в то же время, когда фильм вышел на экраны, в Ленинграде проводился конькобежный матч трех городов – Стокгольма, Хельсинки и Ленинграда. И шведы привезли с собой трех фигуристов – чтобы выпускать их перед публикой в перерывах между забегами. Когда я увидел, как они крутятся на льду, мне очень понравилось. Вот и записался в кружок Дворца пионеров, случайно увидев на улице объявление о наборе. Оттуда – с клумбы, вокруг которой зимой заливали лед, - все ленинградское фигурное катание, собственно, и началось.

Через год наш знаменитый питерский тренер Петр Петрович Орлов пригласил меня в «Динамо» - чем-то я ему приглянулся. Он даже отдал мне свои ботинки, которые, как выяснилось, были на два размера меньше, чем носил я. Пришлось обрезать носки ботинок и аккуратно замотать их черной изолентой, чтобы пальцы не торчали наружу.

Сами лезвия были куйбышевские – их в 1947-м начал выпускать куйбышевский подшипниковый завод. Сталь была великолепная. Но главное, куйбышевские мастера сделали то, что никто и никогда больше не делал – так называемую «цементацию» не только снизу, как делают сейчас, но и с боковых сторон. Накладывали углеродный состав и закаляли лезвие. Благодаря этому куйбышевский конек никогда не ломался. Его твердость можно было сопоставить с твердостью напильника – хоть ножи этими лезвиями затачивай!

Куйбышевские коньки, конечно, были не очень

прогрессивными в плане скользящих кривых, но само по себе их появление стало колоссальным шагом вперед. На них катались все вплоть до 1963 года - пока не появились ленинградские коньки.

Первые соревнования – те самые, что были в январе 1947 года, запомнились мне еще и потому, что там присутствовал знаменитый Николай Александрович Панин-Коломенкин. Фигурист, ставший первым российским олимпийским чемпионом в 1908 году. Он приходил на каток в длинной – то ли лисьей, то ли в волчьей шубе, валенках, садился в специально приготовленное для него кресло и смотрел соревнования.

Площадка катка была крошечной, и я, помню, носился по ней, как псих. Мне казалось, что раз уж соревнования по конькам, надо обязательно кататься быстро. Тем более что до этого я и в конькобежных соревнованиях поучаствовать успел.

Народу на тех соревнованиях было совсем мало, так что я в итоге занял первое место. Очень этим гордился. В качестве приза мне дали еще один спортивный костюм и ботинки. Хотя я очень рассчитывал на коньки...

В том же году я участвовал и в чемпионате страны, который проводился в Горьком – там состязались не только фигуристы, но и конькобежцы. Нас заранее предупредили, что будут кормить, но хлеб нужно привезти с собой. Я и поехал – с чемоданчиком, где лежали четыре здоровенные буханки, коньки и одежда, в которой я катался. Ехали на поезде в вагончиках со свечным освещением. Петр Петрович Орлов заранее научил меня, что занимать надо самые верхние полки - багажные. Я сразу туда и забрался. Занял место, кинул рюкзак под голову. Среди ночи вдруг начали топить. Моя голова, как выяснилось, лежала прямо на трубе отопления, от жары я и проснулся: шапка мокрая, труба мокрая, а пространство между полкой и потолком такое узкое, что даже не сесть.

Спасаясь от этой невыносимой жары я заполз в чемоданный отсек, а там, как выяснилось, уже какая-то красотка с молодым человеком пристроилась. Пока думал, что делать дальше, эта барышня вдруг свою ногу прямо на меня положила. «Тетя, - шепчу. – Уберите ногу, мне жарко!» И вдруг ее кавалер мне грозным голосом говорит: «Молчи, малчык!»

Вот так мой первый выезд и прошел. Хотя сами соревнования я запомнил надолго. Вместо денег на еду нам выдали специальные талончики. Даешь в столовой такой талончик, тебе несут суп, котлету с гарниром, компот...

Во время соревнований судьи сидели вдоль длинной стороны катка, а сам каток уходил куда-то в бесконечность. Так казалось

еще и потому, что вокруг льда не было никаких ограждений. Петр Петрович Орлов постоянно ходил в летной кожанке, под ней на нем был красный свитер, черные рейтузы, белые ботинки. Я же был у него, как ассистент. Он выходил на лед, одним движением сбрасывал кожанку, я ее подхватывал и исчезал в темноте...

В последний день соревнований за ужином Орлов, помню, поспорил на ящик пива с конькобежцем Иваном Аникановым, кто из них быстрее пробежит дистанцию. Договорились, что будут стартовать каждый в своих коньках, а после того, как пробегут круг, поменяются ботинками и побегут еще круг.

Уже поздно вечером мы всей толпой пошли на стадион «Водник» - эту дуэль смотреть. Нашли сторожа, попросили его зажечь свет. После старта Аниканов поехал не спеша, очень вальяжно, заложив руки за спину. И обогнал Орлова на полкруга. Потом они переодели коньки. Надо сказать, что у фигуристов лезвия были более закругленные. К тому же у конькобежцев правый конек ставился чуть более смещенным внутрь – чтобы лучше работал на виражах, и ботинок не упирался в лед, а левый, напротив, смещался чуть наружу. То есть ноги с самого начала привыкали к довольно специфичной опоре.

Как только дали второй старт, Петр Петрович, копируя Аниканова, вальяжно и неторопливо поехал на его коньках вперед, а Аниканов быстро-быстро заработал ногами и тут же улетел в сугроб: фигурные-то коньки не предназначены, чтобы на них по прямой ехать. Выбрался он из сугроба, бросился догонять Орлова и снова упал. Смеху было...

- У вас тогда не считалось, что фигурное катание – это не очень мужской вид спорта?

- Нет. Да и не могло быть такого. Потому что на каждого спортсмена тогда смотрели, как на человека, который вносит свою лепту в победу клуба, города или страны.

* * *

- Как получилось, что вы стали заниматься парным катанием, а не одиночным?

- Трудно сказать. Возможно, динамовской школе для командного зачета в те времена требовалась именно пара – соревнований-то в городе и стране проводилось много, в том числе командных. Вот Петр Петрович Орлов и поставил меня в пару – как самого старшего из группы. При этом я продолжал выступать, как одиночник. В 1952-м мы с Майей Беленькой стали чемпионами страны, выигрывали этот титул еще два года, а в 1956-м поехали на чемпионат Европы в Париж. Команда состояла из пяти человек – нас с Майей, пары Лидия Герасимова/Юрий Киселев и одиночника Вали Захарова.

Сейчас уже не помню, кто именно был руководителем нашей делегации, но переводчика в Париж не повезли вообще. Его работу выполнял какой-то белогвардейский эмигрант еще царских времен, который знал отдельные французские слова. Помочь нам разобраться в правилах соревнований он, естественно, не мог, поскольку уже тогда правила писали на английском.

Эта поездка была, конечно, авантюрой чистой воды. Языка не знал никто из нас. Свод правил, который нам все-таки выдали перед отъездом, сопровождался каким-то совершенно диким, неизвестно где сделанным переводом. Помню, что прыжок в либелу – Flying Camel – значился там в дословном переводе: «Летающий верблюд». Никто не имел ни малейшего понятия о регламенте, начиная с того, на каком именно катке будут проводиться соревнования. А каток, как потом выяснилось, оказался на три метра короче тех, к которым привыкли мы.

В Париж мы приехали впритык к выступлениям. Сразу пошли смотреть, где предстоит кататься. Основной каток был оборудован на месте старого велодрома, а поблизости от него на открытом льду тренировались танцоры. Мы тогда вообще не знали, что танцы – это отдельный вид фигурного катания, в котором уже несколько лет разыгрываются медали чемпионатов мира. Поэтому посчитали, что это катаются те, кто будет вместе с нами выступать в парах. То есть были серые, как валенки.

На следующий день предстояло стартовать. Нам даже в голову не пришло, что утром могут проводиться какие-то дополнительные тренировки. То есть мы сами лишили себя возможности перестроить программы таким образом, чтобы хоть как-то приспособить их к размеру катка.

Музыку для программ нам записали в Ленинграде, но в Париже выяснилось, что она должна была быть записана с определенной скоростью - на пластинках с определенным количеством оборотов. То есть, выставить нужную скорость звукооператоры могли, но надо ж было им для этого сказать, какая именно скорость требуется. А мы не имели об этом ни малейшего понятия.

В итоге все выставляли вручную, на слух. Получилось чуть быстрее, чем в оригинале, но это как раз было нам на руку: давало шанс хоть как-то «уложить» программу в размер площадки. Хотя то, что мы не уложимся, я понял сразу, как только увидел каток. Даже сказал Майе, что самую длинную из наших комбинаций мы делаем до тех пор, пока не закончится лед. Если повезет, то может быть даже уложимся. Ну а если выйдет так, что недоделаем какие-то шаги, то повернем и поедем

в другую сторону, как будто так и надо.

- Было страшно?

- Это был не вопрос страха, как такового. Мы просто не знали, что делать и как себя вести. До этого у нас с Майей были всего одни зарубежные соревнования - в Чехословакии. Но там была площадка нормального размера. Слабее соперников мы себя не чувствовали. Поддержки делали ничуть не менее сложные, да и в остальных элементах не уступали, благодаря тому, что некоторое время тренировались вместе с чехами Верой Сухонковой и Зденеком Долежалом. Они к тому времени уже были призерами чемпионата Европы и учили нас всему тому, что успели освоить сами.

В Париже в парном катании выступали две группы фигуристов, по 8 дуэтов в каждой. То есть на разминке не разбежишься, не прыгнешь, ничего толком не сделаешь. Можно было только покататься. О том, чтобы смотреть по сторонам и обращать внимание на то, как катаются другие, речь даже не шла. Удивляюсь, что на том чемпионате нам с Майей вообще какие-то баллы поставили.

Зато Париж мы посмотрели. Не помню уже, как и где нас там размещали, вроде бы выдали какие-то талончики на еду. Правда, пока шли соревнования, нам вообще не до этого было.

А через год мы с Майей закончили кататься. Были очень хорошо готовы к сезону, но получилось так, что перед отборочными соревнованиями, которые проводились в Москве в Сокольниках, я заболел.

За год до этого - в 1956-м - мы проиграли чемпионат страны Герасимовой и Киселеву, но проиграли анекдотично: выдалась такая сильная оттепель, что коньки стали вязнуть во льду. Мы с Майей прокатались хорошо. А Киселев с партнершей постоянно падал. И главный судья – очень сердобольная и жалостливая женщина – вдруг сказала, глядя на них: «Давайте не будем засчитывать падения, раз уж у нас такой плохой лед».

На соревнованиях в Сокольниках разыгрывалось всего два места на какую-то поездку, поэтому я очень рвался выступать, несмотря на то, что в Москву приехал с высокой температурой, а кататься предстояло на открытом льду. Размещались иногородние спортсмены в Лужниках, и когда я оттуда поехал на каток, взяв коньки и костюмы для выступления, то до метро так и не дошел – по дороге потерял сознание.

Каким образом снова оказался в гостинице, просто не помню. Уже потом в гостиницу приехал врач, что-то со мной делал, но на соревнования я, естественно, не попал. И автоматически, поскольку очень многим руководителям федерации это было на

руку, мы с Майей оказались вне сборной. Хотя я искренне полагал, что те соревнования мы должны были выиграть. Тогда ведь было проще прыгать, чем сейчас: никто не смотрел, докручен прыжок, или нет, на какое ребро получилось приземление...

В «Динамо» с нас тоже незамедлительно сняли зарплату, так что я оказался просто вынужден перейти на тренерскую работу.

* * *

- Что же вы с такими техническими задатками пошли не в науку, а в спорт?

- Сначала пошел как раз в науку. На работе мне оказывал большое внимание академик Александр Николаевич Теренин – он считается основоположником разработок в области нашей инфракрасной техники, занимался исследованиями в области вакуума. Он был довольно одиноким человеком, жил с нянькой, которая воспитывала его с детства. Иногда он заглядывал к нам в гости - думаю, что за мамой поухаживать хотел. А надо мной как бы шефствовал - и во время эвакуации, и после, уже когда мы вернулись в Ленинград. Мы даже на байдарке с ним куда-то в поход ходили.

Девятый и десятый классы я тогда ухитрился закончить в один год. Произошло это благодаря приятелю, который узнал, что в Петергофе есть заочная школа и экзамены там можно сдавать экстерном. Это давало возможность получить год свободного времени - до того, как в армию заберут.

Мы набрали, помню, каких-то шпаргалок – никто тогда особенно за этим не следил. И успешно все экзамены сдали, после чего Теренин пристроил меня в институт Ульянова-Ленина.

Проучился я там всего один семестр. Тогда я уже довольно серьезно занимался фигурным катанием. Пришел в секцию сразу после того, как мы вернулись из эвакуации. А в 1947-м уже выиграл чемпионат Ленинграда в одиночном разряде. Вскоре после этого мне сказали, что в институту физкультуры имени Лесгафта будет производиться набор в школу тренеров.

Надо понимать, что это были за времена. Продукты давали по карточкам. По рабочим карточкам полагалось больше. Еще были ученические карточки и пенсионные. Но рабочие – самые «высокие». И слушателям школы тренеров выделялись именно они.

Плюс – была обещана красивая спортивная форма и обувь, что тоже было жутким дефицитом. Вот и соблазнили меня.

Проблема с переходом в школу тренеров заключалась в том, что справку о среднем обучении, полученную в заочной школе в Петергофе, я отнес при поступлении в институт Ульянова-Ленина. Аттестатов тогда не давали – не было такого понятия, но

справку нужно было предоставить в обязательном порядке. Я снова поехал в Петергоф, соврал, что документы об окончании школы у меня потерялись и получил справку-дубликат, в которой было написано, что документы утеряны по вине администрации учебного заведения.

С этой справкой меня и зачислили в школу тренеров Лесгафта.

Мне тогда много помогал Панин-Коломенкин. В 1949-м, когда я закончил школу тренеров, именно Панин предложил организовать в институте Лесгафта кафедру фигурного катания. И это при том, что кроме меня в городе не было ни одного человека, кто официально мог считаться тренером по фигурному катанию. Николай Александрович подарил мне третий рукописный экземпляр своей книжки - еще до того, как эта книжка была издана.

Из этой книжки я брал какие-то методические вещи, учился составлять тренировочные планы. Моя первая самостоятельно набранная группа включала в себя порядка 15-ти человек. В числе прочих там катался один из самых известных бардов страны Юра Кукин - автор знаменитой песни «А мы едем, а мы едем за туманом...».

С Паниным-Коломенкиным я советовался постоянно.Помню, однажды он выслушал меня, встал, пожал мне руку и сказал: «Теперь я верю, что российское фигурное катание в опытных руках». Было очень приятно услышать от него такие слова. А в 56-м Николай Александрович умер.

- Вы когда-нибудь выдели, как Панин катался?

- Нет, конечно. Откуда? Только в рисунках начала века. Применительно к Панину-Коломенкину я прежде всего видел приятного, интересного человека, который умел прекрасно рассказывать – и многое нам рассказывал.

У него до самой смерти сохранялась невероятно высокая ясность мышления – он ведь прекрасно стрелял, более десяти раз выигрывал чемпионат России в стрельбе из револьвера. И до сих пор является обладателем рекорда по стрельбе из дуэльного пистолета.

Правда хитрецом Панин был большим. Он всегда досконально вникал в суть правил и блистательно умел находить в них нужные лазейки. Например, первым сообразил, что в правилах нигде не сказано, что производить выстрелы спортсмен обязан при полностью заряженном магазине. И приспособился стрелять из одного и того же гнезда. Он сам заряжал гильзы: взвешивал порох и пули на аптекарских весах, сам эти пули подтачивал, создавал собственный арсенал. Один раз судьи

сделали ему замечание, что он перед каждым выстрелом перезаряжает барабан, но он нашелся. Сказал: «Покажите мне правила, которые запрещали бы это делать». А ведь правила спортивных состязаний тогда были очень жесткими. Не то что сейчас в фигурном катании...

* * *

Вспоминая о начале тренерской карьеры Москвина, один из его первых учеников Алексей Мишин рассказывал мне:

- Когда мы с Тамарой только начали кататься, Игорь Борисович постоянно искал какие-то новые идеи. Обычно люди, которые только что сами ушли из спорта не очень этим отличаются. Москвин же постоянно находился в самом разноплановом поиске. Размышлял, к примеру, так: на конькобежных коньках человек скользит лучше, чем на фигурных. В чем разница? Конькобежные коньки тоньше. Значит, и для фигурных коньков надо делать лезвия более тонкими. Как яхтсмен и буерист он знал, в частности, что полозья буеров делаются из бронзы. Сделал бронзовые коньки для Тамары, когда она еще каталась, как одиночница.

Когда я сам занялся наукой, а потом и тренерской работой, то стал заново переосмысливать и работу Москвина. Что было характерно для него больше всего? Аналитический подход. Этот краеугольный камень я у него позаимствовал и развивал очень последовательно.

Чуть позже историю о бронзовых коньках я услышала от Тамары. О том, как она перед выступлением клала эти коньки на батарею, чтобы нагрелись лезвия, а потом быстро надевала и шла на лед. И они, пока не остывали, совершенно потрясающе скользили.

- Я просто знал, что внутреннюю часть подшипника, чтобы добиться лучшего скольжения, иногда делали из бронзы, - пояснил мне по этому поводу Москвин. - Вот и попробовал выточить конек из бронзовой пластины. Не знаю уж, насколько это было лучше, но коэффициент скольжения у такого конька, безусловно, был выше, чем у обычного. Проблем, чтобы сделать такие коньки, по тем временам не было. У меня имелось достаточно много связей среди инструментальщиков, к тому же основные заготовки я делал сам. Да и людям, к которым я обратился, в какой-то момент стало просто интересно, что из моей затеи получится. Поэтому и помогали охотно.

Когда я впервые этим занялся, то сначала пробовал другой вариант: внутренняя часть лезвия из инструментальной ножевой стали, а внешняя - из алюминия. Но такие коньки скользили плохо – слишком жесткой получалась стальная часть. На них

можно было ездить год без дополнительной заточки, но лезвия так и оставались шероховатыми – не заполировывались. А это для фигурного катания достаточно принципиально. То, что лезвия получались легче, чем другие, большого преимущества тоже не давало. Ведь основной груз на ногу дает не конек, а ботинок.

Хромо-никелевый сплав, с которым я тоже много экспериментировал, обеспечивал хорошее скольжение, но плохо «держал точку». Таким образом я и пришел к выводу, что бронза – почти идеальный металл, если речь не идет о катании в очень большой мороз. На морозе бронзовые лезвия начинали «примерзать» и скольжение становилось неважным - хуже, чем у обычных. Поэтому их иногда и приходилось греть.

В том сугубо техническом разговоре с Москвиным я не могла не вспомнить историю, которую много раз слышала от Олега Протопопова. О том, что он в свое время сконструировал для себя и для партнерши какие-то совершенно необыкновенные коньки и собственноручно сшил ботинки. Однако когда я спросила об этом тренера звездной пары, он лишь пожал плечами:

- Не знаю. Коньки, на которых катались Мила и Олег, были английскими. Ботинки же мы всегда шили по индивидуальным меркам. У Олега была колодка, которую ему в свое время сделали в Ленинграде на ортопедической фабрике. Вот по этой колодке ему и делали ботинки. Это нормальная, довольно распространенная в те времена вещь. Такое делали для фигуристов и в Москве, и в Ленинграде.

Другое дело, что кататься в одних и тех же ботинках много лет просто невозможно. У меня например, когда я катался сам, ботинки до такой степени промокали на тренировках от пота, что соль выступала снаружи – белыми разводами по коже. Хотя в 70 лет такого уже не бывает – железы функционируют совершенно иначе.

Рассуждая об уникальности своих первых учеников - Белоусовой и Протопопова - Москвин тогда сказал:

- Сейчас в фигурном катании уже не осталось людей, до такой степени преданных этому виду спорта...

Для людей, видевших Людмилу Белоусову и Олега Протопопова на льду в лучшие годы их выступлений, они до сих пор остались легендой.

В одной из западных статей о русской паре писалось: «Людмила и Олег - это союз, который был создан на небе и не может быть разделен даже со смертью обоих партнеров. Всю свою жизнь Людмила и Олег были сообщающимися сосудами, где один черпает все необходимое у другого, дополняя его, в свою очередь, чем-то своим. Поэтому делиться с посторонними, будь то ученики

или коллеги по работе, им попросту нечем: все уходит на себя, для восстановления истраченного и создания нового. От этого - конфликты с товарищами по сборной или балету на льду, в которых они видели не более чем пришельцев в принадлежащем им, и только им, микрокосмосе парного фигурного катания…»

Глава 4. ЛЮБОВЬ ДЛИНОЮ В ЖИЗНЬ

Личное дело: Белоусова Людмила Евгеньевна. Родилась 22 ноября 1935 года. Фигурным катанием начала заниматься в 16 лет. Заслуженный мастер спорта СССР. Специализация – парное катание. Первый партнер Кирилл Гуляев. Образование – Ленинградский институт железнодорожного транспорта.

Протопопов Олег Алексеевич. Родился 16 июля 1932 года. Фигурным катанием начал заниматься в 15 лет. Заслуженный мастер спорта СССР. Специализация – парное катание. Первая партнерша Маргарита Богоявленская. Образование – Ленинградский институт иностранных языков (преподаватель).

Вместе начали выступать в в 1954 году. На своем первом чемпионате Европы в Братиславе (1958) заняли 10-е место. В том же году стали 13-ми на чемпионате мира в Париже.

Двукратные олимпийские чемпионы (1964, 1968). Четырехкратные чемпионы мира и Европы (1965-68). Трехкратные

вице-чемпионы мира и Европы (1962-64). Бронзовые призеры чемпионатов мира и Европы (1969). За спортивные достижения награждены двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Тренеры – Петр Петрович Орлов, Игорь Борисович Москвин.

В 1957 году поженились. Завершили спортивную карьеру в любительском спорте 1971-м. В течение последующих четырех лет - солисты Ленинградского балета на льду.

Чемпионы мира среди профессионалов (1973, 1983, 1985). Серебряные призеры этих соревнований в 1984 году и бронзовые – в 1986-м. Завершили соревновательную карьеру в профессиональном спорте в 1987-м.

С 1979-го и по настоящее время постоянно проживают в Швейцарии.

Факт довольно продолжительной работы Москвина с Белоусовой и Протопоповым – не только самым легендарным, но и самым эгоистичным и самым изысканно-артистичным дуэтом мирового парного катания – в свое время стал для меня откровением. С фигуристами я была знакома много лет, мы не раз встречались и беседовали на тех или иных соревнованиях, но ни Мила, ни Олег никогда не упоминали о том, что их достижения в спорте – заслуга кого-то, кроме них самих. Что касается Москвина, он вообще никогда не был склонен афишировать собственные тренерские успехи.

Алексей Мишин заметил однажды на этот счет:

- Работа Москвина с Белоусовой и Протопоповым очень неправильно оценивалась Олегом. Он искренне полагал, что сам себя тренирует. Помню его высказывания, достаточно оскорбительные для Игоря Борисовича, где он говорил, что основную помощь ему оказывает заливщик на катке. Москвин очень много с ними работал. Другое дело, что многому в этой работе учился сам, ведь Протопопов являл собой апофеоз художественного взгляда на фигурное катание с очень высокими требованиями к спортивной стороне.

Наташа Бестемьянова высказалась немного иначе:

- Игоря Борисовича всегда отличало совершенно потрясающее качество. Работая со спортсменом, он умел настолько хорошо научить его, «вытащить» из человека все, на что тот был способен, что его собственная тренерская роль как бы уходила на второй план. Окружающие только ахали: «Какой гениальный Овчинников! Какой гениальный Бобрин!» И как-то повелось считать, что у Москвина одни только гении и катаются».

* * *

Белоусова и Протопопов (официально Людмила носила

фамилию мужа, но выступала под своей девичьей фамилией) безусловно были гениями. Сам Москвин говорил о них так:

- Если бы в начале своей тренерской карьеры я не пересекся с Протопоповыми, меня, возможно, вообще не потянуло бы в сторону творчества. Работал бы так, как Станислав Жук, у которого вся работа велась, словно на передовой линии. Он был тренер-деспот. Никогда не объяснял, почему нужно выполнить то или иное задание. Просто приказывал. Как в армии. Но главное – его методика давала результат. Поэтому основной тезис Жука заключался в том, что от добра добра не надо искать. Если стиль востребован и дает результат, значит это прогрессивный стиль.

Мы со Стасом всегда были дружны. Более того, в определенном смысле я очень Жуку завидовал: за него всегда стояла горой вся всесоюзная федерация фигурного катания. В парном катании тогда работало не так много тренеров. Очень много сделал в свое время Игорь Борисович Ксенофонтов. Он был гениальным организатором. Говорил прибаутками, но делал дело. Все свердловские пары были либо его, либо от него.

Мне нравилось, как он работал. Как организовал свою школу, своих тренеров. Тренер ведь – это не только тот, кто диктует. А тот, кто умеет создать обстановку, в которой другие тренеры развиваются как бы сами собой. Но Ксенофонтов жил в Свердловске. Естественно, из его группы постоянно шел большой отток спортсменов в Москву – в группу Жука. Отказаться было невозможно: в определенный момент партнера просто призывали в армию, и выбор сводился к минимуму: либо в часть, либо в ЦСКА – в спортивное общежитие. Единственным чужеродным исключением из этой схемы был Саша Зайцев – его Жук целенаправленно привез из Ленинграда в пару к Ирине Родниной.

Позиция руководства федерации тоже была проста: были нужны медали, Жук их поставлял, поэтому ему и создавались наиболее благоприятные условия.

У меня же было два часа льда днем – на пары, и два часа вечером - на одиночников. Все остальное время лед был занят хоккеистами. Работать, естественно, было неудобно, но никакой другой возможности кататься просто не было. Спасало то, что мы довольно много времени проводили на сборах.

У Стаса в Москве тогда каталась Танечка Жук – его сестра - и Саша Гаврилов. Эту пару Жук выпестовал от начала и до конца. Это чисто его работа. В 1963 году я даже присматривал за этой парой на чемпионате мира в Кортина д'Ампеццо в Италии. Стас в те годы еще выступал в балете на льду и так получилось, что из-за собственных гастролей не смог поехать в Италию. И тренером на те соревнования послали меня, поскольку у меня за сборную

страны катались еще две девочки - Галина Гржибовская и Елена Щеглова. И Олег с Милой.

Выступать в Кортина д'Ампеццо пришлось на открытом катке, который был залит в середине большого пятиярусного открытого стадиона с деревянными трибунами. Жук и Гаврилов стали там третьими. Белоусова и Протопопов – вторыми.

Если говорить о моей работе с Протопоповыми откровенно, я не могу похвастаться, что сделал эту пару подобно тому, как Жук сделал свою. Мила с Олегом сделали себя сами. Я, скорее, на определенном этапе просто развил их катание в нужном направлении. И сам под влиянием Милы и Олега оформился, как тренер.

- Это правда, что Протопоповы постоянно ссорились на тренировках вплоть до рукоприкладства? – решила я уточнить у тренера расхожую в фигурных кругах сплетню.

- Боже упаси, - ответил Москвин. - Мне вообще никогда не попадались ученики, которые были бы чрезмерно агрессивны по отношению друг к другу. Та же Тамара в тренировках могла завестись, разозлиться, но все всплески ее активности тут же гасил Леша Мишин. Очень спокойно ей говорил: «Тамарочка, не надо пытаться поставить себя на место Игоря Борисовича. Поставь себя на свое место и продолжай работать. Даже если Игорь Борисович будет говорить абсолютную чушь, а мы будем слаженно ее исполнять, это будет лучше, чем то, что предлагаешь ты».

Обычно этого было достаточно, чтобы Тамара остыла.

Что касается Милы и Олега, на тренировках они могли бесконечно о чем-то спорить. Но дома – никогда. Мила в этом плане была, как домашняя фея…

* * *

«Они были страшными индивидуалистами, - рассказывал мне о Протопоповых Алексей Мишин - Но в то же время постоянно нуждались в свите. У них такая свита была всегда: кто-то носил коньки, кто-то - аппаратуру, кто-то просто говорил комплименты».

В спортивном смысле фигуристы, безусловно, стали первопроходцами. Они трижды – начиная с 1962 года – завоевывали серебро мировых первенств, затем четыре раза подряд становились чемпионами. Стали первой парой в истории мирового фигурного катания, кому удалось дважды одержать победу на Олимпийских играх, к тому же их первое олимпийское золото стало первым для всей советской страны. Из восьми чемпионатов Европы, на которых выступали Мила с Олегом, они выиграли четыре. Но всего через год после олимпийского

триумфа в Гренобле в 1968-м пару начали открыто «убирать», принудительно освобождая дорогу тем, кто моложе.

В 1969-м - Белоусова и Протопопов проиграли и чемпионат Европы и чемпионат мира. Несмотря на это спрос на них за рубежом оставался предельно высоким. Так продолжалось на протяжении доброго десятка лет. Но заключить контракт с профессиональным шоу и надолго уехать за границу для советских спортсменов тогда было совершенно невозможно.

Это стало одной из основных причин, по которой в 1979-м фигуристы решили не возвращаться в Союз после показательных выступлений в Швейцарии. И само сочетание их имен в СССР надолго стало ругательным.

Помню разгромную статью, подписанную олимпийским чемпионом Саппоро Алексеем Улановым, в которой тот жестоко унижал былых партнеров по команде. Из этой публикации почему-то более всего запомнилась фраза: «Распродав в Питере все, что можно, Белоусова и Протопопов ухитрились вывезти в Швейцарию даже старенькую швейную машинку».

В 1995-м на чемпионате Европы в Дортмунде я встретилась с Белоусовой и Протопоповым впервые.

* * *

«Ни в коем случае не заводи разговор о том периоде, когда Белоусова и Протопопов решили уехать, и не вспоминай о дрязгах, сопровождавших их отъезд. Иначе беседы не получится: тебе придется в одностороннем порядке выслушивать былые обиды. Постарайся понять, что для этих людей всегда существовало только фигурное катание и ничего больше. Зато о фигурном катании тебе расскажут так, как это не сможет сделать никто», - напутствовал меня коллега в пресс-центре.

Совет никак не ущемлял мои интересы. На дворе был 1995-й год, и это делало вопрос о месте жительства и гражданстве, мягко говоря, второстепенным.

Мы разговаривали с фигуристами на одном из торжественных приемов. Людмила почти ничего не говорила. Просто стояла рядом с мужем, изредка кивая головой: маленькая, воздушная - сорок с небольшим килограммов веса, в черной вязаной кофточке, с фиолетовым бантиком на светлых, убранных в хвостик волосах. Девочка, тогдашний паспортный возраст которой (почти 60!) с трудом укладывался в голове. На вопрос, как мне обращаться к ней, коротко ответила: «Мила».

Тогда в Дортмунде мне показалось, что Протопопова я нечаянно обидела. Он долго рассказывал, что давно не выступает с женой в том графике, в котором приходилось работать, например, в американском шоу Ice Capades, где было по

четыреста спектаклей в году, но что учит прыжки и намерен подготовиться к Олимпиаде… Я автоматически вставила встречный вопрос: «Среди ветеранов?»

Ответом был взгляд, каким смотрят на безнадежно дебильного ребенка. А может, мне просто показалось. Во всяком случае, после паузы последовал ответ:

- Вам никогда не приходило в голову, что в Швейцарии практически нет парного катания и, значит, место в команде вакантно? Да и Международный союз конькобежцев пока не придумал правил, ограничивающих возраст спортсменов. Я не говорю, что мы выступим. Но мы готовимся. Максимальная цель всегда дисциплинирует, помогает сохранить свежей психику. К тому же я всегда был склонен считать, что лучше умереть на льду, нежели в клинике для престарелых. Нам не важен результат. Все возможные медали у нас есть - двадцать два килограмма. Лежат дома в коробке. Если нам захочется иметь еще столько же золота, я могу позволить себе пойти в банк и купить его. Но нам это не нужно.

Та встреча оставила у меня сложное впечатление. На протяжении чемпионата Протопопов давал очень четкие оценки тому, как катались участники, говоря о гипотетическом участии в Играх-98, подчеркивал: «Мы слишком много знаем о том, как надо готовиться к соревнованиям и как надо выступать» - и тут же говорил:

- Мы не можем позволить себе заниматься тренерством. Слишком много сил уходит даже на консультации. А мы хотим кататься сами и тратить свои силы только на себя.

Еще больше меня зацепило другое высказывание некогда великого фигуриста:

- Пару лет назад мы получили предложение выступить в американском шоу, куда приглашают исключительно олимпийских чемпионов разных лет. Предложили десять тысяч долларов за выход. Когда я отказался, сумму тут же увеличили вдвое, посетовав, что остальные русские катаются за такие деньги с большим удовольствием. Я же ответил, что русские согласились бы кататься и за 500 долларов. Но мы, увы, не русские.

На мой вопрос: «Вы действительно так считаете?» - Протопопов ответил: «Я просто знаю себе цену».

* * *

Тесное сотрудничество Протопоповых с Москвиным началось в 1962-м. Игорь Борисович тогда активно работал с одиночниками – тем более что как раз тогда у претендентов в сборную началась подготовка к Олимпийским играм 1964 года.

- Мы периодически разговаривали о парном катании, и в

один из дней Олег неожиданно сказал: «Мы с Милой посоветовались и решили, что у тебя есть разумные мысли относительно недостатков нашего катания. И что ты можешь нам помочь».

Я был крайне удивлен тем, что такая фраза вообще прозвучала. Потому что Протопопов вообще никогда не употреблял слово «недостаток» применительно к своему катанию. Наоборот, при каждой удобной возможности подчеркивал, что они с Милой – самые лучшие, самые правильные, все умеют и все знают.

Для меня такая работа была честью, хотя я сразу честно предупредил Олега о том, что свою работу с одиночниками ради них не оставлю. У меня уже подавал определенные надежды Юра Овчинников, было немало других способных фигуристов.

Вот так в 62-м мы начали работать, а в 1965-м Мила и Олег выиграли свой первый чемпионат мира в Колорадо-Спрингс.

- С ними было легко работать?

- Мне было интересно. Я ведь никогда не был тренером-деспотом. Мила к тому же всегда меня поддерживала. Она была идеальной фигуристкой: легкая, красивая, хороший исполнитель. Ее не нужно было в чем-то убеждать, заставлять пробовать какие-то вещи. Предлагаешь что-либо новое – она тут же идет делать. Олегу, напротив, постоянно нужно было что-то доказывать. Но в целом мы ладили.

- Олимпийские игры 1964 года вы помните?

- Конечно. Меня взяли в Инсбрук в последний момент. Как-то очень быстро выдали форму и так же быстро отправили на Олимпиаду. Ничего страшного там на первый взгляд не было. Но и людей, которые знают английский или немецкий язык, тоже не было. Кроме одной-единственной переводчицы -Александры Федоровны Ивушкиной. Очаровательная женщина! Но она же не могла за всеми следить и решать все чужие проблемы?

В парном катании было заявлено 13 пар. Тогда еще не было никакого разграничения по группам, как это происходит сейчас. Была первая половина участников и вторая половина. А первый стартовый номер достался главным фаворитам Игр – немцам Марике Килиус и Хансу-Юргену Боймлеру.

Протопопов тогда совершенно жутко нервничал, сказал, что у него трясутся руки, что он не может в таком состоянии идти и вытаскивать номер и попросил меня это сделать. Жеребьевку тогда проводили бочоночками от игры в лото. Номера были на этих бочоночках выдавлены, и я, опустив руку в мешок, начал судорожно эти бочоночки прощупывать, пытаясь понять, одна цифра у меня под пальцами, или две. И вытащил 13-й номер.

Накануне финала организаторы вдруг почему-то поменяли регламент: вместо того, чтобы выпустить на лед первую группу, а потом – после разминки - вторую, они провели по отдельности обе разминки, а потом отправили на лед всю группу из 13-ти пар.

Мы долго рассчитывали, во сколько нужно прийти на стадион, чтобы оказаться там к окончанию выступлений первой группы, но когда пришли, то с ужасом поняли, что никакой разминки больше не будет. А нужно выходить и кататься.

Я поставил в каком-то коридоре скамейки, перегородил все таким образом, чтобы никто к нам с Милой и Олегом не мог подойти, принес маленький тренировочный магнитофон и сказал: «Ребята, забудьте о том, что вы не разминались. Постарайтесь мысленно «прокатать» программу под музыку, вспоминая все нюансы. Вплоть до того, в какой момент куда вы должны посмотреть.

Полчаса или чуть больше Олег с Милой ходили по коридору, раз за разом прогоняя в голове всю программу. И откатались в результате без ошибок. Потому что голова у них была настроена не на элементы, а на свой собственный ритм катания.

А вот Килиус и Боймлера тогда дисквалифицировали. Как выяснилось, еще до начала Игр в Инсбруке была выпущена открытка с их изображением, где было написано: «Олимпийские чемпионы». В Международном союзе конькобежцев сочли это заранее оплаченной рекламой и выгнали немцев из любительского спорта.

- Свои ощущения от победы вы помните?

- Не могу сказать, что был в каком-то экстазе. Искренне полагал, что раз работал много и правильно, то и результат должен оказаться достойным. Водку мы по этому поводу не пили. На следующий день пошли все вместе в городскую сауну. Показали на входе свои олимпийские аккредитации, нас пропустили. После того, как попарились, снова пошли на каток – смотреть финальный хоккейный матч. Турнирная ситуация там сложилась таким образом, что от того, как мы сыграем в финале, результат не зависел. Он рассчитывался по очкам и решающим фактором должен был стать итог матча с участием шведской сборной. Шведы выиграли и благодаря их победе наши ребята стали олимпийскими чемпионами.

Помню, в нашем пятиэтажном домике в олимпийской деревне хоккеисты еще долго праздновали свою победу. Сначала - вместе со шведами, а потом ни с того ни с сего начали их бить. Кого-то даже столкнули со второго этажа, но обошлось без серьезных травм.

Ну а потом фигуристов отправили куда-то на показательные

выступления, в деревне я остался один и, поскольку победа Олега и Милы была воспринята, как грандиозная сенсация, мне, как их тренеру, вручили государственный флаг, чтобы я нес его на церемонии закрытия.

Я почему-то страшно боялся, что сделаю что-то не так и меня арестуют. Это ж какое доверие было – советский флаг на Олимпийских играх нести!

- К следующей Олимпиаде вы по-прежнему продолжали тренировать Белоусову и Протопопова?

- Да. Олег, естественно, везде подчеркивал, что они с Милой тренируются самостоятельно, но я на это не обижался. Просто знал, что он – такой. В 1968-м мы продолжали работать вместе, хотя у меня уже на довольно высоком уровне катались Москвина и Мишин. Со стороны Олега и Милы никакой ревности не было. Да и не могло быть: они слишком высоко себя ставили, чтобы воспринимать кого-то еще, как соперников. Хотя как раз Тамара с Лешей могли выступить на Играх в Гренобле хорошо. За год до этого они выиграли предолимпийскую неделю. Причем выиграли разгромно. Белоусовой и Протопопова там не было, но были очень сильные немцы.

А вот на Олимпийских играх Тамара сорвала прыжок в либелу, который в фигурном катании всегда считался «детским» элементом. И вместо того, чтобы завоевать медаль...

Тогда уже было довольно много шума на тему – кто унаследует славу олимпийских чемпионов. Считалось, что Мила с Олегом в солидном возрасте и должны освободить дорогу Ирине Родниной и Алексею Уланову. Во всяком случае общественное мнение уже было против них. К тому же Олег вел себя слишком независимо и самостоятельно: не перед кем не лебезил, не пресмыкался, кому-то просто хамил, демонстративно подчеркивая, что ставит себя выше всех и федерации в том числе. Просто до 1968-го у них с Милой было невозможно выиграть. Лучше их никого не было.

* * *

Уехав из России в Швейцарию в 1979-м, Белоусова и Протопопов обрубили себе дорогу назад. В единственную страну, где тысячи людей, несмотря на опалу фигуристов, восхищались ими по-прежнему. В швейцарии 44-летняя (на момент отъезда) Людмила и 47-летний Олег могли только продолжать кататься. Ничем другим они просто не заработали бы на дальнейшую жизнь.

- Пока Мила и Олег у меня катались, мы были довольно дружны, - рассказывал Москвин. - Вместе ездили отдыхать, вместе жили на сборах в гостинице в Воскресенске, там Мила в своем

номере постоянно готовила для всех блинчики на электрической плитке, которую постоянно возила с собой. Мы часто выбирались в лыжные походы, то есть отношения были гораздо более близкими, нежели служебные.

Потом, когда они уже ушли из спорта, я слышал, что у них был конфликт с руководством ледового балета, где они тогда катались. Но никогда не думал, что развязка может оказаться именно такой.

В Ленинграде они жили неподалеку от нас с Тамарой, и я, честно признаться, был тронут, когда получил по почте толстенный конверт с фотографиями. Туда же было вложено письмо: «Дорогие Игорь и Тамара! Не поминайте лихом. Надеемся – до встречи»

Там были собраны все фотографии, где мы с Протопоповыми были запечатлены вместе или в одной компании. То есть они не хотели, чтобы их отъезд создал хоть какие-то сложности тем людям, кто их знал и с кем они на том или ином жизненном этапе были близки.

Они тогда оставили в Ленинграде все – квартиру, мебель… Взяли с собой только швейную машинку. Насколько помню, их отъезд у нас не особо обсуждался. Вслух говорили, естественно, что, мол, нехорошо Белоусова и Протопопов поступили.

С другой стороны, их можно было понять. После того, как Милу и Олега перестали включать в сборную, тренироваться они могли только на маленькой площадке. Другими словами, им не давали никакой возможности делать свои программы. В балете это тоже было невозможно, потому что и там лед маленький.

То, что они никогда и нигде не упоминали мою фамилию, как человека, который их тренировал, меня не задевало. Да и поступок их я не осуждал. Это было не моим делом. Все мое время в тот период было занято работой с одиночниками, набирали силу Юра Овчинников, Володя Куренбин, то есть в жизни не было пустоты, которая позволяла бы думать о посторонних вещах.

- Вы потом как-то поддерживали с ними отношения?

- Нет. Встретились очень много лет спустя, когда они приехали в Питер в 2003-м.

* * *

На льду я видела Белоусову и Протопопова лишь однажды - на чемпионате Европы-1996 в Софии. На протяжении предыдущего года фигуристы пару раз выступали в благотворительных шоу, а в Софию организаторы соревнований пригласили Протопоповых не только в качестве почетных гостей, но и с тем, чтобы легендарные фигуристы приняли участие в

церемонии открытия соревнований. Тренировались Олег и Мила по ночам: дневной лед был отдан участникам, а поздно вечером начинались репетиции открытия.

И именно к ночи трибуны активно заполнялись зрителями.

Первое мое впечатление от катания Белоусовой и Протопопова было сильным. Ни прыжков, ни поддержек, ни выбросов двукратные олимпийские чемпионы не делали, да, наверное, и не могли. Но со льда веяло какой-то особой магией абсолютного единства движений, жестов, чувств. Коньки скользили по льду без единого шороха. При этом меня не покидало чувство, что это катание не предназначено для зрителей: оно было слишком интимным. Видимо, то же самое чувствовали трибуны, оцепеневшие в каком-то немом восхищении.

После тренировки я спустилась в раздевалку к Миле. Подождала, пока та снимет коньки, накинет на трико любимую вязаную кофточку. Потом мы шли к автобусу и Протопопов, как бы мимоходом подчеркнув, что после смерти Сергея Гринькова они с Милой остались единственными олимпийскими чемпионами в парном катании, кто продолжает кататься вместе, рассказывал, почему считает невозможным для себя приехать в когда-то родной Питер на празднование столетнего юбилея фигурного катания.

- Мы получили факс, подписанный мэром города Анатолием Собчаком, в котором сообщалось, что нас приглашают на юбилей. Соответственно, отправили ответный, где написали, что если нас приглашают в качестве участников показательных выступлений (из приглашения было не очень понятно, в качестве кого нас хотели бы видеть в Питере), то просим компенсировать тренировочные расходы. Для нас подобное выступление слишком серьезно, чтобы приезжать неподготовленными. В Швейцарии мы тренируемся на общественном катке в городском парке. Когда погода солнечная и морозная, швейцарцы уезжают за город кататься на лыжах, и каток пустеет. В такие дни мы тренируемся более интенсивно, но, тем не менее, не можем кататься под свою музыку. А главное, должны постоянно приспосабливаться к очень маленькому пространству. Чтобы подготовить серьезную программу, надо арендовать лед. Это стоит 155 швейцарских франков в час.

- Ответ из Питера мы получили только через месяц, - продолжал Протопопов. - Сначала нам позвонил какой-то человек, а еще через неделю пришел факс, в котором говорилось: «Позвольте пригласить вас в Санкт-Петербург для участия в показательных выступлениях. Условия выступления - согласно

предложенным по телефону нашим представителем».

Возможно, со своей стороны организаторы считали такую форму отношений нормальной, но нам это показалось дикостью: в конце концов мы понятия не имели, с кем разговаривали по телефону и какие условия конкретно имелись в виду. Кстати, вся переписка у нас с собой…

В Софию Белоусова и Протопопов приезжали бесплатно. Их выступлению на церемонии открытия организаторы отвели полторы минуты и чуть меньше половины катка (на остальной площади льда стояли участники праздничной массовки).

После я не раз жалела, что видела это. Протопопов вышел на лед в соломенного цвета парике (под софитами искусственные волосы казались рыжими), лицо было покрыто толстым слоем грима с нарисованным на нем румянцем, подведенными глазами и губами. Его партнерша была в коротеньком красном платьишке («Мы до сих пор влезаем в костюмы, в которых катались в 1968 году») с красным бантиком в волосах.

Контраст с ночными тренировками был разителен: там на льду были мастера, для которых кататься было так же естественно, как дышать. Здесь - двое немолодых людей, отчаянно, но тщетно пытающихся скрыть свой возраст. Эти попытки - нелепые, а главное, абсолютно ненужные - напрочь заслоняли катание пары и заставляли вспомнить высказывание выдающегося русского хореографа Игоря Моисеева: «Танцевать можно и в тридцать лет и в шестьдесят. Но в шестьдесят на это не надо смотреть».

* * *

Несколько лет спустя я спросила Москвина, какие чувства у него вызывает тот факт, что бывшие ученики, которым уже за 70, продолжают выходить на лед перед публикой.

- Если человек действительно это любит, почему нет? – спокойно ответил тренер. – Возьмите меня. Если бы я сейчас вдруг вздумал вспомнить молодость и снова начал ходить на яхте, кто мог бы меня осудить за это? Что касается Протопоповых, я испытываю определенное уважение к тому, что люди настолько преданы фигурному катанию.

В каком-то смысле они напоминают мне математика, который доказал гипотезу Пуанкаре, но отказался от крупной премии. Не поехал ее получать лишь по той причине, что пожалел тратить время на поездку, отвлекаясь от своей работы. Олег в этом отношении – нормальный человек. Он всегда с удовольствием принимал все, что ему положено. Но любил фигурное катание как никто другой.

У них с Милой было прекрасное скольжение, хотя дело даже

не в этом. А в том, что это скольжение было осмысленным. Наполненным. В том числе и технически. Это - большая редкость.

- Они могли бы выиграть третью Олимпиаду?

- Думаю, да. В 1972-м Мила с Олегом были очень хорошо готовы. Прекрасно прокатались на отборочных предолимпийских соревнованиях. Но в сборную их не взяли. Помню, было собрание – тренерский совет, на котором присутствовал председатель спорткомитета Сергей Павлов. На место в сборной тогда претендовали Роднина/Уланов, Людмила Смирнова/Андрей Сурайкин, а вот в пользу кандидатуры Протопопова не высказался никто.

- А вы?

- Я уже не был их тренером. Разошлись. В 1968-м после чемпионата мира в Женеве я предложил Белоусовой и Протопопову закончить выступления. Как раз в то время в Ленинграде открылся «Юбилейный», вот и я предложил Олегу работать вместе. Мол, сам буду заниматься одиночниками, а он возьмет пары. А он мне неожиданно ответил: «Ты предлагаешь мне это лишь потому, что хочешь освободить место в сборной для своей жены».

Я психанул и сказал, что не намерен выслушивать такие глупости. И если он действительно так считает, пусть тренируется дальше сам – без моей помощи. Нельзя сказать, чтобы это было ссорой, но моя позиция на этот счет была предельно жесткой.

Так что в 1969-м я уже не имел никакого отношения к выступлениям Милы и Олега. Их взяла в свою группу Елена Чайковская и на чемпионате мира 1969 года в Колорадо-Спрингс они остались третьими – проиграли не только Родниной с Улановым, но и Москвиной с Мишиным.

* * *

Вспоминая о фигуристах тех времен, выдающийся тренер Татьяна Тарасова сказала мне однажды:

- Именно Москвин познакомил весь мир с драматургией фигурного катания. Открыл новую эру в нашем виде спорта. Поставил его вплотную к театру. А как он сделал из Москвиной и Мишина вторую пару мира? Сейчас даже сам Мишин любит говорить, мол, из «неликвидов» результат сделали. И это - при наличии совершенно потрясающих пар, что были кругом в изобилии. Те годы ведь вовсе не были годами провала в парном катании. Напротив, они были расцветом...

Глава 5. КОРОЛЬ И БАЛЕРИНА

Личное дело: Москвина Тамара Николаевна (девичья фамилия Братусь). Родилась 26 июня 1941 года. Фигурным катанием начала заниматься в 10 лет. Заслуженный мастер спорта СССР. Заслуженный тренер СССР. Заслуженный деятель искусств России.

Закончила с серебряной медалью общеобразовательную школу и музыкальную школу по классу фортепиано. Диплом с отличием Государственного института физической культуры имени Лесгафта. Кандидат педагогических наук.

Награждена орденами Трудового Красного Знамени, Дружбы народов и «За заслуги перед Отечеством» III степени. Лауреат конкурса «Спортивная элита-98» в номинации «Лучший тренер России».

На протяжении 12 лет (1953-1965) выступала в одиночном катании. Трехкратная чемпионка СССР. Чемпионка первой (1962) и второй (1966) зимних Спартакиад народов СССР. Участница четырех чемпионатов Европы (лучший результат – 14-е место в 1965 году в Москве). На чемпионате СССР 1965 года завоевала две золотые медали – в одиночном и парном катании. Тренер – Игорь Борисович Москвин.

Первый партнер Александр Гаврилов. С 1967 года выступала с Алексеем Мишиным. Вместе с ним – серебряный призер чемпионата Европы-1968 и чемпионата мира-1969. Бронзовый призер чемпионата Европы-1969. 5 место на Олимпийских играх 1968 года в Гренобле.

Ученики: Ирина Воробьева/Александр Власов, Ирина Воробьева/Игорь Лисовский, Елена Валова/Олег Васильев, Елена Бечке/Денис Петров, Наталья Мишкутенок/Артур Дмитриев,

Оксана Казакова/Артур Дмитриев, Елена Бережная/Антон Сихарулидзе, Юко Кавагути/Александр Смирнов.

На чемпионатах мира, Европы и Олимпийских играх учениками Москвиной завоеваны 22 золотые медали.

Мишин Алексей Николаевич. Родился 8 марта 1941 года. Фигурным катанием начал заниматься в 15 лет. Заслуженный мастер спорта СССР. Заслуженный тренер СССР.

Окончил Ленинградский электротехнический институт имени В.И. Ульянова-Ленина. Заведующий кафедрой конькобежного спорта Академии физической культуры имени Лесгафта. Кандидат педагогических наук, профессор. Автор ряда фундаментальных монографий и учебников по фигурному катанию.

В одиночном катании – бронзовый призер чемпионата СССР (1964). Участник зимней Спартакиады народов СССР (1966). Тренер - Майя Петровна Беленькая.

В парном катании выступал с Тамарой Москвиной. Тренер - Игорь Борисович Москвин.

Ученики: Марина Кульбицкая,Виталий Егоров, Татьяна Оленева, Леонид Казнаков, Марина Серова, Юрий Овчинников, Алексей Урманов, Алексей Ягудин, Евгений Плющенко.

Награжден орденом Дружбы народов.

Известную в конце 60-х годов прошлого века спортивную пару Тамара Москвина - Алексей Мишин, ставшую в 1969-м вице-чемпионами мира, в силу возраста я помнила смутно. В памяти застряла лишь музыка одних из их программ - популярный шлягер про хромого вояку-короля, который до сих пор нет-нет, да и запустят по радио: «Тирьям-тирья-рям, трам-тирьям…».

Много лет спустя, уже став журналистом и освоившись в среде фигурного катания, я как-то спросила уже ставшего выдающимся тренером Алексея Мишина, почему все без исключения его ученики развивают на льду преимущественно классические темы, в то время, как он сам катался под «тирьям-тирьям».

Не знаю, обидела ли я его тогда этим вопросом. Позже мне неоднократно доводилось слышать, что Мишин не очень любил стиль, предложенный ему Игорем Борисовичем Москвиным. Мол, всегда считал себя достаточно импозантным мужчиной, нравился женщинам, они с удовольствием приходили на каток – смотреть выступления предмета своего обожания, а на льду был «тирьям-тирьям» и большей частью шутовские роли. Публика визжала от восторга, а фигурист мучался и переживал.

Впрочем, если это и было так, в том давнем разговоре со мной Мишин ничем этого не проявил. Сказал:

- Тот стиль сложился исключительно благодаря мудрости нашего тренера - Игоря Москвина. Классика предоставляет фигуристу неограниченные возможности. Но в те времена, что мы выступали вместе с Тамарой, нам было абсолютно бессмысленно конкурировать с Людмилой Белоусовой и Олегом Протопоповым в классическом катании, красоте линий, отточенности движений, поз. Эта ниша была ими прочно занята. Москвин и догадался предложить тему, в которой мы бы выглядели наиболее эффектно. Те программы полностью соответствовали нашим физическим данным, а главное - были абсолютно непохожими ни на чьи другие. И воспринимались, что немаловажно, как определенный авангард. Некоторые номера и сейчас, согласитесь, прозвучали бы нормально.

- А повторить какую-либо из программ сейчас вы смогли бы? – шутливо спросила я тренера.

- Зачем? – Мишин пожал плечами. - Если вы к тому, помню ли я их, то прекрасно помню. Но, откровенно говоря, не люблю вспоминать свои прошлые успехи - отношусь к той категории людей, которым, конечно же, важно, кем ты был раньше, но еще важнее, кем стал сегодня. Однажды я встретил одного бывшего фигуриста, с которым выступал сам, и он вдруг меня спросил: «Ну, как я выгляжу на льду? Как делаю перебежки?» Мне это

показалось диким: в возрасте, когда логичнее рассказывать, как живет семья, дети, внуки, как, в конце концов, делают перебежки сыновья, ученики, его по-прежнему больше всего заботит собственная персона. Поэтому, ностальгических ноток от меня не ждите.

* * *

Вспоминая историю появления одной из программ Москвиной и Мишина (той самой, что принесла его ученикам серебро мирового первенства), Игорь Борисович Москвин был более ироничен:

- В том, что касается стиля катания, у нас просто не нашлось другого выхода. Леша был невидным парнем, маленьким. Тамара тоже. То есть никаких преимуществ – таких, чтобы можно было ими выиграть или хотя бы выйти на конкурентоспособный уровень, я в этой паре не видел. Пока не додумался до музыки.

Это получилось случайно. В 1968-м, когда у нас уже началась подготовка к чемпионату мира в Колорадо-Спрингс, мы с Тамарой и Лешей проводили летний сбор где-то на юге Украины и как-то отправились обедать в ресторан. Там играли три еврея на скрипочках. Я их и попросил наиграть нам несколько мотивчиков. И прямо в ресторане мы эту музыку и записали.

Для произвольной темы взяли популярный тогда «матчиш». У нас еще на его мотив не очень приличную песенку пели: «Была я балерина, слыла звездою… »

Короткую программу мы тоже сделали на аналогичную комедийно-гротесковую музыку. Кто-то из доброхотов, конечно, тут же сообщил в спорткомитет, что у Мишина с Москвиной совершенно похабная музыка, кататься под которую за границей для советских спортсменов просто недопустимо. Меня, естественно, тут же вызвали в Спорткомитет – давать объяснения. Я спросил: «А слова этой песни вы знаете, чтобы так считать? А знаете, например, какие стихотворные вариации существуют на музыку песни «Варяг»? Так что теперь, и эту песню запретить?»

Начальником управления зимних видов спорта был тогда отличный мужик – не помню, к сожалению, его имени. Он после долгих совещаний со своими коллегами и нашими критиками и дал «добро».

* * *

- Когда ваша супруга каталась у вас с Алексеем Мишиным, было легко или тяжело с ней работать?

- В лице Мишина я всегда имел союзника. В Тамаре же очень сильно развито желание лидерствовать. Поэтому когда она чрезмерно увлекалась какими-то идеями, приходилось объяснять, что она видит происходящее с позиции своей партии, но не

воспринимает программу, как цельное зрелище. Раньше ведь к каждому элементу относились очень придирчиво – чтобы он со всех сторон выглядел «лицом». Со льда это видно далеко не всегда.

- Вы помните, как Тамара появилась в вашей группе?

- Она пришла от Ивана Ивановича Богоявленского. Каталась у него на маленьком каточке, где приходилось самостоятельно заливать лед. А у нас был нормальный большой каток, большая группа, в которой уже катались Юра Овчинников, Игорь Бобрин. Позже пришел Мишин.

Тамара тоже начинала, как одиночница – пять раз становилась чемпионкой страны и даже четыре раза выступала на чемпионатах Европы. В 1965-м в Москве была 14-й. Но проблема заключалась в том, что ведущим женским тренером в те годы была Татьяна Гранаткина-Толмачева, которая работала в Москве на стадионе Юных пионеров и вела группу девочек одного возраста. А во главе федерации фигурного катания стоял ее муж Александр Толмачев. При том, что Тамара была не из московской школы, да еще и старше толмачевских девочек на три или четыре года, у нее не было никаких шансов удержаться в сборной. Вот она совершенно правильно и рассудила, что никакого смысла продолжать карьеру одиночницы просто нет. Да и в художественном плане она проигрывала той же Тане Немцовой. Таня неважно видела, поэтому не очень хорошо делала обязательные фигуры, но и Тамара была в них не идеальна, мягко говоря.

- А что было ее сильной стороной?

- То же самое, что и сейчас. Характер. Упертость.

- Когда Тамара решила закончить спортивную карьеру, это было ее решением, или вашим?

- Ну, мы вообще-то предполагали, что рано или поздно у нас появится ребенок, хотели этого. Так что все получилось очень кстати. В 1969-м Тамара с Мишиным выиграли серебро на чемпионате мира, а в 1970-м у нас родилась Ольга. Леша, правда, остался не у дел. Работы на тот момент не было, вакансий тоже. Стипендию тогда снимали, как только человек заканчивал выступать. В 1956-м точно так же сняли со стипендии меня – времена были в этом отношении жесткими.

Вот Мишин и попал на кафедру велосипеда и коньков – младшим научным сотрудником. Без звания, без степени, на 90 рублей в месяц – как молодой специалист. Вполне допускаю, что он был сильно тогда на нас с Тамарой обижен, хотя внешне у нас всегда были нормальные отношения.

* * *

Мишин действительно был тогда сильно обижен на тренера. Настолько, что эта давняя и, казалось бы, давно забытая обида вновь полыхнула в глазах, когда в одной из бесед я спросила:

- Когда вы начали работать тренером, для вас была важна оценка или помощь Москвина?

- В начале моей работы он меня совершенно не поддерживал, - был ответ. – А ведь очень трудно, закончив со спортом, начинать самостоятельную тренерскую работу. Перед тобой множество дорожек и ты понятия не имеешь, какая из них главная. К моменту когда сам Москвин начал тренировать нас с Тамарой, он уже очень хорошо это себе представлял благодаря сотрудничеству с Белоусовой и Протопоповым.

Сам я лишь со временем понял, что сильный тренер - не тот, кто обладает очень сильными сторонами, а тот, кто не имеет слабых. Если в подготовке спортсмена где-то зияет дыра, то в экстремальной ситуации все наработанное годами может в эту дыру запросто ухнуть. Примеры я видел много раз. Когда сам начинал работать, то самым трудным было взвесить пропорциональную важность разных составляющих: сколько должно быть поддержек, шагов, вращений. Сколько внимания уделять чистоте реберного катания в обязательных фигурах, а сколько - геометрии самих фигур. Найти этот баланс не так просто.

Знаменитый теннисный тренер Боб Бретт, который работал с Борисом Беккером, Гораном Иванишевичем, Михаэлем Штихом, а в том числе тренировал и двух моих сыновей, считал, что если спортсмен не ушел с тренировки полумертвым, значит, тренировка проведена зря. Москвин никогда не был сторонником такого подхода. У него вообще никогда не проявлялось стремления «загнать» человека, выжать из него все силы. Он всегда старался решить ту или иную проблему за минимальное время, но с максимальным успехом. Старался вычленить элемент, в котором видел ошибку, и работать только над ним.

Собственно, и все мои сильнейшие спортсмены – Алексей Урманов, Алексей Ягудин, Евгений Плющенко – выросли в режиме двухразовых тренировок на льду по 45 минут каждая.

Москвину не было свойственно упрекать. Он, безусловно, мог высказаться в скептическом или ироничном ключе по отношению ко мне или Тамаре, но никогда не был злым. Из себя его можно было вывести разве что тупостью.

На каком-то этапе своей тренерской карьеры он, безусловно, боролся за результат. Но даже в этом, если сравнить его и Тамару, очень хорошо заметна разница в самом подходе к тренировке. Что бы Тамара ни делала со своими парами, со

стороны всегда видно, что это – гонка за результатом. Москвин же просто работал, получая огромное удовольствие от самого процесса. Он был человеком с очень художественным видением мира. Иногда шел в тренерском поиске достаточно витиеватым путем. У него были разные спортсмены: талантливые, бездарные, среднего таланта, но он умел построить работу так, что в группе прогрессировали все без исключения.

Кстати, если говорить о моем тренерском опыте, наибольшую роль в выработке тех или иных методик сыграли занятия с бездарными учениками, с которыми я занимался в Америке или Италии исключительно с целью заработка. Когда ученик не блещет талантом, приходится постоянно что-то придумывать.

* * *

В одном из самых первых наших интервью Алексей Мишин сказал: «Мужским составом своей группы я мог бы успешно соревноваться хоть против сборной Америки, хоть против сборной мира». Действительно, питерскому тренеру на тот момент принадлежал своего рода мировой рекорд - никому и никогда не удавалось одновременно работать с таким количеством звезд, попеременно выводя их в чемпионы.

Много лет спустя я поняла: как бы ни старался Мишин отрицать влияние Москвина на свою собственную карьеру (а это действительно порой проявлялось довольно сильно), его тренерские наработки то и дело перекликались с тем, через что проходил он сам в прежней, спортивной жизни. В той самой, где ему однозначно повезло с наставником.

По поводу карьеры я однажды спросила Мишина: чего было больше - везения, удачного стечения обстоятельств, или же он просто знает рецепт успеха?

- В спорте всегда присутствует доля случая, - ответил тренер. - Если бы трехкратная олимпийская чемпионка Ирина Роднина родилась не в Москве, а, скажем, в Сыктывкаре или Улан-Удэ, если бы она не встретилась со своим тренером - Станиславом Жуком, мир имел бы такую фигуристку? Если ты родился там, где можно плыть, бежать или стрелять, это уже удача. То же самое касается и тренеров. Кем бы я стал, если бы родился в Магадане? Уж никак не тренером по фигурному катанию.

А дальше надо просто работать. Можно не быть знаменитым - люди интуитивно чувствуют, если в тренере есть искра божья. Ученики начинают «подплывать» сами. И только потом в этом перенасыщенном ученическом растворе неизбежно начинают появляться кристаллы и кристаллики.

- Звучит, действительно, как готовый рецепт. А как было в жизни?

- Я довольно рано почувствовал, что мне интересно тренировать. Во всяком случае, уже с конца своей спортивной карьеры приобрел киноаппарат, стал снимать, сам проявлял пленку, сам клеил, рассматривал по фазам, как человек движется. Делал все то же самое, что до меня делали Москвин, Жук, Эдуард Плинер.

Сначала у меня была самая простенькая камера. По-моему она называлась «Спорт» и стоила 14 или 15 рублей. Второй камерой была «Нева» с переключающимися объективами. Но в конце концов я накопил денег и купил японскую камеру и просмотровый столик, на котором, вращая пленку вручную, можно было медленно просматривать кадры.

Снимал я везде, где только мог, переписывал старые пленки, которые удавалось достать, а потом на сборах мои ученики все лучшее копировали на льду. Кинотека у меня была одна из самых больших в мире. Такая же, знаю, была у Жука, и Москвина.

Придумать в фигурном катании что-то новое довольно сложно. Для этого нужен большой исходный материал, опыт. Как чужой, так и свой собственный. Кстати, иногда ловлю себя на мысли, что раньше все мы не считали зазорным снимать, записывать. А сейчас большинство наших тренеров лишь скептически наблюдают за тем, что происходит на льду и практически не пользуются тем, что приходит в фигурное катание с Запада, от других специалистов. В какой-то степени идут по нашим стопам. Заимствуют расположение элементов, подбор музыки, хореографии…

- То есть, творчество превращается в ремесло?

- Это, кстати, не самое плохое понятие. Искусство - и есть ремесло, доведенное до высшей степени совершенства. Сравните, к примеру, мою работу и работу Тамары Москвиной. На первый взгляд, у нас все различно, но на самом деле, очень много общего. Она разработала свою систему построения программ, чередования элементов - и я тоже. Правила сейчас таковы, что, например, в короткой программе как не старайся, ничего принципиально нового не создашь. Даже в расположении элементов.

Многое предопределено физиологическими особенностями человеческого организма. Нельзя, например, самый сложный элемент оставлять на конец программы - спортсмен, скорее всего, с ним не справится. Существуют и другие законы. В театре артист никогда не стоит в углу сцены. Если стоит -значит, задумано что-то с этим связанное. Финальная часть спектакля - тоже всегда в центре. Черные козни - возле кулис. Это не что иное, как закон зрительского восприятия. И, думаю, именно потому в искусстве

ему следуют повсеместно.

Еще один секрет успеха заключается в обстановке, в которой растет спортсмен. Помню, когда Олег Протопопов только начинал кататься в Ленинграде, он написал заявление с просьбой перевести его из Дворца пионеров в «Динамо» - на более крупный каток. Мол, на него должно смотреть больше зрителей. Он уже тогда чувствовал свою исключительность. Так и должно быть. Один из моих первых учеников Виталий Егоров в свое время соревновался со знаменитым японским фигуристом Игараши. Однажды на каких-то соревнованиях Егоров сказал: «Я сделаю тройной лутц, а Игараши увидит - и наверняка свалится», Так, кстати, и произошло.

Подобное ощущение внутренней силы всегда отличало и Урманова, и Ягудина, и Плющенко. Работать в одном коллективе им было очень трудно. Но, мне кажется, ребята интуитивно чувствовали, что все их результаты - следствие необычайно высокой конкуренции в группе. Сама тренировочная атмосфера двигала их так, что другим и не снилось.

- В ком из спортсменов вы впервые увидели возможность реализовать свои тренерские амбиции?

- Первой наиболее перспективной ученицей была моя жена - Таня Оленева. Она стала чемпионкой Советского Союза. Сам я был чемпионом страны лишь однажды и, естественно, победу Татьяны считал очень высоким показателем. Потом у меня каталась Наташа Стрелкова. Анна Антонова перешла ко мне из группы жены. У нее же начинали тренироваться Марина Серова, Таня Андреева - обе, как и Антонова, становились призерами юношеского первенства мира. Очень способным фигуристом был Виталий Егоров, позже пришел Юрий Овчинников, которого до этого много лет тренировал Москвин. А в 1976-м все амбиции были пресечены в корне - меня сделали невыездным.

- Чем вы так провинились?

- У меня на этот счет есть лишь подозрения. Видимо, кому-то мы с Овчинниковым очень мешали. Случилось это как раз перед выездом на Олимпийские игры в Инсбрук. Я даже получил тогда олимпийскую форму, помните - роскошные у олимпийцев были шубы. И когда мы все в этих шубах, с гвоздиками шли по Красной площади к Мавзолею, один из руководителей команды - покойный ныне Валентин Сыч - вполголоса мне и сказал: «Ты не едешь».

- И началась черная полоса в жизни?

- Сейчас я уже не считаю ее черной. Как говорится, нет худа без добра. Я погрузился в науку, написал диссертацию, посвященную прыжкам в фигурном катании, получил ученую

степень, - в общем, старался находить какие-то преимущества в навязанном мне образе жизни.

Закончилось все это очень странно. Я периодически пробовал обращаться в разные инстанции и однажды решился поехать в Москву в ЦК КПСС и к председателю Спорткомитета СССР Сергею Павловичу Павлову. Павлов принял меня рано утром, еще до начала рабочего дня, выслушал, потом снял трубку какого-то своего телефона, попросил, чтобы его соединили с первым секретарем ленинградского обкома партии Борисом Ивановичем Аристовым и говорит: «Боря? Это Сережа. У меня тут Мишин Алексей Николаевич сидит…».

Потом он попросил меня выйти, так что содержание самого разговора я не слышал. Распрощались мы тепло, я сразу же направился в ЦК, но не успел войти в кабинет, как услышал: «Что вы ерунду говорите? У вас абсолютно все в порядке». Я вернулся домой и к полному своему изумлению обнаружил, что все действительно в порядке - я выездной. Та история очень здорово меня закалила. Хотя с точки зрения тренерской работы, меня остановили на три года: кто же отдаст невыездному тренеру хорошего ученика?

* * *

Главное отличие Мишина от своего тренера заключалось, пожалуй, в том, что для него, как и для Тамары, цель стать лучшим во чтобы то ни стало, затмевала все. Возможно сказывалось то, что они сами, будучи спортсменами, хоть и не достигли больших высот, но слишком близко к ним подобрались. Успели вдохнуть этого победного воздуха до такой степени, что отравились им на всю жизнь.

- Когда тренер говорит, что считает главным - воплотить на льду музыку, то для меня это, простите, детский лепет на лужайке. Не об этом надо думать. А о том, чтобы завоевать медаль и победить всех соперников, - говорил мне Мишин. - Надо видеть конечную задачу - «goal», - как говорят американцы. А она в спорте одна - выиграть. Вот и я прежде всего думаю, что во-первых, моя программа должна быть безупречной технически, чтобы спортсмен мог с ней победить. Во-вторых, она должна быть предельно удобной для фигуриста, чтобы он мог ее выполнить так, чтобы победить. В третьих, программа должна понравиться судьям, чтобы они оценили ее максимально высоко и ты, опять же, мог бы победить.

Когда я однажды попросила Москвина дать оценку тренерской деятельности своего ученика, Игорь Борисович сказал:

- В спорте ведь результат говорит сам за себя. Если он есть,

значит тренер работает правильно. Мишин встал на ноги во многом благодаря своей диссертации, которую защитил, когда работал на кафедре велосипеда и коньков в институте Лесгафта. Взял тему биомеханики – этой областью в те годы вообще занимались немногие. Правда потом, когда Мишин отправился получать отзыв о своей научной работе на кафедру теоретической механики в институт Ульянова-Ленина, человек, к которому его направили, оказался моим приятелем по яхтенным делам. Он долго меня тогда поддевал. Мол, прочитал диссертацию моего ученика и еще раз утвердился во мнении, что спортивной науки не существует.

Безусловный плюс Мишина заключается в том, что он хорошо умеет использовать людей. Привлекает к работе самых разных хореографов, других специалистов. У Тамары таких специалистов всегда было значительно меньше. Хотя она тоже, как и Мишин, никогда не спрашивала моих советов. Возможно, мне просто не удалось сформировать ее как тренера. А может наоборот – сформировал слишком самостоятельную личность...

Иногда противоречия между нами во взгляде на фигурное катание становились столь велики, что я даже шел на хитрости. Помню, когда Тамара ставила короткую программу для Юко Кавагути и Александра Смирнова под «Лебедя» Сен-Санса, ей в процессе работы попалось это же произведение, но с голосом. И она решила поставить этот музыкальный кусок в той части программы, где были запланированы шаги.

Шаги – это такая вещь, которую нужно обязательно оттенить. Я сам иногда вообще брал для шаговой комбинации другое произведение - чтобы сменой музыки подчеркнуть особенность этой части программы. Тамара же никак не могла решить, куда этот вокализ воткнуть.

Зная, что меня она не послушает, я стал действовать через Артура Дмитриева. Попросил его подсказать Тамаре передвинуть вокализ на самое начало шаговой дорожки, но после маленькой паузы. Чтобы зрители получили возможность осмыслить, что под новую музыкальную тему начинается новый элемент.

Когда в итоге Тамара сделала именно этот вариант, я даже похвалил ее за то, что она сообразила так поступить. Она смешная всегда была в этом плане.

Когда мы жили в Америке и иногда ходили за покупками, то постоянно спорили: мне нравилось одно, ей другое. Один раз я ее просто надул. Повел в обувной магазин, где мне понравилась пара, сделанная словно специально под Тамарину ногу. Взял ботинок в руку и стал ругаться, на чем свет стоит. Мол, и кожа не та, и колодка, и фасон. В итоге именно эту пару она и купила.

- Странно. Она ведь признает, что вы больше знаете, лучше разбираетесь в парном катании, в музыке… Откуда столько противодействия?

- Такой характер.

- Что же вас настолько привлекло, что вы предложили Тамаре выйти за вас замуж?

- Как тут ответишь? Не знаю. Хорошая семья, хорошая девочка. Наверное, иногда просто судьба сводит людей вместе.

* * *

Подозреваю, что Москвин сумел воспитать в любимой ученице главное: умение неизменно сохранять свежий взгляд на то дело, которым занимаешься уже несколько десятилетий и полное отсутствие страха сделать какую-либо ошибку. Собственно, нескончаемые домашние творческие споры стали для Тамары той самой питательной средой, в которой она продолжала расти, как профессионал.

Плюс – неистребимое желание объять необъятное.

Тамара сказала мне как-то:

- Я – счастливый человек. У меня вся тренерская жизнь прошла с удовольствием. Были сложные характеры, ситуации, но интерес всегда оказывался выше. Безусловно, я хотела бы «развести» у себя на катке несколько пар и таким образом создать более мощную конкуренцию. Хотелось бы, чтобы в парном катании со мной работало как можно больше молодых специалистов. Но пока не складывается.

Это тоже нормальное явление. Тренерская профессия – специфическое занятие. Хотя процент тех, кто в свое время у меня катался, а сейчас прекрасно работает со спортсменами, довольно высок. Это Ира Воробьева и Александр Власов, Лена Комарова – моя спортсменка из самого первого поколения, Лена Валова, Олег Васильев, Наташа Мишкутенок, Лена Бечке, Денис Петров, Казакова… Со всеми я поддерживаю отношения, в курсе их жизни, их проблем. Мы периодически перезваниваемся, поздравляем друг друга с праздниками.

Незадолго до Олимпийских игр в Ванкувере, когда все, кому не лень, предрекали фигуристам провал, я спросила Тамару:

- Вам не кажется абсурдным, что в нынешней ситуации с фигурным катанием в России, когда налицо некий кризис вида спорта в целом, все те, кто мог бы способствовать изменению этого положения – консультанты сборной, тренеры, президент федерации – все в том или ином качестве участвуют в телевизионных шоу?

- Эти проекты имеют ведь и положительную сторону, - ответила Москвина. - Если эти шоу заставляют родителей с

детьми сидеть перед телевизорами и с интересом смотреть музыкально-спортивные программы, это уже неплохо. Популярность фигурного катания в стране безусловно увеличилась. Я это вижу по тому, сколько родителей привозят детей на катки, как увеличилось количество занимающихся. Это действительно факт.

- Вы сами подобные шоу смотрите?

- Да. Мне нравится наблюдать, чем берет та или иная пара, каким образом она старается скрыть недостатки, нравятся работы постановщиков, их идеи, умение обыграть сильные стороны каждого из партнеров. В том числе – с помощью костюмов, грима. Как профессионалу, мне это очень интересно. В шоу реализуется множество идей, которые можно позаимствовать и развить. Это касается и музыкального сопровождения, и стиля. Иногда я даже испытываю зависть, наблюдая за тем, как люди тратят меньше недели на подготовку новых номеров, но исполняют их так, словно катаются вместе давным давно. Я, профессионал, работаю со спортсменами по два раза в день и не могу добиться от них такой стабильности и артистичности.Хочется же понять: почему?

Ясно, что в спорте и сложность несопоставимая, и задачи. Тем не менее я постоянно размышляю на тему, что и как нужно сделать, чтобы готовый продукт появился как можно быстрее.

Апофеозом одного из ледовых шоу стал гала-концерт, в котором Москвиной предложили снова, как много лет назад, выйти на лед с Алексеем Мишиным. Вспоминая об этом неожиданном опыте, она с иронией сказала:

- Так как в тренировках я постоянно работаю на льду на коньках, физически мне не было сложно прокататься несколько минут без перерыва. Но нужно было как следует вспомнить наш старый номер. Для этого мы с Мишиным провели в Питере несколько тренировок, на которые наши ученики смотрели с большим интересом.

Правда почти сразу мы столкнулись с целым рядом проблем. Выяснилось, что у моего партнера побаливают шея и спина и из-за этого ряд движений он делать не может. У меня болела рука, соответственно, какие-то вещи – например, тодес - не могла сделать я. Вот и получилось, что ни одного из элементов, которые мы в свое время делали в нашей программе, исполнить толком не удалось. Я было предложила восстановить хотя бы концовку – где я забираюсь к Мишину на спину и там кричу «Ура». Но очень быстро выяснилось, что ему не присесть так низко, а мне – не запрыгнуть так высоко…

Глава 6. ЖЕНСКОЕ ЦАРСТВО

Поговорить о личном с Тамарой Москвиной можно, наверное, лишь на необитаемом острове. Где никто не отвлекает и совершенно некуда спешить. Во всех остальных случаях Тамара – сгусток какой-то сумасшедшей энергии: весь день расписан по минутам и в этот распорядок каким-то непостижимым образом втискиваются незапланированные встречи, интервью, визиты...

Как-то, уже после многих лет нашего знакомства, она сильно удивила меня. Я приехала тогда в Санкт-Петербург делать интервью с Евгением Плющенко. Встретиться мы договорились на катке «Юбилейный» и, приехав на тренировку, я увидела у борта Тамару. Первым моим чувством, пока я шла к ней вдоль льда чтобы поздороваться, была дикая и, наверное, неизменная в таких случаях неловкость - оттого, что профессиональный интерес направлен уже на другого человека. Тем более, что все без исключения тренеры, а особенно выдающиеся – крайне ревнивый в этом отношении народ.

У Москвиной тогда начинали кататься в паре никому не известные Вика Борзенкова и Андрей Чувиляев. Мы перекинулись с тренером парочкой общих фраз, и я уже совсем было собралась уходить, как Тамара вдруг удержала меня за руку и негромко сказала:

- Спасибо, что вы к нам подошли. Прекрасно понимаю, что вы приехали не ко мне, и что ни я, ни мои ученики не представляем сейчас для вас никакого интереса. Просто имейте в виду: если вдруг когда-нибудь у вас возникнут в Питере какие-либо проблемы, мой телефонный номер вам известен. И я всегда с удовольствием приглашу вас к себе в гости выпить по чашечке кофе, независимо от того, пишете вы о моих спортсменах, или

нет.

Такие слова стоили дорого. Позже, приезжая в Питер по делам и привычно пересекаясь с Москвиной на катке «Юбилейного», я не раз подсаживалась к ней в машину, понимая, что салон автомобиля в условиях городских пробок – и есть тот самый необитаемый остров, где можно поговорить о чем угодно.

Однажды я спросила Тамару, не напрягает ли ее супруга тот факт, что основным добытчиком в семье много лет является женщина. Она спокойно ответила:

- У нас всегда был общий бюджет. Не существовало никакого разделения, чей именно заработок более весом. Тем более что очень долгий период в нашей совместной жизни семья всецело была на плечах Игоря. Он мне дал все, что я имею: и семью, и профессию.

- Со стороны вашей свекрови не было недовольства, что вы до такой степени увлечены спортом, вместо того, чтобы сидеть дома, ухаживать за мужем и растить детей?

- Нет. Хотя когда у нас с Игорем родилась вторая дочка, мама Игоря не подходила к ней в течение полугода. Обиделась, что мы не спросили совета, прежде чем еще одного ребенка заводить. Так мы и про первого не спрашивали. Но ничего, справились и с этим. Иногда с детьми помогала моя мама, а через полгода и свекровь «оттаяла».

Она была очень красивой женщиной. Прекрасно образованной, с прекрасным русским языком, очень хорошо разбиралась в искусстве. Но с тяжелым характером. Очень властная. С постоянно меняющимся настроением. Если, например, она просила вымыть пол или обращалась с какой-либо иной бытовой просьбой, совершенно невозможно было ответить «Сделаю позже». Она требовала, чтобы все ее рекомендации выполнялись немедленно.

Естественно, между нами случались мелкие стычки, но нечасто. Все-таки наше поколение было воспитано в привычке беспрекословно слушать родителей и подчиняться им. Приходилось подстраиваться: «Слушаю, мама. Хорошо, мама. Как скажете, мама...». Не хотелось портить отношения, раз уж мы живем вместе, не хотелось расстраивать Игоря. Хотя каждый раз, когда к нам в гости приезжали даже не мои, а ее родственники, они спрашивали меня, уезжая: «Как ты с ней живешь?»

- Вы сами выросли на Украине?

- Родилась в Ленинграде на четвертый день войны - 26 июня 1941 года. Почти сразу нас эвакуировали на Урал. В Лысьву. Там жили мамины родственники. В ее семье было 16 детей, но выжили только трое. А вот вся папина родня - из-под Киева. У

отца тоже была большая семья. В деревне, где они жили, до сих пор есть даже Братусевская улица, названная в честь моего двоюродного дяди, героя Советского Союза Ивана Ивановича Братуся. Братусей на Украине насчитывалось очень много. В начале 70-х был даже такой министр здравоохранения - Братусь.

Родных братьев у папы было трое. Один пропал без вести во время Великой Отечественной войны. Отец же незадолго до моего рождения поступил в Ленинграде в военно-воздушную академию имени Можайского. Потом воевал. И доучивался уже после того, как война закончилась.

- Вы помните хоть что-то об эвакуации?

- Только чужие рассказы. Например, о том, как в трехлетнем возрасте я украла у двоюродной сестры кусок хлеба - весь ее дневной рацион. Нашла этот кусок случайно, надкусила и уже не могла остановиться, пока не съела его полностью. Попало мне тогда за это страшно.

Жили мы в Лысьве в огромном коммунальном доме, в котором когда-то родилась мама. В доме вместе с нами жило много татарских семей и мама научилась у них превосходно готовить блюда татарской кухни – беляши, пельмени...

Родная мамина сестра Нина была замужем за каким-то высокопоставленным партийным работником. Вместе с ним уехала с Урала в Москву. Потом мужа репрессировали, и он погиб где-то в тюрьмах. Хотя позже был полностью реабилитирован.

Сразу после того, как война закончилась, папу отправили служить в Хабаровск, и мы с мамой, естественно, поехали вместе с ним. Обе мои сестры родились уже там.

Потом мы вновь вернулись в Питер, папа восстановился в военно-воздушной Академии, закончил ее и стал работать на засекреченном военном заводе. Параллельно закончил аспирантуру. А в 47 лет умер. Совершенно внезапно. До этого даже не болел ничем ни разу.

Для мамы его смерть стала колоссальным ударом. Год она вообще не могла прийти в себя. Потом потихоньку отошла, устроилась на работу в институт связи – секретарем. Вот и получилось, что своих сестер по большому счету вырастила я. Хотя была всего на пять лет старше Татьяны и на шесть – Ольги. Благодаря этому мы очень тесно связаны по жизни. Сестры всегда очень мне помогали.

Оля была очень плаксивой в детстве. Своими капризами она так досаждала отцу, что он в шутку иногда говорил: «Выброшу в окно!» Потом, когда все мы подросли, сестра часто в разговорах со мной и Татьяной припоминала с обидой: мол, мы у родителей любимицами были, а ее то и дело грозились в окно выбросить.

В 1962-м, когда отца не стало, я училась в университете, а Татьяна с Ольгой – в школе. Жили мы тогда на те деньги, что я зарабатывала фигурным катанием, нельзя сказать, чтобы их хватало с избытком, возможно поэтому Ольга решила поступать в торговый техникум - чтобы быстрее начать работать.

После техникума она устроилась продавцом в одну из крупных гостиниц. В те времена было принято иметь при гостиницах специальные валютные отделы для иностранцев – «Березки». Со временем Ольга стала заведующей, ну а потом «Березки» все позакрывались.

Когда случилась перестройка, обе остались практически без средств к существованию, несмотря на то, что Ольга была знакома с бухгалтерским учетом, знала английский и французский языки, а Татьяна имела ученую степень кандидата биологических наук и работала в ленинградской Академии наук. Но даже там в те годы были свернуты все проекты, и она осталась не у дел. Я не задумываясь предложила Татьяне работать на меня, как и Ольге.

В тот период я сама слишком сильно начала чувствовать, что просто не успеваю справляться со всеми необходимыми делами. Приходилось помимо тренерской работы решать кучу организационных и финансовых проблем, так что согласие Ольги и Татьяны мне помогать, на самом деле было спасением: какой наемный работник будет безропотно решать все задачи, мириться с ненормированным и совершенно непредсказуемым рабочим днем? Сестер же я могла попросить о чем угодно, вплоть до того, чтобы собрать чемодан для той или иной поездки, а по возвращении разобрать его и привести в порядок вещи. К тому же они обе были очень пунктуальны и ответственны – это у нас, видимо, семейное, впитанное в детстве от родителей.

Игорь Борисович порой на меня ворчал – мол, эксплуатирую чужой труд, заставляю близких людей работать, я же прекрасно понимала, что в лице Татьяны и Ольги получила людей, которые не просто обладают занниями и способностями, которых лишена я сама, но на которых я могу во всем положиться.

В человеческом плане Ольга всегда была в нашей семье центром равновесия и психологического спокойствия. Муж в этом плане мне всегда ее в пример приводил. Абсолютно все мы – и мои дочки и даже Игорь – привыкли делиться с ней какими-то своими тайнами, сомнениями. Чуть что – бежали к Лелику. Такое ласкательное имя всегда было у Ольги в нашей семье.

Мужа сестры поначалу очень боялись. Им казалось, что Игорь слишком суров. А потом вышло так, что они втроем как бы объединились в противовес мне. И всегда очень поддерживали

друг друга.

* * *

С Татьяной – второй сестрой Тамары Москвиной – я заочно познакомилась в начале 2000-х. Набрав однажды по какому-то поводу питерский номер Москвиных и услышав в трубке знакомый голос, я, было, начала беседу, но собеседница неожиданно меня прервала: «Это не Тамара Николаевна, а ее сестра. Тамара со своими спортсменами сейчас находится на соревнованиях в Пекине. В ближайшую пятницу она прилетает в Москву на бал олимпийцев. Потом сразу возвращается домой. Интервью? Какого числа вы будете в Питере? Я обязательно передам, и она с вами свяжется».

Тогда я еще не знала, что Татьяна – это человек, который полностью координирует жизнь старшей сестры, решает великое множество самых разных проблем и что нет, пожалуй, такой задачи, с которой она не сумела бы справиться. Лишившись в перестроечные годы в весьма солидном возрасте престижной работы в Академии наук, она освоила компьютер, села за руль, причем, когда как-то начала вспоминать об этом, по выражению лица, было нетрудно понять: автомобиль и компьютер – далеко не самое сложное, с чем приходилось сталкиваться в жизни.

- Я просто понимала, что и то и другое – это инструмент для работы, - рассказывала мне Татьяна, когда однажды мы вдвоем коротали время дома у Москвиных в ожидании возвращения хозяев. – В молодости я, как и Тамара, каталась на коньках, причем была способнее, чем она, и по физическим данным, и по музыкальности. Правда стремления добиться результата у меня, в отличие от нее, никогда не было. Наверное, потому, что все очень легко давалось. Вообще очень легко шла по жизни. Настолько легко, что иногда думала: так не бывает. Должно непременно что-то произойти. К сожалению гром грянул, когда я сама в силу возраста могла изменить уже немногое. До сих пор моя пенсия при всех степенях и научных званиях составляет очень смешные деньги.

Наша семья с украинской стороны всегда имела клановый аспект. Отец первым вышел из села, выучился, выучил всех своих детей, все уехали в город. Но когда мы с Ольгой потеряли работу, все родственники старались помогать.

По украинской ветви нашего семейства, кстати, неплохо прослеживается история России. Сгинувших во время ежовщины не меньше, чем тех, кто погиб во время войны. Много раскулаченных и убитых, причем неизвестно, где могилы. Да и среди тех, кто тогда уцелел, многие хорошо походили по Сибири босиком. Кое-кто из родственников по бабушкиной линии осел в

Коми.

А вот родственников по маминой линии я, помню, не любила. Когда они приезжали к нам в Ленинград в гости, мне всегда было жалко отца. У него имелась толстая тетрадь, где было выписано время работы всех музеев, репертуары театров. Он готов был бесконечно водить маминых родственников по городу, постоянно покупал билеты на всевозможные спектакли, а им были интересны только магазины…

Ну а в 1990-х, когда многие государственные конторы просто ликвидировали.

Тамара в прямом смысле спасла нас с сестрой от нищенства: собрала на семейный совет и не долго думая загрузила всевозможными обязанностями.

Моя работа – это прежде всего четкая организация всего, что так или иначе связано с работой Тамары. Проверка и составление разного рода договоров, а каждый из них – это от десяти-двенадцати до двадцати пяти страниц текста, оформление виз, билетов…

Тамара и сама - прекрасный организатор. Помимо работы со спортсменами занимается их финансовыми делами, постоянно помогает, организовывает их жизнь во всех смыслах этого понятия. Взваливает на себя очень много самых разных обязанностей и прекрасно с ними справляется.

Помню, в свое время я была чрезвычайно удивлена, узнав, что Тамара при всей своей загруженности регулярно пишет родственникам письма. Она действительно все успевает. Любимые слова - «надо» и «заодно». Я, например, совершенно не умею одновременно делать несколько дел, а для Тамары это нормальное состояние. Она очень часто руководствуется интуицией - методом тыка. И если правильно попадает, то в каком-то смысле выигрывает стратегически – получает преимущество во времени. Мне же надо сначала собрать всю информацию, а уже потом принять решение.

Что касается Игоря Борисовича, я всегда им восхищалась, хотя, если честно, не очень люблю славословия. Обожала бывать на его тренировках. Могла сидеть на них часами и смотреть, как на моих глазах из ничего возникает что-то. Словами это не объяснить.

Еще он поразительно молод и эмоционален – этому можно только позавидовать. Когда Игорю было уже под 70, он блестяще выучил английский язык. Профессиональными терминами в каком-то объеме он, как любой тренер, естественно, владел и раньше. Но знанием языка это назвать было трудно.

С этим достаточно ограниченным запасом слов Игорь в конце

90-х поехал в Колорадо Спрингс, а когда вернулся оттуда, я обалдела. Он говорил по- английски совершенно свободно. Речь лилась. Его все понимали, он всех понимал. Делал массу мелких ошибок, но это совершенно его не смущало. Я ловила себя на том, что хоть в свое время и учила язык очень серьезно, но мне нужна определенная адаптация, прежде чем начать говорить. Он же заговорил без труда.

У Игоря потрясающие руки, он умеет все. Мне однажды из какой-то парусины даже джинсы сшил. Мужчина – одно слово. В нашей семье это особенно чувствуется, потому что он – единственный мужчина. Я разведена, Оля – вдова, вот мы и держимся вокруг Игоря. Он, безусловно, обласкан нашим вниманием, как и вниманием двух дочек, при этом держит дистанцию, и мы с Ольгой эту дистанцию не нарушаем. Достаточно сказать, что я с ним до сих пор на «вы».

Человек он интеллигентный – в истинном понимании этого слова, добрый, любящий порядок и это – главный камень преткновения в его отношениях с Тамарой. От ее любимого слова «заодно» он просто беленеет. В его понимании все должно быть разложено по полочкам и в прямом и в переносном смысле этих слов.

Тамара тоже любит порядок, но ей для того, чтобы его навести, нужно все выкинуть. Чтобы ничего лишнего под руками не было.

Когда сестра с Игорем уехали работать в Америку, я через некоторое время приехала к ним - помогать. Жили мы в одной квартире, так что отношения были достаточно тесными. Однажды Игорь стал искать свою рубашку и спросил Тамару, где она. Я с интересом стала наблюдать за развитием ситуации, поскольку, зная сестру, прекрасно понимала, что никакой рубашки уже нет.

Тамара сначала как-то отговаривалась, пыталась убедить мужа в том, что искать рубашку совершенно необязательно, потому что она и старая, и немодная, но Игорь упорно требовал именно эту рубашку. Она, как выяснилось, была у него любимой.

В итоге Тамара была вынуждена признаться, что рубашку выбросила. Нельзя сказать, что дело закончилось ссорой, но было видно, что Игорь очень недоволен.

Через две недели история повторилась. Правда уже с другой рубашкой.

Я тогда, помню, спросила: «Тамара, тебе это надо?» Но она не может иначе.

Несмотря на то, что сестра и ее муж – абсолютные противоположности, они прекрасно живут вместе много лет. Могут пошуметь, но это ничего не значит. На бытовом уровне

мелкие стычки возникали между ними постоянно, но отношения всегда оставались очень бережными и уважительными. Да и потом Тамара многим обязана Игорю. Всем обязана, что имеет. И прекрасно понимает это.

- А между вами и Игорем стычки случались?

- Мы с детства были воспитаны так, что надо очень хорошо постараться, чтобы вывести кого-то нас из себя. В родительской семье вообще не было принято ругаться. Помню, однажды отец пришел домой выпивши, и я услышала, как мама сказала ему на кухне: «Ты мне – не друг!» Это было самое грубое, что я когда-либо слышала от нее в адрес отца. Поэтому и говорю, что вывести нас из равновесия очень тяжело. Так что у Тамары в доме никогда не было никаких истерик.

- Игорь Борисович когда-нибудь проявлял ревность к тренерским успехам Тамары?

- Может быть и случалось, когда у них были отдельные пары. Игорь никогда не занимался организацией жизни своих спортсменов так, как это делала Тамара. Только тренировал. И поэтому, как мне кажется, в свое время проиграл. Ну а когда страна начала разваливаться, он вообще перестал понимать, что происходит. Помню, я как-то везла его из аэропорта, он причитал всю дорогу: «Что это за жизнь? Почему я должен постоянно менять деньги? Мы никогда их не меняли...»

Я ему постоянно на это говорила: «Игорь Борисович, слава богу, что у нас есть, что менять». Но он категорически не принимал эту реальность. Привык зарабатывать с детства, но что такое деньги никогда толком не знал. Точно так же не знает и никогда не знал, где какое учреждение находится. Организационной и финансовой стороной в семье всегда заправляли женщины. Так повелось еще от бабушки и мамы. Игорь на моей памяти никогда ничего не покупал. Даже если приглашен к своим друзьям на какой-либо праздник, то подарки для этих случаев покупает всегда Тамара.

В последние годы он много помогал Тамаре в работе с ее парами, но в ту же Америку выезжать уже не может – не рекомендуют врачи. Хотя для него ужасно, когда нет работы. Он по прежнему приходит на каток, но то, что делает на льду, не затрагивает его душу. Это видно.

* * *

- Кататься на коньках я начала в Питере, в десятилетнем возрасте, - рассказывала Тамара во время нашего очередного автомобильного вояжа по городу. - Тогда спорт был очень доступен. Даже такой, как фигурное катание. Да и не только спорт. Например, у нас в семье работал только отец, но при этом

мы имели автомобиль «Победа». Естественно, нам сильно облегчало жизнь и то, что дедушка с бабушкой по отцовской линии жили на Украине. У них имелось 60 соток земли, на которых были пасека, сад, огород. Еще они держали корову и свинью. Выращивали все, что можно, многое продавали, что-то передавали нам и семьям двух других сыновей. А семьи-то были большими: когда мы собирались все вместе, одних детей за столом было восемь человек. И столько же взрослых. Один из папиных братьев был дипломатом. Он работал в Бирме, и когда уезжал туда, то старшего сына оставлял у нас в Питере – в Бирме на тот момент не было школы, куда его можно было бы отдать.

Маму мою, кстати, папина родня поначалу не очень радушно приняла. Они-то всегда считались зажиточными. А она – нищая, да еще и «кацапка» - русская. Но потом потеплели, прикипели душой, причем, искренне. Помню, каждый раз, когда мы с Украины домой уезжали, нас буквально заваливали подарками. Кто-то нес лук, чеснок, кто-то – мешочек бобов, кто-то семечки…

Не скажу, что мы жили как-то особенно хорошо, но ни в чем не нуждались. Пока не было собственного жилья, мы снимали комнату у стрелочницы трамвайного депо. И жили там впятером. А вот когда получили квартиру, папа первым делом купил беккеровский рояль – чтобы все было «как у людей». Представляете? Комната в 12 квадратных метров, две лежанки, два письменных стола, выход на балкон, а посередине – рояль!

Правда через некоторое время папа понял, что дал маху. Поэтому рояль мы продали, а взамен купили пианино. И мы с сестрами стали ходить в вечернюю музыкальную школу.

- А как пришли в спорт?

- Папа, еще когда был студентом, дважды в неделю ходил на занятия физкультурой и всегда брал нас с собой. В школе я была отличницей и как-то однажды ко мне за парту посадили девочку, которая, как тогда говорили, «не отличалась образцовым поведением». Это заключалось в том, что на уроках эта девочка постоянно писала записочки мальчику, который ей нравился. Вот ее и посадили ко мне – перевоспитываться.

От нее я узнала, что она занимается фигурным катанием у Ивана Ивановича Богоявленского - на стадионе «Искра». И решила тоже пойти туда кататься. У меня были тогда только хоккейные конечки. Ни о каких чехлах мы не знали и в помине, поэтому дома я надела коньки и прямо в них на цыпочках пошла на каток. Благо стадион недалеко был – только мостик перейти.

Потом эта девочка, кстати, стала моей главной конкуренткой. Но она была красивая, яркая, а я – серая, дальше некуда…

Ну а в 1957-м я стала тренироваться у Игоря.

Наши отношения развивались достаточно медленно. Когда я пришла в группу, мне было всего 16 лет. Поначалу было вообще странно думать о том, что тренер обратит на меня внимание. Он был красивый, высокий, в модном пальто с меховым воротником. И я – маленькая, в черной цигейковой шубке и войлочных ботах «Прощай молодость». Почти все ведь так после войны ходили.

- Со стороны родственников Игоря не было попыток отговорить его от женитьбы на вас?

- Нет. Даже мой папа спокойно к этому отнесся, несмотря на то, что Игорь был значительно старше меня. Когда он пришел к нам домой - разговаривать с моими родителями, папа потом сказал: «Пусть... Игорь – хороший и порядочный человек».

Отец, кстати, был знаком с Игорем довольно хорошо. Он всегда приходил со мной на каток, спрашивал, есть ли у тренера замечания. Интересовался, что нужно сделать, чтобы исправить ошибки.

До того, как мы познакомились, Игорь жил в гражданском браке со своей партнершей Майей Беленькой. Расстались они без моего участия, и я ни разу в жизни не слышала, чтобы Игорь вообще что-то говорил о том периоде своей жизни. Сама же никогда не спрашивала.

- А ваш партнер Алексей Мишин не пытался за вами ухаживать?

- Он пришел в группу к Игорю позже, когда мы уже были год женаты. А через год женился сам. Да и потом мне до такой степени повезло с мужем, что я подспудно как бы «примеряла» к нему всех знакомых мужчин. И никогда это сравнение не складывалось не в пользу Игоря.

Ездили мы всегда вместе – не расставались. Так что с семейной жизнью было все в порядке. С Мишиным же у нас были совершенно потрясающие дружеские отношения. Мы очень доверяли друг к другу. Не знаю уж, ревновал ли меня Игорь. Наверное, да. Но не к Мишину, а к тому, что я всегда очень легко находила с окружающими общий язык. И круг моего общения всегда был необыкновенно широким.

У Игоря же были его яхты, которым он посвящал летом все свободное время. Я довольно часто приходила в яхтклуб, но кататься мне никогда не нравилось. Честно говоря, было жаль тратить на это время. Нужно было писать диссертацию, заниматься какими-то другими делами. На научную деятельность меня сподвиг мой институтский руководитель – Александр Борисович Гандельсман. Он был профессором, доктором медицинских наук, а в институте физкультуры возглавлял кафедру физиологии. И кстати, одно время был тренером Игоря

вместе со своей женой Раисой Николаевной. Гандельсман постоянно говорил мне, что нельзя допустить, чтобы знания уходили никуда. Мол, надо обязательно оставить что-то после себя, помимо катания.

Я проводила под его руководством какие-то исследования, причем по-настоящему была увлечена этим. Изучала тактильную чувствительность, работу вестибулярного аппарата, читала много всевозможной литературы. Игорь всегда очень уважал Гандельсманов. Хотя сам никогда не писал никаких работ или учебников. Только преподавал в школе тренеров. Зато многие из тех, кто сейчас работает в фигурном катании – это люди, которых он воспитал.

Глава 7. ОЛЯ + АНЯ

Однажды я спросила Тамару Москвину: приходилось ли ей испытывать угрызения совести из-за того, что ученикам уделяется куда больше времени и внимания, нежели собственным детям?

- Постоянно, - вздохнула она. – Но всегда успокаиваю себя тем, что в то время, как занимаюсь с чужими детьми, кто-то другой точно так же возится с моими. И если я полностью отдаюсь своей профессии, почему должна думать, что другие преподаватели поступают иначе?

Когда я только начала ездить по сборам и соревнованиям, то скучала по девочкам очень сильно. Постоянно думала: как там они без меня? Что делают? Что вообще происходит дома? Мучалась, не спала ночами, переживала. А в какой-то момент поняла, что так продолжаться не может. Потому что все эти мысли страшно мешали сосредоточиться на работе со спортсменами. Вот я и взяла за правило, уезжая, оставлять все домашние проблемы и переживания дома. Как книжку закрывала.

Точно так же, возвращаясь домой, я «закрывала» рабочую книжку и полностью погружалась в домашние дела. Это давало возможность не расходовать силы и нервы на ненужные переживания. И не корить себя за то, что пока я занимаюсь судьбами чужих детей, мои собственные остаются без материнского присмотра.

Мы с Игорем, естественно, хотели, чтобы дети занимались спортом, но сами были постоянно слишком сильно заняты работой со своими спортсменами. Так что возможности серьезно тренироваться Оли и Ани по большому счету не было изначально. Мама Игоря слишком уставала в работе по дому, так что просить ее привезти девчонок на трамвае на каток у нас не поворачивался язык. К тому же наше собственное расписание работы никогда не совпадало с занятиями детских групп.

Одно время Аня ходила заниматься в хореографическое училище, но однажды услышала, как кто-то сказал в ее адрес: мол, все понятно – блатная, дочка Москвиных. И она наотрез отказалась продолжать занятия.

Мы с Игорем и не настаивали. Тем более, что Аня перенесла в детстве очень тяжелую операцию. Когда ей было пять лет, она каталась на даче на велосипеде, упала и сильно ударилась животом о руль. Мы сразу отвезли ее в больницу, где выяснилось, что у дочки сильно повреждена селезенка и требуется немедленная операция.

Я практически прописалась в больнице: приезжала туда после каждой тренировки, едва выдавалось время. Оля тоже у нас в детском возрасте перенесла полостную операцию – проглотила заколку для волос и эта заколка застряла в двенадцатиперстной кишке. К ней в больницу я тоже постоянно ездила и постоянно что-то приносила. Видела же, насколько тяжело приходится и врачам, и медсестрам, и даже детям, которые там лечились. Многие были из числа «отказников», они просто жили в этой больнице. Понятно, что не хватало ни денег, ни еды, ни простого человеческого тепла.

В палате, где лежала Аня, было много лежачих больных, я меняла им простыни, мыла полы, кормила тех детей, к которым не приезжали родители. Поскольку я уже успела стать довольно известным в городе тренером, врачи по вечерам приглашали меня к себе в ординаторскую – отдохнуть, попить чаю. Я рассказывала им о фигурном катании. Однажды доктор, который оперировал Аню, прямо на куске газеты нарисовал мне схему, по которой он делал операцию. В анатомии я разбиралась достаточно хорошо, поэтому сразу поняла, что дочке отсекли часть поджелудочной железы, а сама железа пострадала настолько сильно, что слишком

медленно восстанавливает свои функции.

Анализы у Ани действительно очень долго были плохими, настолько, что на каком-то этапе речь действительно шла о жизни и смерти, но в результате дочка выкарабкалась. Потом у нее очень долго держалось предубеждение ко всем продуктам – видимо, накрепко запомнилось, что после еды часто становилось больно. Прежде чем что-то съесть Аня всегда спрашивала: «Мне это можно?»

С женщиной, которая была у Ани лечащим врачом, я много лет поддерживала отношения, а лет через 20 мы с Игорем даже пригласили ее в ресторан, подгадав к тому сроку, когда Аня вернулась в Питер после учебы. Врач, помню, очень сильно тогда удивилась. Как потом сказала, сидела за столом и весь вечер, пыталась понять, что нам от нее нужно. Ждала, когда мы, наконец, о чем-то ее попросим.

Когда у нас в Питере стали проводиться всяческие юбилейные мероприятия в мою честь, я каждый раз отправляла все цветы в ту больницу, где лечили Аню. Причем специально покупала ведра – знала, что в больнице для цветов могут найтись в лучшем случае банки из под сока.

Вот так мы и жили. С одной стороны была семья и дети, с другой - спортсмены.

- Дети на вас не обижались?

- Наверняка обижались. Помню, когдя я пыталась что-то советовать старшей дочери или делать ей какие-либо замечания, то неизменно слышала в ответ: «Иди учить своих фигуристов». Думаю, точно так же рассуждала и Аня. Но мы с мужем сразу решили: главная наша родительская обязанность – сделать девчонок самостоятельными и дать им образование. Ну и по-возможности удержать от неправильных шагов, разумеется.

По этой причине, кстати, мы в свое время на целый год отправили Аню учиться по школьному обмену в США. Увидели, что в России жизнь начинает меняться настолько стремительно и непредсказуемо, что даже более старшие люди теряют ориентиры, так сказать. Нельзя сказать, что Аня совсем отбилась от рук, но учебу она откровенно забросила, стала проводить много времени в непонятных для нас компаниях, то есть мы с Игорем почувствовали, что еще немного, и рычаги влияния на дочь будут окончательно утеряны. Вот и придумали послать ее по обмену в Америку.

Год учебы, включая стоимость билета, тогда стоил 500 долларов. Для России по тем временам это были очень большие деньги, просто колоссальные. Но мы их нашли.

После того, как Аня снова вернулась домой, все вроде бы

нормализовалось. Но через какое-то время я опять почувствовала, что нужно брать ситуацию под контроль. И договорилась, что продолжать учебу Аня поедет в Англию – в королевский секретарский колледж.

С необходимой для поступления информацией мне помогла давняя приятельница – Салли-Энн Стэпплфорд. Прислала все бумаги, сообщила, в каком порядке нужно начинать действовать. Сразу задать вопрос о стоимости обучения я не сообразила, зато потом, когда дочка поступила и мне выставили счет, схватилась за голову. Но не могла же я сказать той же Салли, что передумала? Вот и стала выкручиваться из этой ситуации уже сама.

Жилье для дочери мы нашли через знакомого английского журналиста, Майкла Коулмэна. Он сдал Ане комнату в пригороде Лондона на последнем этаже дома, где жил сам. С ним же я консультировалась по поводу того, сколько денег принято давать детям в Лондоне на карманные расходы. Майкл назвал какую-то сумму, как выяснилось позже – совершенно мизерную для того, чтобы на нее жить. Мне потом Аня об этом сказала. А в Лондоне она просто нашла дополнительную работу – в книжном магазине. Я даже как-то приезжала к ней туда – посмотреть, как она работает.

Жизнь в Англии очень дисциплинировала дочь. Она даже стала делать нам с отцом замечания, когда мы забывали выключать за собой свет, выходя из той или иной комнаты. Хотя до отъезда всегда фыркала, если то же самое говорилось ей. Другими словами, дочь научилась считать деньги. Да и вообще стала очень дисциплинированным, внимательным и отзывчивым человеком – слишком со многими трудностями, в том числе и личными, ей пришлось тогда столкнуться. А вернувшись сказала нам с отцом, что хочет продолжать учиться для того, чтобы сделать хорошую карьеру.

* * *

- Мы в детстве постоянно ссорились с Аней, - вспоминала старшая дочь Москвиных – Ольга. – Я пыталась, как старшая, на нее давить. Наверное таким образом проявлялась детская вредность. Сейчас Аня – очень организованный человек и мы с ней очень близки, а тогда меня ужасно раздражало, например, что она разбрасывает свои вещи. Жили-то мы с ней в одной комнате. Вот я ее и третировала.

Помню, что когда родители были с нами, они уделяли нам достаточно времени. И это время было «качественным» в плане общения. Мы гуляли, занимались, то есть родительское внимание не ограничивалось тем, что происходит в школе и дневнике. И

мама, и папа находили время поговорить с нами, что называется, по душам – в той мере, в которой вообще можно разговаривать по душам с маленикими детьми.

С папой вести такие разговоры было проще. Папа вообще очень мягкий, теплый и душевный человек. Очень заботливый, очень ласковый. Мама пыталась в первую очередь научить нас организовывать свое время.

Не помню, предпринимали родители попытки сделать из нас с Аней фигуристок, или нет, но какое-то время я ходила на каток. Мне очень нравилось падать. Разбежаться вдоль борта, плюхнуться на лед и как можно дальше проскользить. Вот это было настоящей радостью.

Папа никогда не повышал голос, не говоря уже о том, чтобы наказать. Однажды, правда, попытался. По телевизору тогда поздно вечером показывали какие-то соревнования, и мне разрешили их посмотреть, хотя обычно нас отправляли спать еще до того, как начиналась программа «Время».

Для меня то разрешение было целым событием. Фигурное катание, как спорт, не очень меня интересовало, но был важен сам факт того, что я могу подольше посидеть перед телевизором. Ну, а поскольку происходящее на экране показалось мне тогда довольно скучным, я начала прыгать со стула на пол, создавая при этом достаточно много шума.

Мама со своими учениками была как раз на тех соревнованиях. Поэтому папа так сосредоточенно наблюдал за трансляцией. Он сделал мне замечание один раз, потом второй. Наверное, предупреждений было много. А потом папа вдруг замахнулся, словно собирался меня шлепнуть.

Не ударил и даже не дотронулся, но я была тогда страшно напугана. Потому что такого прежде не происходило вообще никогда. Для нас с сестрой было вполне достаточно сурового взгляда отца или, не дай бог, его обиды.

Когда мы стали постарше, нам стало даже нравиться, что родители постоянно в разъездах. Мы знали, что они обязательно приедут и привезут нам подарки.

Долгое время у них было традицией привозить нам из каждой заграничной командировки свечки в форме яблок. Когда такая свечка горела, возникало ощущение, что яблоко светится изнутри. Этих яблок у нас в доме было много. Еще были очень редкие по тем временам шоколадки Toblerone. Яблоки и шоколад были как бы символом того, что семья в сборе.

- Вы помните, как родители стали работать отдельно друг от друга?

- Помню напряженность в доме. Мне было лет 13. Сейчас в

этом возрасте дети гораздо взрослее, а тогда я долго не могла понять, что происходит. Однажды услышала, как родители на повышенных тонах выясняют что-то за закрытой дверью, хотя до этого у нас в доме двери не закрывались никогда. Меня это напугало. И бабушка – папина мама, вместе с которой мы жили до самой ее смерти – объяснила, что на катке произошел инцидент, связанный с учениками мамы и папы, вот они и пытаются таким образом разрешить конфликт.

Эта напряженность чувствовалась в доме еще какое-то время, но недолго – неделю или две. Потом родители стали работать на разных катках. Мне удалось тогда узнать от бабушки, что папа и мама договорились работать отдельно друг от друга и не обсуждать работу дома как раз для того, чтобы избежать каких бы то ни было семейных проблем.

Та ссора, собственно, так и осталась в их жизни единственной. В каждой семье бывают и стычки, и проблемы, но в нашей их и конфликтами-то нельзя было назвать. Родители всегда удивительным образом дополняли друг друга. Папина рассудительность прекрасно уравновешивала мамин напористый характер. Хотя папа более эмоционален. Вероятно поэтому ему всегда было в большей степени, чем маме, свойственно проявлять свои чувства.

- Кто из них был для вас большим авторитетом?

- Так получалось, что серьезные решения относительно своей собственной жизни я принимала без их участия. Но к этому я привыкла с очень раннего детства. Авторитетом, скорее, до определенного времени была бабушка. Моим воспитанием она занималась больше, чем родители. Соответственно, все свои детские проблемы я обсуждала с ней. А с 18 лет стала жить отдельно.

Когда родители переехали в Америку, мы с моей дочкой дважды приезжали к ним в гости, проводили там по три месяца. Одно время, когда папа приболел и у него возникли проблемы со зрением, Даша даже ходила там в школу, а я возила папу на тренировки.

- Остаться за океаном на более долгий срок не планировали?

- Нет. Однажды меня даже в американском консульстве спросили, когда я получала там очередную визу, хочу ли я жить в Америке постоянно. Человек, который принимал у меня документы, был, помню, страшно удивлен, услышав «Нет». У меня и на самом деле никогда не было такой цели. Как и у родителей, кстати. Их пребывание в США было вынужденной работой. Как только ситуация изменилась, они тут же вернулись домой.

- Вам не хотелось по примеру Ани уехать учиться за границу?

- Этого стремления и у Ани, думаю, не было. Просто так сложилось. Она на год уезжала учиться в Америку еще по школьному обмену. Потом вернулась, закончила школу и уже после этого уехала в Англию.

- Родители с вами советовались по поводу тех решений, которые они принимали относительно своей собственной жизни?

- Мы всегда принимали участие в семейных обсуждениях. Вместе взвешивали плюсы и минусы, но последнее слово оставалось, безусловно, за папой и мамой.

- Не помню уже после каких Олимпийских игр Тамара сказала мне, что совершенно не стремится продолжать работу в большом спорте. А хочет просто жить в свое удовольствие. Побыть бабушкой в том числе.

- Подозреваю, что вы просто застали ее в настроении минутного порыва. Мама настолько любит свою работу, что мне сложно представить ее вне катка. И даже в роли бабушки она – прежде всего тренер. С моей Дашей она общается точно так же, как с учениками. Может быть это идет от недостатка опыта общения с маленькими детьми вообще, или сказывается многолетняя профессиональная привычка. Но всех нас она прежде всего пытается «тренировать». С Дашей это получается крайне сложно, если вообще получается. Каждое слово «воспитательного» характера дочь воспринимает в штыки. Игорь Борисович на это тоже очень часто обижается. Его задевает, когда что-то говорится в ответ в грубой или невежливой форме.

На самом деле меня только радует, что мама по-прежнему настолько активна и стремится много работать.

- Но Игоря Борисовича, тем не менее, она постаралась отодвинуть от активных тренировок. И прежде всего от каких бы то ни было поездок.

- А знаете, он никогда не любил ездить. Он – абсолютно домашний человек, очень любит находиться дома. Ему там уютно. Уехать куда-либо – для папы испытание, стресс. Неважно, куда именно предстоит ехать. Всегда было видно, что папа, уезжая, переступает через себя. Он постоянно брал в поездки какие-то старые любимые вещи. Неважно было, соответствуют ли эти вещи его возрасту, его социальному статусу. Они ему просто нравились, напоминали о доме.

Дома он постоянно что-то чинит, но это происходит исключительно по той причине, что мы с мамой постоянно что-то ломаем. У нас с ней просто талант к поломке даже таких вещей, которые вроде бы сломать невозможно. Это относится ко всему, начиная от всевозможной бытовой техники и заканчивая какими-то полочками и дверцами. Мы с мамой, естественно, начинаем

говорить в таких случаях, что вещь, видимо, отслужила свое и просто время пришло ей сломаться. Папа же уверен, что при правильном обращении любая вещь может служить вечно.

На даче он любит что-нибудь придумывать и мастерить. Разрабатывает глобальные концепции, как сделать ту или иную вещь, чтобы получилось максимально функционально и хорошо. Никогда не приступает к практической работе, пока не продумает все этапы и тонкости. Уже потом начинает искать мастерскую или специалиста, кто мог бы воплотить его идеи. Так что процесс получается длительным и страшно отца увлекает.

Папа - прекрасный кулинар. Варит супы, готовит мясо. Вот и я научилась, на них с бабушкой глядя. Бабушка тоже превосходно готовила, исключительно вела дом. Хотя не могу сказать, что чему-то я училась у папы и бабушки целенаправленно. Скорее просто впитывала то, что видела. А вот умение организовать свою жизнь у меня безусловно от мамы.

- Семейные праздники вы отмечаете дома, или в ресторанах?

- Дома. Главный праздник для всех нас – это, конечно же, Новый год. Мы его обычно встречаем на даче, где собирается «узкий» семейный круг: родители, я с мужем и дочерью, сын мужа, мамины сестры. Если Ане удается выкроить свободное время, она тоже приезжает в Санкт-Петербург - из Швейцарии. Правда, чаще она прилетает не на Новый год, а на дни рождения мамы и папы. Иногда – на свой собственный. Она у нас Близнец - родилась в начале июня, Я – Овен. Папа – Дева. А мама – Рак и Змея – если по восточному календарю.

Помню, мама рассказывала, что однажды вошла в раздевалку, когда ее спортсменки этот календарь рассматривали и обсуждали. Причем она открыла дверь как раз на фразе одной из учениц: «А Тамара Николаевна – змея!»

Девчонок, видимо, до такой степени перепугало, что тренер может воспринять фразу буквально, что они тут же хором бросились уточнять: «Тамара Николаевна, вы у нас – добрая змея!»

- Какие фирменные блюда вы готовите дома к праздничному столу?

- Знаменитый торт «День и ночь», рецепт которого в нашей семье хранится в секрете. Дело даже не в том, что этот торт какой-то необыкновенно вкусный, хотя все едят его с удовольствием. Просто в нашем сознании он неизменно ассоциируется с праздником. С Новым годом, с тем, что его мама и папа всегда готовят вместе. В обычные дни мама редко возится на кухне, приготовление еды обычно ложится на меня или на папу, но вот торт – это всегда мама и папа.

Папа очень вкусно запекает баранью ногу. Обязательно хорошенько шпигует ее чесноком, обмазывает горчицей и медом и долго держит в духовке на очень маленьком огне. Мясо получается очень мягким и сочным. У нас в семье все любят вкусно поесть. Хотя когда ничего вкусного нет, едим все подряд, никто не привередлив в этом отношении.

- Вы следили за тем, как выступают мамины спортсмены?

- Не очень внимательно. Когда была маленькой, следила, скорее, за тем, завоевывают они медали на чемпионате мира, или нет. Когда завоевывали, это означало, что мама после соревнований поедет не домой, а в длительный показательный тур. Если она туда ехала, то не успевала вернуться к моему дню рождения.

Такого, чтобы я как-то специально следила за кем-то из спортсменов, никогда не было. Но появилось, когда я стала помогать маме в работе и встречаться с ней почти каждый день. Я поняла, сколько труда уходит на то, чтобы добиться результата. Сколько сил и времени приходится вкладывать маме в каждую свою пару и особенно – в нынешнюю. Юко Кавагути – Саша Смирнов. Мало того, что мама очень рано встает, она поздно ложится. К физической нагрузке добавляется постоянная ответственность за результат – перед одной страной, перед другой, перед спортивными федерациями, перед болельщиками… Мама же прекрасно понимает, да и чувствует постоянно, что от нее все ждут этого результата. Естественно, это очень сильно психологически давит. Порой я вижу, что ей не хватает сил. Но я никогда не видела ее растерянной и тем более – плачущей. Наверное, поколение моих родителей вообще было воспитано таким образом, чтобы стойко переносить жизненные невзгоды. Война, эвакуация… Наверное, все это и закаляло характер. Мы никогда не поймем и не узнаем на самом деле, что в те годы довелось пережить людям. И какая ерунда в сравнении с этим все то, что привыкли считать проблемами мы сами…

Глава 8. ЖИЗНЬ ПОД ПАРУСОМ

Иногда жизнь переплетает судьбы людей совершенно причудливым образом. Ну чем не кинематографический сюжет: Черное море, синее, солнечное небо, чайки, красавица-яхта, вытащенная на песок, и маленькая босоногая девочка с выгоревшими до белизны волосами. Девочка каждый день приходит на берег, чтобы послушать рассказы умудренного жизнью рулевого о какой-то далекой и не очень понятной жизни, где красивые и сильные люди бьются за право стать первыми. И как-то незаметно увлекается спортом настолько, что спустя несколько лет сама становится знаменитостью, выиграв Олимпийские игры.

Возможно на самом деле все происходило совсем не так. Но море в реальном жизненном сюжете имелось. И яхта тоже. И девочка. Звали ее Галя Прозуменщикова. Рулевым же был Игорь Москвин.

- В Севастополе у нас довольно часто проводились парусные соревнования, а все свободное время мы готовили свои лодки, - рассказывал он. - Яхта у меня была очень красивой. Чистенькая, отлакированная до такой степени, что аж сияла. Я тогда только-только перевез ее в Севастополь из Ленинграда после капитального ремонта. После каждой тренировки приходилось вытаскивать яхту на берег и чистить – нефть с нее смывать.

Галя все время крутилась вокруг: волосы растрепаные, выгоревшие – смешная такая. Лет 12 ей тогда было, не больше. И постоянно просила: «Дядя Игорь, можно я сама твою яхту помою?»

Мне даже неудобно было порой, что она мне яхту мыть помогает. А в 1964-м, когда Галя выиграла Олимпийские игры, я

даже гордиться своим знакомством с ней стал. Смешно иногда судьба складывается.

Сам я начал заниматься парусным спортом сразу после возвращения из эвакуации. Наш эшелон пришел 9 мая – прямо на завод ГОМЗ. Разобрались немного с жильем, повседневной жизнью – вот и пошел записываться в яхтклуб. Война-войной, но в эвакуации я запоем читал Станюковича, Новикова-Прибоя, Джека Лондона – вот и увлекся романтикой путешествий. Мысленно путешествовал с их героями и помню, очень сильно расстроился, когда узнал, что в третьем путешествии Кука по малазийским островам его съели аборигены.

Парусный спорт во время войны оказался в Ленинграде очень востребован. Те, кто до войны работали тренерами, ушли служить – снабжали город топливом, продовольствием – все это возили на буерах. На них же ходили в разведку. Правый берег до самого Кронштадта ведь не был оккупирован. На Финском заливе стоял лед в метр толщиной.

А после войны открыли секции, потому что многие хотели заниматься спортом. Конечно, яхты и швертботы, которые оказались в распоряжении яхтклубов, были не новыми, еще довоенного производства. Но ходили они вполне надежно.

- Вам же не сразу дали собственную яхту?

- Конечно не сразу. Сначала были теоретические занятия, практические – под присмотром тренера. Как в гребле: одна команда гребет, а три других ждут на берегу своей очереди. Первые из лодок вылезают, вторые тут же на их места садятся. Я ведь занимался и греблей тоже – был чемпионом Ленинграда в своей возрастной категории.

Петр Петрович Орлов, у которого я тренировался, летом работал с нами как раз на гребной базе. Летом же льда не было, поэтому нужно было придумывать, чем занять спортсменов. Гребля прекрасно помогала развивать и физическое состояние, и морально-волевые качества. Только фигуристов в гребном клубе человек тридцать занималось. Одна из наших девочек даже гребла в четверке, которая была чемпионом Европы.

Ну а яхты – это романтика. Я в основном ходил на маломерных судах – одиночках. Мне нравилось чувствовать, что я сам себе хозяин, сам за все отвечаю, ни от кого не завишу.

В команде мне тоже ходить доводилось. Помню, в Таллине была экспериментальная яхта – флагманский проект. Как-то мы шли по ветру, начали убирать спинакер – это такой дополнительный парус, похожий на парашют, и на самом верху между щечками блока попал фал. Меня, как самого молодого, и послали его высвобождать. А я страшно боюсь высоты. Но делать

нечего - взял плоскогубцы, пополз. Добрался до верха, как обезьяна – страшно, лодка с такой высоты совсем крошечной кажется. Ковырял этот фал, пока не справился. Такого страха натерпелся…

С фигурным катанием те мои тренировки прекрасно сочетались. Просто фигурное катание было профессией, а парус – хобби, несмотря на то, что я пять раз становился чемпионом Ленинграда.

Пропустил только 1949-й и 50-й год, потому что как раз тогда в Марьиной роще открыли искуственный каток, и там летом проводились сборы.

В 1951-м я снова вернулся в парус. У меня в ванной стоит серебряный кубок, в котором зубные щетки лежат, на нем выгравировано: «Победителю балтийской парусной регаты 1951 года». А я даже не помню, что это были за соревнования.

Парус мне нравился еще и тем, что больше всего напоминал шахматную игру с элементами риска. Надо было постоянно угадывать, откуда «зайдет» ветер, зайдет ли он, как пойти, чтобы «поймать» его раньше соперников. Постараться пойти в то место, где ветер можно лучше «поймать», если он совсем слабый.

Если же говорить о пике карьеры, то это был 1962-й. Я тогда попал на Золотой кубок – фактически это чемпионат мира яхт-одиночек в классе «финн». В нем принимало участие 150 яхт. Все они не помещались на стартовой линии, приходилось располагаться в три ряда, и если ты оказывался во втором или третьем, выбраться вперед было уже невозможно.

Изначально в тех соревнованиях должен был выступать Валентин Манкин. Он тогда еще не был олимпийским чемпионом, но считался очень сильным гонщиком. Что-то у него тогда не сложилось с визами, а вот лодку к месту старта доставить успели.

На его лодке я и стартовал, поскольку моя не успевала прийти из Германии, где я незадолго до этого стал победителем знаменитой Варнемюндской регаты. Пришлось, правда, просить парус и мачту у знакомых, кое-что под себя переделать. Главная проблема заключалась в том, что яхта Манкина была рассчитана на более тяжелый вес спортсмена. В парусном спорте это очень важно.

Помню, долго гадал, как построить первую гонку, чтобы выйти вперед - ветер ведь никогда не дует одинаково. Я забрался тогда под самое судейское судно. В стороне от всех. И получилось, что угадал: всех еще больше снесло в сторону, а я поймал ветер и ушел вперед. Обошел всех по правому краю и оторвался довольно сильно. За мной увязался датчанин Пауль

Эльвстрем – он до этого на трех Олимпийских играх подряд становился чемпионом в классе «Финн». Здоровый такой мужик. Управлять яхтой в сильный ветер – работа довольно силовая. Я же весил всего килограмм 70. Ну еще ватник мокрый. Но все равно веса не хватило, пришел вторым.

Этот датчанин меня тогда и обошел - остальных совсем в сторону снесло. Вытащил я тогда свою яхту на берег, все подходить начали, рассматривать, интересоваться: что это за допотопное деревянное чудо? У меня тогда не было ни своих парусов, ничего.

После трех гонок я шел на третьем-четвертом месте, а потом получил два «нуля». Один раз из-за того, что сломал мачту, а вторая гонка просто не удалась - финишировал 30-м. В общем зачете остался 15-м, но по парусным меркам первые пятнадцать мест среди 150-ти участников считаются в таких гонках призовыми. Так что смело могу считать себя призером чемпионата мира.

После этого занимался парусом еще долго. С одной стороны, не было никакой необходимости его оставлять. С другой, мне было интересно. Парусники – вообще интересный и необычный народ. Сам парусный спорт – это постоянная борьба со стихией. Наверное поэтому и те, кто принимает в нем участие, относятся друг к другу на равных. Те, кто был вокруг меня, были очень благородными людьми. Встречались, конечно, жуликоватые – на уровне правил, но гнусностей никто никогда друг другу не делал. Это не фигурное катание – где провел коньками соперника по батарее – и все.

Помню, еще до моего участия в чемпионате мира, в Хельсинки проводились соревнования, посвященные столетию ньюландского яхтклуба. И меня туда послали. Там был длинный пирс, вдоль которого бок о бок стояли яхты всех участников. Так получилось, что место для нашей яхты было отведено рядом с яхтой короля Норвегии Олафа Пятого. А мы же были на своих харчах – приходишь с гонки, тут же раскочегаривается старенькая печка, щи варятся, мясо... Все натуральное, не из каких-то кубиков. Когда готовили, запах по всему клубу шел.

Как-то я возился вечером на палубе – что-то чистил. Вижу, подходит король. И спрашивает меня: «Сэр, не могли бы вы спросить разрешения капитана подняться к вам на борт?»

Я помнится спросил, говорит ли он по-немецки. Олаф с юмором ответил, что не просто говорит, но полагает, что делает это неплохо. Потом поднялся на яхту. Мы, естественно, стол накрыли по такому случаю, я выступал в качестве переводчика.

Все то время, что норвежский король гостил у нас, два его

охранника с винтовками на пирсе возле нашей яхты стояли. Несколько раз еще Олаф Пятый к нам в гости заглядывал – за жизнь беседовали.

В какой-то из дней гонку решили отменить, потому что ветер был недостаточно сильным – почти штиль. И за Олафом вышел катер, чтобы отбуксировать его к берегу. Мы же на своей яхте пытались как-то грести к берегу веслами. Получалось, прямо скажем, неважно: на яхте нашлось всего два или три весла.

Когда королевская яхта проходила мимо нас, Олаф вдруг замахал нашему капитану: мол, бросай конец. Притормозил даже. Я конец кинул, он собственной рукой его поймал, закрепил – так мы на королевском буксире до берега и добрались. На следующий день одна газета даже написала: «Олаф Пятый протянул руку помощи коммунистам». Руководитель нашей делегации тогда очень радовался той публикации.

На следующий год в Норвегии разыгрывался «Золотой Кубок» и Олаф Пятый награждал всех участников. Когда на сцену поднялся я, он внимательно не меня посмотрел и даже не спросил, а скорее утвердительно сказал: «Мы встречались с вами – в прошлом году».

Кстати говоря, на тех соревнованиях в нашем же классе ходил и греческий король – Константин.

Еще помню американца, который был чуть ли не олимпийским чемпионом в классе больших яхт, а в обычной жизни был довольно известным профессором одного из крупнейших американских университетов. Поэтому мне и было очень интересно с такими людьми общаться. Да и потом, не каждый же может сказать, что угощал щами короля?

- Другими словами, занимались не ради результата?

- Меня гораздо больше интересовали другие вещи. Я был очень «рукодельным» - многое делал своими руками, швы на парусах, например. Первым сделал свою мачту не круглой, а сплющенной. Круглая сильно гнется во все стороны. А сплющенная создает определенную жесткость для паруса. Вот я и придумал именно таким образом ее модифицировать. И только через 10 лет знаменитый бразильский яхтсмен Йорг Брудер, став бизнесменом, заполонил мир своими мачтами, изготовленными по этому же принципу.

Новый покрой паруса я тоже придумал первым. Все тогда смеялись: мол, Игорь Борисович под бюстгальтером ездит. Паруса ведь были треугольными, а я сделал на своем вытачки - по биссектрисам. Сейчас все большие яхты – те, что участвуют в Кубке Америки, например, - имеют паруса, сшитые именно таким образом.

- Своей яхты у вас нет?

- Я же никогда не был собственником. В те годы, когда выступал, было принято искать рулевых и обеспечивать их судами. Вот и привык, что если мои умения нужны государству, то государство создает мне все условия для выступлений. Поэтому в моем сознании до сих пор существует диссонанс между теми временами и этими. Раньше, помню, едешь в выходные по Приморскому шоссе мимо Лахты – белым бело все от парусов. Сейчас пусто. Те, у кого яхта есть, используют ее разве что для того, чтобы поставить в трюм ящик пива и покатать девочек.

- Тамару вы катали?

- Да. Но она, в отличие от меня, никогда не относилась к яхтам трепетно.

* * *

- Парусный спорт очень хорошо воспитал меня в плане владения собой, - сказал в одной из наших бесед Москвин. - Там ведь все просто: допустил промашку — значит сам и виноват. Это качество сильно пригождалось мне в фигурном катании. Правда однажды я все-таки вышел из себя. Было это в 1969 году. Мой ученик Володя Куренбин тогда выиграл Универсиаду в Ленинграде, стал вторым на первенстве страны, но в сборную его не взяли.

Помню, когда ситуацию стали обсуждать в федерации, в мой адрес весьма нелицеприятно высказался один из руководителей. Я и сказал ему при всех, что он не только дурак, но и негодяй. Он мне долго простить не мог, что я при всех его дураком и негодяем назвал.

Но вообще я всегда старался держать себя в руках. После того случая, кстати, и не ругался никогда. Знал, что могу этим только навредить своим спортсменам.

Глава 9. ОВЧИННИКОВ И ДРУГИЕ

Личное дело: Овчинников Юрий Львович. Родился 3 апреля 1950 года. Фигурным катанием начал заниматься в семь лет. Мастер спорта международного класса. Специализация – одиночное катание. Тренеры – Игорь Борисович Москвин, Алексей Николаевич Мишин (с 1973-го).

Чемпион СССР (1975). Трехкратный вице-чемпион СССР (1973, 1976-77). Обладатель Кубка СССР (1969). Участник десяти чемпионатов Европы. Лучший результат – третье место в 1975 году в Копенгагене.

Участник пяти чемпионатов мира. Лучший результат – шестое место в Братиславе (1973) и Колорадо-Спрингс (1975).

Участник Олимпийских игр в Саппоро (1972, 12-е место) и Инсбруке (1976, 8-е место).

После окончания спортивной карьеры был солистом и директором ледового театра Татьяны Тарасовой «Все звезды». В начале 90-х перебрался на постоянное место жительства в Сан-Диего (США), где работает тренером.

Голос Юрия Овчинникова, которому я позвонила из Москвы в Сан-Диего, чтобы поговорить о Москвине, звучал несколько растерянно, несмотря на то, что тему беседы я обговорила с бывшим фигуристом заранее:

- Представляете, после вашего первого звонка специально взял чистый лист бумаги, чтобы перед разговором с вами записать на нем мысли, но прошла уже неделя, а бумажка так и осталась почти пустой. Я не оправдываюсь, не стараюсь уйти от разговора, просто боюсь в чем-то ошибиться и не хочу выглядеть глупо перед теми, кто будет мои воспоминания читать.

- Но ведь когда вы составляли эту бумажку, о чем-то думали?

- Пытался как бы перемотать в голове пленку тех времен. И понял, что уже к сожалению почти не помню деталей. Москвин – это, безусловно, тот человек, который меня «слепил» не только как фигуриста, но и как личность. Я совершенно искренне называл Игоря Борисовича своим вторым отцом, тем более что проводил рядом с ним значительно больше времени, чем с родителями. Мы ведь не только работали вместе на льду. Но и летом постоянно ездили на сборы, когда льда не было. И зимой - на соревнования.

Сам Москвин – очень сильная личность. Профессионал, который достоин и уважения, и восхищения. Хотя человек он довольно сложный. Уже работая на Западе, я очень быстро понял, что здесь отношения тренера и ученика совсем другие, нежели те, в которых росли мы. Наше воспитание было тоже совершенно

другим - более жестким. Это проявлялось во всем. И в житейских моментах, и в спортивных. Порой бывало нелегко, но это ведь как дороги, которые мы выбираем в жизни. Хотя мы других дорог и не знали – не было выбора.

Москвина так или иначе боялись все его ученики. В группе Игоря Борисовича каталась моя родная сестра Наташа, так она однажды сказала, что единственное чувство, которое осталось у нее с тех времен – это чувство страха. До такой степени Москвин умел держать людей на «жестком» поводке.

Возможно, все дело в том, что такой работы требовали тогдашние обстоятельства. Все выдающиеся тренеры тех времен – Станислав Жук, Татьяна Тарасова, Елена Чайковская - работали не менее «жестко», как мне кажется. Я бы назвал такой стиль взаимоотношений тренера и ученика характерной особенностью тех времен.

Другое дело, что Москвин при всей своей требовательности очень многому нас учил. На одном страхе ведь никогда чемпиона не вырастишь. Он очень хорошо чувствовал людей. Знал, на кого можно надавить посильнее, а на кого вообще не стоит. Я ведь попал к нему довольно маленьким и воспитывался в группе из шести парней. Игорь Борисович постоянно создавал между нами конкуренцию, соперничество. Не поощрял стычек, но и не вмешивался, когда между нами возникали какие-то личные конфликты. А они в фигурном катании происходят сплошь и рядом. Например, когда кто-то один катается под музыку, а другой не уступает дорогу.

Начинал я кататься еще в то время, когда Москвин тренировал Белоусову с Протопоповым и Тамару Москвину с Алексеем Мишиным. Мы даже все вместе выступали на чемпионате мира в Колорадо-Спрингс в 1969-м году. То есть среди одиночников я довольно быстро стал в группе основным спортсменом.

Помню у нас была какая-то вечеринка, Москвин немного выпил, расслабился и я решился его спросить, почему, несмотря на то, что я объективно сильнее других ребят, он относится ко мне в тренировках до такой степени придирчиво, жестко, а иногда почти зло?

Игорь Борисович тогда долго молчал, а потом вдруг сказал: «Да потому, что я тебя люблю!»

* * *

После того, как с уходом из спорта Тамары Москвиной и Алексея Мишина в группе Москвина не осталось пар, тренер полностью сосредоточился на работе с одиночниками. Новой пары, с которой можно было бы продолжать работать,

подразумевая высокие цели, на примете не было.

- Я видел, что конкурировать с Москвой в парном катании становится невозможным, - рассказывал по этому поводу Игорь Борисович. – На первых ролях в сборной СССР уже был Станислав Жук с Ириной Родниной и Алексеем Улановым, потом Уланова сменил Александр Зайцев.

Роднина со своими партнерами импонировала мне своей надежностью, напором, азартом. Мне бы тоже хотелось, чтобы мои ребята так катались с точки зрения стабильности. Но в плане тренерской работы меня исподволь все время уносило на более чувственную стезю.

Тогда – в самом конце 60-х - у меня в группе уже на очень хорошем уровне выступали Куренбин, Овчинников. Володя Куренбин – Цыпа - был совершенно уникальным спортсменом в плане обязательных фигур. По своему уровню он даже превосходил Сергея Волкова. Правда его постоянно засуживали. Во-первых, Куренбин был ленинградцем. Во-вторых, был «невидным» – рыжим, маленьким, угловатым… Такой «крабик». Все это, естественно, шло в минус оценкам.

Я воспринимал это, как данность, но однажды все-таки вышел из себя. Было это в 1969-м. Куренбин тогда выиграл Универсиаду в Ленинграде, стал вторым на первенстве страны, но в сборную его не взяли.

Помню, когда ситуацию стали обсуждать в федерации, в мой адрес тогда начал весьма нелицеприятно высказываться один из руководителей. Я и сказал ему при всех, что он – не только дурак, но и негодяй. Он мне долго простить не мог, что я при всех его дураком и негодяем назвал.

Но вообще я всегда старался владеть собой. Например, в конце 80-х, не помню точно, в каком именно году, у меня был шанс протолкнуть в сборную своих учеников – Рашида Кадыркаева и Лену Квитченко. Я пошел тогда к заместителю председателя спорткомитета СССР Виталию Смирнову, сообщил, что ребята выполнили все условия отбора, но их не включают в команду. Он спросил, сколько моим спортсменам лет. Я удивился:

- Разве в этом случае возраст имеет значение?

Смирнов ответил:

- Да, имеет.

Я попрощался и вышел из кабинета.

- Вы работали в довольно большом коллективе. Это лучше, чем работать со спортсменом один на один?

- Несомненно. Один на один вообще заниматься плохо. Например, американца Джонни Вейра я впервые увидел еще

тогда, когда сам работал в Америке с Юко Кавагути и ее первым партнером Сашей Маркунцовым и в 2001-м приехал с ними на чемпионат мира. Вейр катался там точно так же, как катался и несколько лет спустя. У него совершенно не добавилось каких-то новых качеств.

Главная причина на мой взгляд заключалась в том, что у своего тренера Присциллы Хилл он был один. Расти и развиваться в такой обстановке невозможно. А сильная группа сама по себе заставляет прогрессировать. Она постоянно подталкивает людей, тащит их вперед. Ведь для того, чтобы произошел взрыв, должна накопиться определенная критическая масса.

Поэтому у меня всегда была большая группа. Человек 10-12. Там катались и мальчики, и юноши, там же тренировалась сестра Юры Овчинникова – Наташа, потом пришла Лена Щеглова – приехала в Питер из Москвы.

Более того, когда много лет спустя фигурное катание стало переходить на коммерческую основу и появились платные группы, я всегда старался сделать скидку в оплате, но иметь не одного ученика, а двух-трех. Группа ведь и тренеру сильно облегчает работу. Кто-то схватывает задание быстрее, может показать отстающим.

Все ребята у меня были разными. Овчинников предпочитал компании девочек. Игорь Бобрин хоть и был очень эмоциональным, но чаще уединялся – писал стихи. Олег Васильев начинал у меня, как одиночник, и был, как говорят фигуристы, «долбежником» - отрабатывал задание до тех пор, пока все не начинало получаться идеально. Он ведь пока катался не в паре, даже становился чемпионом страны среди юношей.

* * *

Личное дело: Щеглова Елена Львовна. Родилась 2 августа 1950 года. Мастер спорта международного класса. Специализация – одиночное катание.

Первая советская фигуристка, вошедшая в десятку сильнейших на чемпионате Европы-1967 (8-е место). Первая советская спортсменка (вместе с Галиной Гржибовской), которая приняла участие в Олимпийских играх.

Двукратная чемпионка СССР (1967, 1969). Двукратный серебряный призер чемпионатов СССР (1968, 1970).

Участница четырех чемпионатов Европы (лучший результат – 6-е место в 1968 и 69-х годах). Участница пяти чемпионатов мира (дважды входила в десятку).

12-е место на Олимпийских играх в Гренобле (1968).

Тренеры – Татьяна Толмачева (Гранаткина), Станислав Жук,

Игорь Москвин, Эдуард Плинер.

В своей спортивной карьере Щегловой посчастливилось зацепить всех «грандов» одиночного катания, которыми в 70-е годы прошлого века справедливо считались Жук, Плинер и Москвин. Мне эти тренеры всегда казались людьми схожего плана, однако Щеглова, стоило завести с ней беседу о тех уже совсем давних временах, отрицательно замотала головой:

- Если чем они и были похожи, так только тем, что все трое были фанатиками своего дела, - авторитетно заявила она. - До того, как уйти к Москвину, я успела потренироваться у многих специалистов, поэтому мне легко сравнивать. Игоря Борисовича отличала от всех остальных какая-то необыкновенная харизма. Это трудно объяснить словами. Вот Жук – тот всему учил дрессировкой. Технике, элементам. А Москвин как-то больше старался добиться от своих спортменов понимания.

Он всегда был очень справедливым человеком. Все знали: если у Москвина есть к тебе претензии, он выскажет их сразу и напрямую. Но на этом конфликт будет исчерпан. Жук, напротив, был злопамятным. Мог по какому-то поводу промолчать, но припомнить спортсмену все его прегрешения через два-три месяца. Очень любил говорить: «Я молчу, слушаю и делаю выводы». И когда именно тебя этим тренерским выводом «накроет», никто не знал.

Жука я боялась панически все пять лет, что у него каталась. Его вообще все боялись. Станислав Алексеевич только в здание катка входил, а у всех нас уже поджилки тряслись.

Москвин таких чувств не вызывал. Он нередко говорил обидные вещи, особенно девочкам - по поводу лишнего веса: мы ж все худели постоянно. Мог как бы невзначай, проходя мимо, бросить: «Глазки-то у нас заплыли совсем: как я погляжу». Вроде слышать обидно, но обижаться на Москвина у меня никогда не получалось. Он единственный из всех моих тренеров умел справляться с моим норовом.

В Питере фигуристы в те годы жили гораздо дружнее, чем в Москве. Возможно это объяснялось тем, что в городе имелся только один каток – «Юбилейный». Все фигуристы и держались вместе. Более того, тренировались всей группой в одно время – лед кишмя кишел. При этом между нами никогда не возникало никаких конфликтов. Каждому уделялось внимание, ставились программы.

С супругой Игоря Борисовича Тамарой я соревновалась еще в те времена, когда она была одиночницей и выступала под фамилией Братусь. Мы, правда, особо не дружили и почти не

общались – Тамара все-таки была на восемь лет старше.

Помню, когда Игорь Борисович поставил ей с Мишиным знаменитую «Цыганочку», Тамара, которая была очень маленькой, для полноты образа подкладывала под платье довольно крупные пластиковые чашечки от купальника – чтобы визуально увеличить грудь. Каждый раз, когда Мишин задевал эти чашечки рукой, они прогибались вовнутрь.

Мы ходили подсматривать за их тренировками всей группой – ждали этого момента и валились под борт от хохота.

Уезжать из Питера обратно в Москву было ужасно жалко. До слез. Но я ж была коренной москвичкой. Жить столько времени в гостинице в окружении казеной мебели для меня было просто невыносимо. Вот я и вернулась назад - к Плинеру. Не взять он меня не мог – я на тот момент считалась первым номером сборной команды. Но задержалась в спорте ненадолго: в 1971-м закончила выступать вообще.

* * *

«Как вам удавалось справляться с такой разношерстной компанией?» - спросила я как-то Москвина. Он ответил:

- Привык, что надо быстро соображать, чтобы внимания хватало на всех. Мы же не только катались. Но и музыку для выступлений, например, тоже всегда делали сами. Была даже придумана специальная система, чтобы растягивать музыку, или наоборот ее «сжимать». Магнитофоны были пленочные, позволяющие писать музыку на две дорожки и потом накладывать звук друг на друга. И монтировал я музыку не так, как это принято делать сейчас – на ударных акцентах, а наоборот, на «тягучих» частях. Потом приезжал со своим магнитофоном в городской радиокомитет и уже там мне делали студийную запись.

Я всегда старался, чтобы в каждой программе была изюминка. Сюжет, драматургия, раскрутка, развитие этого сюжета, кульминация. И дальше - в зависимости от того, что диктует музыка.

Для Юры Овчинникова в 1969 году я сделал «Вестсайдскую историю». Думаю, тогда эта музыка вообще впервые прозвучала на льду. Где-то я нашел пластинку. Мой хороший знакомый тогда работал в радиокомитете, а его супруга трудилась там же одним из редакторов. Она занималась общественно-политическими программами, а он – музыкальными.

С этой музыкой Овчинников тогда даже выиграл произвольную программу на чемпионате Европы у Ондрея Непелы и Сергея Четверухина. Народ с ума сходил. Все ведь брали в основном цыганские или русские мелодии.

Короткая программа у нас тогда тоже была необычной – «Гимн солнцу» Имы Сумак. У нее голос был - девять октав. Можно было целенаправленно выбрать наиболее мощные части под прыжки, что я и сделал. Юрка ведь он не прыгал - летел. По амплитуде его прыжки были не такие уж далекие, но Овчинникова всегда отличал, как мы говорим, «баллон» - зависание в воздухе.

Некоторые вещи, которые он делал в своих программах, до сих пор не делает никто. Например, прыжок в 2,5 оборота, но выезд не как у обычного акселя со сменой ног, когда с левой толкаешься, а с правой выезжаешь, а с приземлением на толчковую ногу и с нее же - в каскаде - тройной сальхов.

Никто эту комбинацию повторить не мог, даже в моей группе. Приземление «назад-внутрь» само по себе страшно неудобное, потому что конек начинает валиться на внутреннее ребро и очень трудно удержать баланс. Да и тройной прыжок с этой же ноги довольно сложно сделать.

Но все это – такие вещи, которыми можно заниматься только в том случае, если есть компания. В этом отношении у меня была очень хорошая группа. В ней катался, например, Володя Куксинский. Он прыгал простой аксель и летел на 26 своих ступней. А нога у него была 45 размера. Вместе с коньком, как тогда мерялось, - это составляло примерно 40 сантиметров.

- Почему из всей компании самым выдающимся считался Овчинников, который, в отличие от того же Бобрина, не выиграл ни одних по-настоящему крупных соревнований?

- Юру отличал пожалуй самый большой талант в плане выразительности. Даже чрезмерный. Который иногда мешал добиться результата. Была, например, программа «Безумный день, или женитьба Фигаро». Музыку для этой постановки я достал в театре Якобсона. Она мне понравилась тем, что музыкальные темы хорошо увязывались между собой и были построены в полуэстрадном шуточном ключе.

Но играть театральность легко, когда ты полностью чувствуешь всю программу. Если такого чувства нет, на спортсмена начинает давить страх, появляется боязнь сделать ошибку, и актерская игра сразу становится неестественной. К тому же когда в Овчинникове сталкивались понятия «нужно» и «хочу», он, как правило, не всегда мог достичь равновесия. И «хочу» было выражено не очень ярко, как бы притуплялись все актерские акценты, и то, что нужно до зарезу – в частности технические элементы короткой программы - удавалось реализовать далеко не всегда.

Еще одна проблема заключалась в том, что у Овчинникова из-

за врожденного астигматизма довольно рано возникли проблемы с глазами. Линз тогда не было, кататься в очках было не принято, тем более что даже очень хорошие очки всегда сужают поле зрения. А в обязательных фигурах очень важно постоянно видеть, куда ты едешь, и контролировать этот процесс.

Под конец карьеры Юра все-таки начал использовать линзы, но к ним тоже нужна определенная привычка. Сразу присмотреться к нужной точке не получается. А пока присматриваешься – уже проехал.

Обязательные фигуры очень хорошо делала Беатрис Шуба из Австрии. Большая была девушка, крупная. Она укладывала шесть следов друг на друга - один в один. Самое большое расхождение линий составляло у нее полтора-два пальца.

Подобной ювелирностью в моей группе всегда отличался лишь один человек – Володя Куренбин. Коньки для обязательных фигур имели тогда не крутой желобок на лезвии, а более плоский, почти пологий. И были заполированы очень хорошо, чтобы конек по льду лучше шел. Так вот Куренбин, стоя возле одного бортика площадки, отталкивался одной ногой и доезжал до красной линии, где обычно устанавливаются хоккейные ворота. Не останавливаясь поворачивал обратно и доезжал до красной линии с противоположной стороны. То есть, чтобы сделать полный круг, ему не хватало метров десяти - пятнадцати.

Такое владение коньком – от бога. Умение чувствовать именно ту позицию, которая обеспечивает лезвию максимально быстрое скольжение. Олег Васильев, кстати, тоже хорошо чувствовал конек. Не мог проехать полный круг, но половину – легко.

Ну а Юра в 1972-м перешел от меня к Алексею Николаевичу Мишину. Подозреваю, что он просто устал от постоянной конкуренции с Игорем Бобриным, тем более что чувствовал, что серьезного прогресса у него уже нет.

* * *

- Фраза Москвина о том, что он меня любит, врезалась мне в память на всю жизнь, - продолжал вспоминать Овчинников. – Со временем я понял, что таким отношением он старался выжать из меня в тренировках все, на что я был способен. Знаю, что когда я ушел тренироваться к Мишину, это была очень большая рана для Игоря Борисовича.

Наши отношения тогда подошли к такому уровню, когда я понял, что нужно что-то менять. Сказать, что мне перестало быть интересно у Москвина, я не могу, потому что это было бы неправдой. Сказать, что мы друг от друга уже все взяли, тоже нельзя. Просто отношения зашли в какую-то стадию, когда мы оба

почувствовали необходимость перемен. Мне поступали предложения и от Станислава Жука, у которого тогда как раз заканчивал кататься Сергей Четверухин, - то есть я без проблем мог переехать в Москву. Но такой вариант был для меня неприемлем. Мне казалось, что променяв Питер на Москву я предам все: и группу, в которой вырос, и тренера.

Мишина же я давно знал. И так получилось, что стал его первым учеником – сразу после того, как он решил закончить свою спортивную карьеру. Он мне даже в своей книжке написал дарственную надпись: «Моему самому первому и самому талантливому ученику».

Москвин со мной не разговаривал тогда очень долго. Спустя несколько лет я позвонил ему, извинился, в общем старался всеми силами заполировать и сгладить ситуацию. А позже, когда мы где-то встретились с Тамарой, она сказала мне, что Игорю Борисовичу было очень приятно получить от меня этот звонок. Выходит, он держал в себе все переживания и воспоминания по этому поводу столько лет. Хотя могу сказать, что уходя от Москвина, с ним никто не оставался в друзьях.

На свой первый чемпионат мира, кстати, я поехал вместо другого ученика Игоря Борисовича - Володи Куренбина. В моей спортивной жизни вообще было немало ситуаций, когда меня посылали вместо кого-то. А тогда я был действительно лучше, чем многие другие фигуристы, но в то же самое время имела место некая нестабильность, которая не позволяла окружающим верить в какое-то серьезное мое будущее в фигурном катании. На соревнованиях то выстреливал, то срывался... Подозреваю, кстати, что с обязательными фигурами у меня было не очень хорошо не столько из-за зрения, которое действительно было неважным, сколько из-за внутреннего состояния. Слишком сильно я «заводился» на соревнованиях.

По большому счету Москвин так и остался моим единственным учителем - другого у меня не было. К Мишину я перешел, когда уже был всему научен – оставалось лишь отполировать. Основа тренерской профессии у меня тоже сложилась именно тогда, когда я катался у Игоря Борисовича. Его техника работы. Хотя в Америке я тоже многому научился. Для того, чтобы начать там свой бизнес, нужно было заниматься с классами – то есть с теми, кто вообще ничего не умеет делать на льду. Приходилось учить людей каким-то совсем элементарным вещам, которые у любого американского тренера расписаны на бумажке. Этот период, кстати, был хорош тем, что сразу позволял понять: стоит становиться тренером, или нет. Можешь ты работать только по бумажке, или в состоянии придумать что-то

свое, научить лучше и быстрее.

К сожалению не могу сказать, что между мной и Москвиным сейчас есть какие-то отношения. Я довольно давно уехал из Питера. Сначала в Москву - учиться в ГИТИСе, потом за границу. Изредка передавал Игорю Борисовичу приветы, когда пересекался с Тамарой, иногда звонил сам. Как-то Москвин передал мне фотографию с подписью, где написал, что ему приятно, что я занимаюсь тренерством. Что это – очень благородный и ответственный труд. Не могу сказать, что подпись была личной, но получилась она теплой. Я многое прочитал в ней между строк.

А может быть мне просто очень хотелось почувствовать эту теплоту. Я ведь действительно считаю Игоря Борисовича вторым отцом.

- Он был интересным мужчиной?

- Не был красавцем в классическом понимании этого слова, но был настоящим мужиком. Я видел, какими глазами смотрели на него женщины, да и мы, ученики, старались копировать какие-то вещи. Я, например, всегда делал себе такую же стрижку как у Игоря Борисовича – ежик.

Ну а поскольку встречаемся мы крайне редко, в моей памяти образ Москвина остался именно тем, что был когда-то: жесткого, неизменно уверенного в себе и весьма конфликтного человека. Хотя на самом деле он совершенно не жестокий человек. С очень большим сердцем. Возможно, он сам заковал себя в какую-то ракушку, именно потому, что был слишком ранимым человеком. И эта ракушка давала ему чувство большей уверенности, что ли. Предохраняла его самого от чужой жесткости и грубости.

К тому же Москвин был изначально поставлен в такие рамки системой, предписывавшей воспитывать спортсменов определенным образом. Другого в России наверное в те времена и не знали. Чтобы побеждать, нужно было быть жестким. Не только в фигурном катании, но в спорте вообще.

Глава 10. ЦЫПА

Личное дело: Куренбин Владимир Иванович. Родился 15 мая 1946 года. Мастер спорта международного класса.

Специализация – одиночное катание. Тренер – Игорь Борисович Москвин.

Двукратный серебряный призер чемпионатов СССР (1963, 1969). Бронзовый призер чемпионата СССР (1968). Двукратный серебряный призер КУбка СССР (1969-70).

Бронзовый призер Спартакиады народов СССР (1966).

Чемпион VI зимней Спартакиады профсоюзов СССР (1967).

Чемпион Спартакиады народов РСФСР (1970).

Чемпион Всемирной Универсиады в Инсбруке (1968). Бронзовый призер Универсиады-1966 в Турине.

Участник чемпионата Европы в Вестеросе (1968, 10-е место)

Водитель, доставивший меня к старинному особняку в центре Санкт-Петербурга из аэропорта «Пулково», нажал комбинацию цифр на домофоне, и массивная дверь загрохотала металлом. Поднявшись на этаж, мы вошли в квартиру, стены которой были от пола до потолка увешаны картинами. Где-то в дальнем конце невероятно длинного коридора уходила куда-то наверх винтовая лестница. Мой провожатый окликнул кого-то невидимого в недрах квартиры, и сверху неожиданно раздался глухой голос: «Да-да, провожу, конечно. Владимир Иванович уже ждет...»

Пройдя анфиладу комнат, плотно уставленных стеклянными витринами, старинными зеркалами, полотнами всех размеров и антикварной мебелью, я, наконец, увидела человека, ради которого приехала в Питер. Невысокого, кряжистого, с пронзительным, цепким взглядом и весьма органичной в этом антикварном интерьере сединой.

Впрочем, достаточно было беглого взгляда на лицо и руки, чтобы понять: в молодости мой визави был отчаянно рыжим.

Сама не знаю почему вдруг, фактически уже закончив работу над книгой, я захотела встретиться с Владимиром Куренбиным. От фигуристов одного с ним поколения не раз слышала: «О чем с ним разговаривать? Он ведь давно отошел от фигурного катания. Имеет в городе сеть гостиниц, свою антикварную галерею. Но вряд ли расскажет что-либо интересное».

Наверное все-таки сыграла свою роль та невероятно теплая интонация, с которой Игорь Борисович Москвин слегка протяжно произносил юношеское прозвище своего ученика в наших беседах: «Цы-ыпа...». И вот теперь я ошарашенно крутила головой по сторонам, впечатленная столь высокой концентрацией чистого искусства в одном пространстве, и совершенно не представляла, с чего начать разговор.

Куренбин начал его сам. Наблюдая за моей реакцией, негромко сказал:

- Успех в антикварном бизнесе – он не от человека зависит. Это где-то там определяется, - он поднял глаза к потолку. – Свыше. Как антиквар я удачлив, безусловно. Началось это увлечение с того, что в пяти или шестилетнем возрасте стал собирать монеты. Менял их за этикетки какие-то. Всегда интересовался живописью, хотя никто никогда в нашей семье этим не увлекался. Как и антиквариатом. Уже после того, как я закончил кататься и стал работать в балете на льду, чтобы шел рабочий стаж, приходилось по семь месяцев проводить на гастролях. Естественно, я терял клиентов, не было времени работать с ними напрямую, приходилось обращаться к дилерам. А в 1987-м я оформил пенсию и с этого времени стал заниматься

только искусством. Знаний у меня намного меньше, чем у других антикваров, но по значимости коллекций я занимаю в Питере лидирующие позиции. А возможно и в Москве. Например, знаю точно, что коллекция модерна Барбары Стрейзанд и близко не идет в сравнение с моей. При том, что возможностей у нее несравнимо больше.

А вот в фигурном катании… Не тем видом спорта я все-таки занимался. Вот если бы это был настольный теннис… В этой игре я даже сейчас - в своем возрасте - показываю неплохие результаты и даже способен прибавлять.

- Каким же ветром вас в фигурное катание занесло?

- В 1951 году папа поехал в Чехословакию работать военным атташе. В Прагу. Там я начал заниматься – у тренера, который впоследствии работал с четырехкратными чемпионами мира в танцах на льду Евой и Павлом Романовыми. Спустя 11 лет, когда я уже тренировался у Москвина и в 1963-м приехал на турнир «Пражские коньки», мы совершенно неожиданно встретились с этим тренером на катке и как раз вспомнили, как я совсем маленьким мальчиком у него катался. Другое дело, что Ева с Павлом уже были к тому времени чемпионами мира, а я – никем. Занял на тех соревнованиях второе место проиграв Ондрею Непеле.

Переживал страшно, что какой-то шибздик у меня выиграл. Мне-то было уже 17 лет, а ему – 13. У Непелы к тому же были совсем крошечные прыжки. Мы-то все прыгали высоко, Игорь Борисович учил, что нужно не просто все положенные обороты скрутить, а непременно выполнить прыжок «с зависом» – был такой термин.

Прыжками тогда вообще многие наши фигуристы отличались. Был такой Лев Михайлов, про которого двукратный олимпийский чемпион Дик Баттон говорил, что он прыгает его фирменный прыжок «Баттон» лучше него самого. Сказать, что Михайлов прыгал выше борта, это вообще ничего не сказать. Он разгонялся, как умалишенный, как только мог. И летел… Каким образом я у него выиграл в 1963 году на чемпионате СССР, вообще не понимаю.

В 1961-м я уже вовсю осваивал тройные прыжки. За год до этого Олег Протопопов приехал с Олимпийских игр из Скво-Вэлли и стал меня учить прыгать тройной тулуп - прыжок, которого в те времена у нас в стране вообще никто себе не представлял, включая Москвина. У Игоря Борисовича в те времена уже были какие-то киносъемки, которые он делал на всех соревнованиях, но тулуп там никто не прыгал. Сам Олег выполнить этот прыжок тоже не мог, но видел, как это делают

другие. И взялся вместе с Москвиным объяснять мне, как нужно прыгать. Смешно, но тулуп я тогда выучил.

Потом стал учить сальхов и риттбергер. Кстати, австриец Эммерих Данцер стал в 1965-м чемпионом мира вообще без тройных прыжков.

Тренировались мы в те времена по 12 часов в день – сейчас такое и представить себе невозможно. Ездили по разным каткам, иногда Москвин выпускал меня на лед, когда там катались Белоусова и Протопопов – у них было четыре часа индивидуального льда. Во время сборов, которые обычно проводились в Москве в пансионате ЦСКА, первая тренировка начиналась в пять утра. До девяти мы катались, потом освобождали лед хоккеистам, а сами ехали на Стадион Юных пионеров. Оттуда – на открытый каток в Сокольники. И уже вечером возвращались на вторую тренировку в ЦСКА. Так и набиралось часов 12. Если Москвин не был занят, он ездил вместе с нами.

И мы, и хоккеисты ЦСКА жили на тех сборах в таких условиях, что сегодня никому не объяснить. Туалет и душ в конце коридора, из мебели, помимо четырех кроватей, в комнате один шкаф стоит – даже тумбочек нет. Мы, питерцы, вообще жили в одной комнате вшестером. Я и Леша Мишин спали по обе стороны двери, а у окна располагались Игорь Борисович с Тамарой и Саша Гаврилов с женой. И ведь никто ни с кем не ссорился. Не помню во всяком случае чтобы между нами случались какие-либо скандалы.

Потом уже, когда группа стала разрастаться, в ней появились девочки, пришедшие от других тренеров, в том числе и московских, начались какие-то конфликты. Но это позже. А когда катался я, то чувствовал себя безо всякого преувеличения членом одной большой семьи. Москвин был для нас не только тренером, но и великолепным воспитателем. Мы полностью ему доверяли. 12 лет он меня тренировал и никаких мыслей о том, чтобы уйти к другому специалисту у меня не появлялось ни разу.

* * *

- В Питере Игорь Борисович жил со своей семьей на Петроградской, - продолжал рассказывать Куренбин. - В каких-то жутких условиях, даже без ванной. Они топили печь дровами, ходили мыться в городскую баню. Игорь Борисович, правда, воспринимал это очень легко и постоянно иронизировал по этому поводу, но ведь был уже ведущим тренером сборной.

Тренерский энтузиазм Москвина был совершенно невероятным. Помню я каждый день приходил до школы во дворец пионеров на каток, который был залит в «колодце» между

домами. Москвин приезжал туда на первом трамвае к семи утра. И постоянно говорил мне: «Нужно создать задел. Для того, чтобы ты на следующий год всех обыгрывал, надо уже этой весной быть во всех компонентах сильнее, чем твои соперники. Если будешь на две головы выше, обязательно выиграешь».

Я возражал ему: «Так ведь не ставят меня выше?» Он отвечал: «Значит надо быть еще лучше, чтобы ставили. Если кататься на равных, москвичей ты не обыграешь никогда ».

Не помню, кстати, чтобы у кого-то из учеников Игоря Борисовича была ангина, или что-то простудное – мы не делали соперникам таких «подарков». Никому даже в голову не приходило, что можно пропустить несколько дней тренировок.

При этом Игорь Борисович еще занимался своим парусным спортом. Помню, я постоянно думал по этому поводу: «Куда он, старик, на этой яхте прется? Зачем ему эта Норвегия? Лучше бы с нами занимался»

Ему ж тогда было 30 лет, а мне 14.

Москвин вообще был умелец: руками мог сделать все. Сам точил нам коньки, кроме него и Станислава Жука этого никто не делал. Помогал даже легкоатлетам – подтачивал и подправлял им шесты для прыжков.

И конечно же он был страшно непрактичен. Гением в этом плане был его собственный тренер - Петр Петрович Орлов. В 1960-м, когда Орлов тренировал Белоусову/Протопопова и Нину и Станислава Жук, на Олимпиаде в Скво-Вэлли ему подарили для всей сборной английские коньки МК. Он с успехом нам же, фигуристам, их по 50 рублей и продал. То, что это был подарок фирмы, выяснилось спустя какое-то время, когда об этом написал один из американских журналов по фигурному катанию.

Тогда историю замяли. В 1961-м Орлова вызвали в Спорткомитет на дисциплинарный разбор уже по другому поводу: стало известно, что помимо работы со спортсменами он дает частные уроки за деньги. Петр Петрович не растерялся. Сказал: «Это – мой труд. Берет же репетитор деньги за уроки математики или иностранного языка?»

С Орлова все-таки сняли звание заслуженного тренера СССР, и он уехал из Ленинграда в Киев. Добился, чтобы там за год построили дворец спорта, организовал балет на льду, причем этот балет начал существовать когда еще никакого льда и в помине в Киеве не было.

Я помню, спросил его: где он артистов для балета находит при том, что в Киеве в те времена вообще фигуристов не было. Он мне ответил: «Зато есть склонные девочки. Те, что на склонах Днепра летом загорают».

Еще был случай, когда уже после моего ухода из спорта я начал работать тренером и в 1971-м привез на юношеское первенство союза в Киев своих спортсменов. Их всех засудили жутко. Я чуть не плача подошел к Орлову, говорю: мол, это же нечестно! А он отвечает: «Володенька, ты же сам много лет занимался фигурным катанием. Нечестно говорить о честности в нашем виде спорта».

* * *

- Вы знаете о том, что были единственным учеником Москвина, за которого он ходил просить к вышестоящему начальству? – спросила я Куренбина.

- Знаю, - ответил он. – Знаю и то, что Игорь Борисович даже плакал на том тренерском совете, где в 1969-м решалась моя судьба. Когда меня так и не включили в списки сборной, он заплакал, встал и ушел.

Кстати, мы мы ведь не виделись с Москвиным много лет после спорта. Встретились только на юбилее, когда Игорю Борисовичу 80 лет исполнилось. Во время поздравительной части какая-то женщина вышла к микрофону и стала рассказывать, что знакома с Москвиным 30 лет. Я в этот момент почему-то вдруг стал считать и со стыдом понял, что не встречался с тренером как раз 30 лет. Потом уже, после того праздника пригласил Тамару и Игоря Борисовича к себе в галерею, мы встретились и разговаривали часа четыре. При том, что Тамара лишней минуты никогда нигде не просидит.

Там на юбилее, помню, к Москвину подошел Олег Васильев, и я сказал: вот, мол, ваш любимый ученик идет. Москвин засмеялся: «Самый любимый – это ты».

Еще на том юбилее какие-то красивые слова говорил президент федерации фигурного катания Валентин Писеев. И мне почему-то очень захотелось подойти к нему прямо на сцене и напомнить, как в 1989-м он вообще отстранил Москвина от работы – в 60 лет. Потому что формально это был пенсионный возраст.

- В Игоре Борисовиче было сильно развито чувство справедливости?

- Очень. Я хорошо помню, как в 1966 году занял второе место после Ондрея Непелы на турнире Nouvelle de Moscou – были такие международные соревнования в те времена, причем считались очень престижными. На российском уровне я в том году вообще все соревнования выигрывал. Причем очень убедительно.

До того, как выступить на тех соревнованиях, мы планировали поучаствовать в турнире «Пражские коньки».

Помню, уже перед самым вылетом мы стоим с Лешей Мишиным, разговариваем, потом я наклоняюсь, чтобы взять сумку с коньками и костюмами, а сумки нет. Украли. А на следующий день лететь.

Я потом очень часто думал: кто мог взять мои коньки? Как ни крути, получается, что кто-то из своих. На чужого человека обратили бы внимание непременно.

Версию о том, что у меня украли вещи, чтобы их перепродать, я отмел сразу: продать кому то другому в те времена коньки и костюмы было совершенно невозможно. Нашли бы без проблем. Видимо, кому-то было очень выгодно, чтобы я не смог кататься.

Меня все равно привезли тогда в Прагу, и я за день раздобыл себе новые английские коньки – в этом отношении всегда был очень пронырливый. Но в соревнованиях я не выступал. Писеев, который тогда, если не ошибаюсь, только-только стал ответственным секретарем федерации фигурного катания, сказал: мол, не нужно Куренбину в таком состоянии кататься, пусть Сергей Четверухин вместо него выступит.

Серега выступил, но никакой угрозы для себя я в этом не видел. Знал, что катаюсь намного сильнее.

А вот на турнире Nouvelle de Moscou произошло следующее: все судьи ставят меня на второе место – после Непелы, а у нашего арбитра я вдруг оказываюсь пятым. Вот тогда Москвин в первый раз не выдержал: не видя того, что я стою неподалеку, он подошел к арбитру, который помимо всего прочего был председателем судейской коллегии, и говорит ему: «Серега, до сегодняшнего дня я считал, что ты просто дурак. А сейчас вижу, что ошибался. Ты - подлец».

Вот и все. В январе 1967 года перед чемпионатом Европы в Любляне всем нам предстояло выступить в отборочных соревнованиях в Воскресенске. Претендентов в одиночном катании на одно-единственное место в сборной было трое: я, Валерий Мешков, который к тому времени уже успел поучаствовать в пяти чемпионатах Европы и четырех чемпионатах мира, и третьим номером считался Сережа Волков. Мы и готовились втроем – Четверухина даже на сборы не вызывали.

Перед произвольной программой Мешков ухал в Москву – у него поднялась температура. То есть, я был просто обязан выигрывать те соревнования. И тут начался форменный цирк. По существовавшим тогда правилам тот, кто катался первым в сильнейшей разминке, мог разминаться в предыдущей группе. Что я, собственно, и решил сделать. Когда вышел на лед и начал заходить на первый прыжок, Писеев вдруг взял микрофон и говорит: «Куренбин, покиньте лед. Вы катаетесь в следующей

группе». Естественно, я остановился, поскольку настрой на прыжок был сбит, снова начал заход, и Писеев снова: «Куренбин, покиньте лед...».

Так продолжалось до конца разминки, на которой я так и не прыгнул ни одного прыжка – только эмоции растратил. Вышел на разминку уже в своей группе и снова слышу из динамиков голос Писеева: «Куренбин, немедленно покиньте лед, вы уже катались на предыдущей разминке».

Я всегда был необыкновенно спокойным на соревнованиях. Однажды во время обязательных фигур даже заснул и пропустил свой выход. А ведь многих фигуристов перед «школой» трясло так, что некоторые по три ночи накануне не спали. Но тогда Писеев меня капитально вывел из себя. Я вышел на лед заведенным, два раза упал, чего со мной до этого не случалось ни разу в жизни, и проиграл Четверухину одним судейским голосом. Вот так он поехал в Любляну. Выступил там не бог весть как, занял пятое место, а когда вернулся, его уже начали на всех «внутренних» соревнованиях безоговорочно ставить выше меня, как бы мы ни катались. В том числе и в обязательных фигурах.

В 1968-м я еще выступал, даже поехал на чемпионат Европы в Вестерос, но мне не шили олимпийскую форму. Все ходили на примерки, а я – нет. Нетрудно было понять, что на Олимпийские игры я не поеду ни при каких условиях – какое бы место на чемпионате страны ни занял.

- Для вас это было ударом?

- Уже нет. Ударом стало, что не попал в 1967-м на чемпионат Европы. В 1964-м, кстати, я вполне мог попасть на Олимпийские игры в Инсбрук. Но меня не взяли – посчитали, что слишком молод. А в 1968-м сказали, что уже старый. И отправили в Инсбрук на зимнюю Универсиаду. Неожиданно для многих я выиграл там золотую медаль. Впервые в истории отечественного фигурного катания.

На чемпионате Европы меня тогда никто не ждал, включая моего тренера. Показательные выступления на Универсиаде в Инсбруке закончились поздно ночью в воскресенье, самолет из Инсбрука в Вену улетал тоже в воскресенье в 9.30 вечера, и я, соответственно, на него не успевал. А соревнования на чемпионате Европы в Вестеросе начинались в 7 утра во вторник.

Я по собственной инициативе дозвонился до российского посольства, его сотрудники взяли мне билет, в шесть утра я сел на автобус, доехал на нем до Мюнхена, оттуда самолетом Мюнхен – Франкфурт – Копенгаген – Стокгольм, в Стокгольме меня встретили представители тамошнего советского консульства, и в два часа ночи я был в Вестеросе. Разбудил Игоря Борисовича, он

был в шоке, когда меня увидел.

Другое дело, что в Инсбруке я отдал соревнованиям довольно много сил и эмоций. Хочешь – не хочешь, а спад после таких выступлений всегда есть. Плюс – очень тяжелый день переезда: почти сутки в дороге. Короче, я вышел в семь утра на лед, и понял, что не вижу следа от конька – настолько уставшие глаза и непривычное освещение. Занял в фигурах только пятое место.

Мишин и Москвина тогда выиграли у Родниной и Уланова – каким-то образом заняли общее второе место за Белоусовой и Протопоповым, хотя были четвертыми и в короткой и в произвольной программах. Леша, помню, даже успел надеть цивильный костюм – у него мысли не было, что придется выходить на награждение.

Отметить победу решили в нашем номере. А мне утром кататься. Лешка сказал тогда: «Тебе сейчас будет не уснуть. Возьми снотворное» – и дал мне два каких-то серебряных шарика. Я никогда в жизни не принимал подобных средств. Проглотил один шарик и когда утром зазвонил будильник, я вообще не мог понять, что происходит и где я нахожусь. На катке не мог прыгнуть даже самый обычный перекидной – меня заваливало в сторону.

Игорь Борисович посмотрел на это и говорит: «Пошли на мороз». И мы пошли на открытый каток. Там я раскатался, начал делать прыжки, но это заняло часа полтора. После чего Москвин настоятельно велел мне идти в гостиницу пешком – чтобы окончательно проснуться и прийти в себя.

Я и пошел, заходя по дороге во все магазины. В магазинах было тепло, и меня разморило до такой степени, что вернувшись в гостиницу я даже обедать не пошел – завалился спать. Проснулся через несколько часов в точно таком же состоянии, как был утром – не понимая, какое сейчас время суток. Включил телевизор и с ужасом увидел, что там уже катается первая группа одиночников. С какой-то безумной скоростью я запрыгнул в автобус, рванул на каток, но на свою разминку все равно опоздал. Единственное чувство, которое при этом испытывал – полное безразличие ко всему, что происходит. И занял лишь десятое место.

В 1969-м я занял второе место на чемпионате СССР в «Юбилейном», проиграв одним голосом Четверухину. Сережа Волков, которому тогда было 19 лет, стал третьим. Юра Овчинников – пятым. По правилам отбора в команду попадали первые два номера, а третьим брали молодого по усмотрению тренерского совета.

Проблема заключалась в том, что кому-то из высоких

партийных чинов в Москве очень нравился Овчинников. Соответственно из Спорткомитета были спущены рекомендации по составу сборной: Четверухин, Волков, Овчинников. Хотя тренерский совет единогласно тогда рекомендовал меня. Но никакого значения это, как выяснилось, не имело.

Мы с Москвиным ходили тогда даже в Смольный - на прием к председателю горисполкома. Он при нас звонил в Москву и я даже запомнил фразу: «Вся ленинградская общественность в канун 25-летия снятия блокады настаивает...» Еще он тогда сказал: «Кстати, у спортсменов, о которых идет речь, один общий тренер, который к тому же именно сейчас находится у меня в кабинете. Я передаю ему трубку».

Игорь Борисович начал объяснять: «Понимаете, если сейчас не включить в сборную Куренбина, он бросит кататься. Если же послать на чемпионат Европы и мира Овчинникова, мы тоже в какой-то степени его потеряем, потому что в данном случае его включают в сборную ни за что. Он не заслужил этого».

Так и получилось, кстати. Юрка выступал после этого почти десять лет и по большому счету так ничего и не выиграл. Я же ушел из спорта через год.

* * *

- Игорь Борисович много занимался вашим воспитанием?

- Не много но «по месту». Очень запоминалось. Например, однажды перед каким-то очередным чемпионатом страны он втихаря поточил мне коньки. Не до остроты, а так, слегка подправил. Я ужасно не любил что-то делать с коньками перед выступлением. И когда увидел, что они наточены, психанул и выбросил их в окно. Москвин молча принес их обратно, подправил лезвия и не сказал мне ни слова. На следующий день я совершенно блистательно сделал фигуры и понял, что был неправ по отношению к тренеру на десять тысяч процентов. Мне стало так стыдно... Собственного ученика я за такой жест, что называется, прибил бы на месте. Это какое терпение и такт нужно иметь, чтобы не сорваться? Ведь оскорбил я его тем поступком страшно, если до сих пор, когда вспоминаю об этом, чувствую угрызения совести.

А ведь Игорь Борисович совсем не дипломат. Но вот тогда поступил по отношению ко мне именно так - сделал вид, что ничего не произошло.

Кстати, Леша Мишин в каких-то отношениях тоже очень жесткий человек. Мы с ним жили девять лет в одной комнате, когда вместе ездили по сборам. В команде было два питерца, вот нас и селили вместе. В Воскресенске, в Москве.

В Воскресенске, помню, в перерывах между тренировками все

фигуристы бегали кроссы. Кроме Мишина. Он говорил, что бегать ему вредно. Никогда не делал зарядку, например. Утверждал, что от занятий натощак у него потом весь день кружится голова. В этом плане он всегда очень себя любил.

Тамара, напротив, всегда была великой труженицей. Скажем, едем мы все вместе в Сокольники на тренировку, стоим с Мишиным в метро, разговариваем, а Тамара рядом с нами учит английский. Всегда просила меня, чтобы я ее проверял. Сам-то я учился в спецшколе, где начиная с шестого класса история география и литература преподавались на английском. Так что язык я знал вполне прилично. Даже сны иногда английские снились.

Или идет собрание команды, а Тамара сидит и вяжет носки. Любила говорить: «Если я не встала в семь утра, значит себя обокрала».

Москвину было с Мишиным очень трудно. Леша пришел в нашу группу от Майи Петровны Беленькой – она единственная согласилась его тренировать, когда он в 15 лет приехал в Питер из Грузии. Сказочной красоты женщиной была. В нее был влюблен весь город.

С Москвиным, случалось, Мишин ссорился до такой степени, что они не разговаривали по целому месяцу. Игорь Борисович приходил на тренировку, садился на трибуну, внимательно смотрел, но не делал никаких замечаний.

Один из таких конфликтов случился, когда мы были на сборах в Гаграх. Москвин предупредил нас, что в 10 часов вечера все должны быть по номерам и готовиться ко сну. Но мне-то было всего 17, а Мишину – 21. Какой сон? Тем более – на летнем оздоровительном сборе? Естественно, Мишин постоянно уходил, возвращался ночью, перелезал через балкон…

Тот конфликт затянулся до такой степени, что Москвин даже выговор за это в федерации получил.

Когда уже став тренером Мишин написал книгу, то один экземпляр он подарил мне. С дарственной написью: «Самому двигательно-одаренному фигуристу моей современности».

На самом деле у меня никогда не было сильной двигательной памяти. Когда мы приезжали на первый летний сбор после отпуска, мне требовалось два месяца, чтобы втянуться и снова начать делать все то, что я делал в конце предыдущего сезона. Хотя большинство ребят начинали тренироваться так, словно последнюю тренировку провели вчера. Другое дело, что на первой контрольной прикидке я уже обыгрывал всех. Был очень сильным физически: дальше всех прыгал в длину, например.

Умение катать обязательные фигуры – это, считаю, от бога.

Состязания в «школе» предписывали выполнить 42 фигуры с двух ног – это 84 выхода на лед. Ужас! Я делал эти фигуры лучше всех в мире, но хоть убейте не могу объяснить, каким образом у меня это получалось. А вот в произвольной программе мои шансы были невелики: маленький, рыжий, очень мускулистый, без шеи... Говорю же, не тем видом спорта я занимался.

- А отношения с фигуристами после спорта вы поддерживали?

- Какое-то время я возглавлял Ленинградский балет на льду. Там у меня работали Белоусова и Протопопов, но с Олегом мы даже не здоровались – такой уж у него характер. Он конфликтовал со всеми. Писал на нас доносы в ЦК партии, эти письма потом приходили назад и мы разбирали их на собраниях.

Знаю, что Леня Рейман, который катался вместе со мной у Москвина, впоследствии стал министром связи. Катался он, кстати, лучше Юрки Овчинникова. Но папа забрал его из спорта в 14 лет, сказав, что нечего время попусту тратить. А он был единственным, кто со мной в шахматы на равных играл. Остальные не могли, даже когда я снимал ладью.

Вот с Ондреем Непелой я очень много лет был в хороших отношениях. Он был потрясающе интересным человеком. Знал пять языков, имел юридическое образование, да и вообще был широко образован, что для спортсмена в те времена было большой редкостью. После того, как в 1972-м Непела выиграл Олимпийские игры в Саппоро и закончил любительскую карьеру, он уехал в США – подписал профессиональный контракт с американской ледовой труппой Ice Capades. Все мужчины в том балете были гомосексуалистами. Я, кстати, как раз на основании андрюшкиных рассказов сделал вывод, что гомосексуалистами становятся не потому, что попадают в балет, а потому, что гомосексуалисты гораздо в большей степени обладают нужными для балета качествами. Они другие, безусловно. Более пластичные, музыкальные. И музыку выражают иначе.

Непела никогда не был склонен к нетрадиционной ориентации. Как-то даже жаловался, что артисты, с которыми он выступает в Ice Capades, постоянно рекомендуют ему начать посещать сексопатолога. С их точки зрения было совершенно ненормальным то, что он продолжает интересоваться женщинами. Норму ведь всегда определяет большинство.

Тогда Непела сильно переживал по этому поводу и даже хотел уехать обратно в Чехию. Говорил мне об этом. Но не уехал. А еще несколько лет спустя, когда труппа Ice Capades приехала с гастролями в Питер, он позвонил мне и попросил встретиться.

Я подъехал к гостинице «Советская» и увидел, как Непела

выходит из отеля под руку с каким-то карликом. Оба в лисьих шубах, с накрашенными губами… Тогда он мне сказал, что уже никогда не вернется в Прагу. А в 1989-м в 49 лет умер от СПИДа.

* * *

Наша беседа с Куренбиным у него в галерее затянулась на несколько часов. Прощаясь со мной, он вдруг сказал:

- Игорь Борисович – очень мудрый человек. Я много занимался восточной философией, даже на лекции ходил, когда некоторое время жил в Китае. И как-то услышал притчу: однажды пожилой японец гулял со своим любимым учеником по саду. Проходя мимо цветущей вишни ученик вдруг подумал: надо же какая тонкая и незащищенная шея у учителя. Ее можно перерубить одним ударом руки.

Когда они вернулись в дом, ученик спросил, почему учитель пребывает в печали. Тот ответил: «Я печален, потому что меня впервые в жизни подвела интуиция. Проходя мимо цветущей вишни я вдруг испытал чувство опасности. Но ведь ее неоткуда было ждать?» И ученик понял, что до учителя ему еще очень и очень далеко.

Вот именно это есть в Игоре Борисовиче.

Глава 11. ЧАПЛИН

Личное дело: Бобрин Игорь Анатольевич. Родился 14 ноября 1953 года. Фигурным катанием начал заниматься в 7 лет. С 1965 по 1980 год тренировался у Игоря Москвина.

Заслуженный мастер спорта СССР. Трехкратный чемпион СССР в одиночном катании (1980-1982). Трехкратный обладатель Кубка СССР (1975, 1977, 1979). Победитель Спартакиады народов СССР (1978).

Выступал за сборную СССР на пяти чемпионатах Европы и шести чемпионатах мира. Чемпион Европы (1981). Бронзовый призер чемпионата Европы-1982 и чемпионата мира-1981.

Участник Олимпийских игр в Лейк-Плэсиде (1980, 6-е место).

После окончания спортивной карьеры – художественный руководитель ледового ансамбля «Все звезды» (1985) и театра ледовых миниатюр Игоря Бобрина. Закончил Государственный институт физической культуры имени Лесгафта и ГИТИС имени Луначарского. Руководитель отделения «Балетмейстер фигурного катания» в ГИТИСе (1987-1997).

В 1999 году выиграл интернет-конкурс в номинации «Лучший хореограф мира» в фигурном катании. Супруга – олимпийская чемпионка в танцах на льду Наталья Бестемьянова.

В самом конце 70-х выдающийся спортивный журналист Станислав Токарев, до глубины души влюбленный в фигурное катание и фигуристов той эпохи, написал в одном из своих материалов: «Бывают знаменитые чемпионы. Бывают незнаменитые. Знаменитые нечемпионы тоже бывают. Одни - имена в справочниках и только там. Другие - ни результата, ни даты не вспомнить, хоть убей, а лица, а движения, а радость, которую они нам дарили, - все при нас».

Вряд ли эта фраза могла прийтись кому-либо более впору, нежели одному из самых творческих учеников Москвина Игорю Бобрину. Токарев, собственно, и написал эти строки о Бобрине. Было это сразу после того, как Игорь расстался с тренером и ушел от него еще к одному москвинскому воспитаннику Юрию Овчинникову Возможно, со спортивной точки зрения карьера Бобрина могла бы вообще сложиться иначе, окажись он не в группе Москвина, а у какого-нибудь другого тренера.

С другой стороны, пятнадцать лет совместной и невероятно творческой работы стали мощнейшим фундаментом для всей последующей жизни Бобрина. Он впитывал все как губка: элементы, необычную, придуманную Москвиным технику, просиживал часами за просмотрами уникальной коллекции кинопленок - и работал до остервенения.

- Тот период остался у меня в памяти, как одна сплошная тренировка, - вспоминал Игорь. - При этом ни на одном занятии не помню, чтобы испытывал скуку. Москвин - не просто великий педагог, а величайший. Могу точно сказать: то, чему я у него научился, что применяется мною сейчас ежедневно, - это умение готовиться к работе. Потому что нельзя прийти на работу в ожидании, что сейчас тебя озарит какая-нибудь замечательная мысль.

Еще научился тому, что ни в спорте, ни в искусстве не нужно быть эгоистом. Понял это уже после спорта, занимаясь с артистами. Совершенно неважно, что именно я в процессе

обучения придумал что-то интересное, кого-то перехитрил, или, скажем, не спал ночами. Главное – конечный результат. И то, что мои артисты уверены: они могут сделать все, что угодно.

Москвин не просто придумывал, но умел делать это таким образом, что все хвалили не его, а учеников. Говорили: «Надо же, какой молодец Бобрин!» Или: «Надо же, какая умница Овчинников». Это необыкновенно поднимало нас прежде всего в собственных глазах. Да и окружающие были уверены в том, что каждый из москвинских фигуристов – самородок необычайного масштаба. Взять тех же Белоусову и Протопопова: все ведь были искренне уверены в том, что они тренируются и придумывают все свои программы самостоятельно.

Работать не только ногами меня тоже научил Москвин. Не помню, чтобы Игорь Борисович злился из-за невыполненного элемента или из-за недостаточно отточенного движения. Его было невозможно даже сравнить с кем-то другим, настолько творческий дух царил на тренировках.

Для обязательных фигур Москвин придумал не совсем обычные лезвия. Назывались они у нас «Щучки». Игорь Борисович брал коньки на два или три размера больше, чем необходимо, стачивал их на токарном станке до такого состояния, чтобы лезвие стало почти плоским, без изгиба. И придумал методику исполнения фигур на большом ходу. До этого все фигуристы делали их мелко, медленно. И Волков, помню, еле-еле ехал, и Четверухин.

Это было новаторством на уровне изобретения новой «школы». На хорошем льду плоский конек давал очень ровную и четкую дугу. Другое дело, что на высокой скорости приходилось гораздо внимательнее следить за тем, чтобы попасть в рисунок фигуры. Но все те, кто катался у Москвина, рисовали эти фигуры в два или три раза крупнее, чем те, кто тренировался в Москве. Судьям не приходилось даже нагибаться, чтобы рассмотреть все эти «восьмерки» и «параграфы».

Были смешные случаи. Перед стартом каждому фигуристу полагалось руками показать ось, по которой он будет выполнять фигуру. В зависимости от этого судьи занимали положение на льду – так, чтобы было удобно следить за фигурами, но при этом не мешать спортсмену. Я однажды приехал на какие-то международные соревнования, показал ось, приготовился к отталкиванию, и тут один из наших судей вдруг кинулся к своим иностранным коллегам и закричал: «Отойдите все немедленно! Он сейчас вас просто сметет!»

Наше расставание с Москвиным происходило довольно болезненно. А если искренне сказать - трагично. Однажды в

нескольких фразах он намекнул мне на то, что у него появились сомнения относительно моих возможностей добиться чего-то большего. Я на тот момент был двукратным чемпионом СССР, уже выезжал на первенство Европы, а на своем первом чемпионате мира занял седьмое место. Другими словами, во мне бушевало столько амбиций, мне так хотелось больших побед, я чувствовал в себе столько сил, что сомнения Москвина меня буквально подкосили...

Чемпионом Европы Бобрин стал в 1981-м, официально тренируясь у Юрия Овчинникова. Но примерно тогда же сказал:

- Я точно знаю, что простился со своей спортивной карьерой, когда во мне кончился весь ненаписанный на бумаге план, по которому меня тренировал Москвин. Как только запас, который в меня вложил Игорь Борисович, был исчерпан, я оказался выжат полностью.

* * *

Вспоминая о том разрыве много лет спустя, Тамара Москвина рассказывала:

- На самом деле даже не знаю, почему они расстались. В свое время мы все были очень дружны, много времени проводили вместе. Сейчас воспоминания носят скорее отрывочный характер. Помню, например, как родители Бобрина каждый год приглашали моего мужа за грибами и за рыбой - у них был деревенский дом в грибных местах. Однажды Москвин и отец Бобрина поехали туда вдвоем на нашей первой машине, «Москвиче» горчичного цвета, которую мы купили незадолго до этого: раньше не на что было покупать. И они перевернулись по дороге. Долго все тогда подтрунивали, что на самом деле они ездили пиво пить, а не за грибами.

В нашей группе было принято вместе справлять дни рождения, Новый год. Если оказывались не дома, а на каких-то сборах, новогодний вечер планировали особо. Мы с Бобриным всегда составляли поздравления всем ребятам. С пожеланиями. Считалось, что Игорь - настоящий поэт, а я - стихоплет. Разыгрывали какие-то сценки, пили шампанское. У нас до сих пор сохранилось шутливое посвящение туалету, которое Игорь написал много лет назад на нашем самом первом дачном участке и вырезал на деревянной доске. На дачу мы тоже ездили всей группой, ребята постоянно помогали что-то корчевать, строить. И туалет у нас был, как у всех - на бетонном кольце.

Полностью это стихотворение я сейчас уже не вспомню, но смысл был в том, что, мол, прошло много лет, а участок все мужает и растет и дом вырос, прежним остался лишь туалет. И заканчивался стих словами: «На севере Канарских островов давно

таких не строят санузлов».

Когда появилась новая дача, мы сняли эту дощечку, покрыли лаком, и она висит в туалете уже как реликвия - с автографом Бобрина.

Несмотря на потрясающее чувство юмора, Игорь был очень ранимым, его легко было обидеть, и тогда он сразу замыкался в себе. Очень долго переживал. Собственно, и муж такой же. Не исключаю, что именно это и стало причиной расставания. Оба - одинаковые по характеру, чувствительные, ранимые. Одинаково реагируют на невнимание. Возможно, ни один, ни другой не хотели в какой-то ситуации уступить. Вот и разошлись.

Но отношения между нами остались очень хорошими. Мне, например, всегда было безумно приятно видеть, как Игорь исполняет элемент, который много лет назад придумала я. Сама не смогла реализовать его на практике, а он сумел. Этот элемент так и называется - бобринский. Такой необычный переворот в горизонтальной плоскости. Ну и, конечно, его знаменитая пародия на парное катание родилась в наблюдениях за нашей с Алексеем Мишиным парой.

Когда я впервые задумалась, что хорошо бы сделать для Лены Бережной и Антона Сихарулидзе какую-то необычную программу, мне пришел в голову образ Чаплина, который когда-то блистательно воплощал на льду Бобрин. Сама я человек не очень творческий. Когда-то ставила программы самостоятельно, но при этом отдавала себе отчет в том, что чаще руководствуюсь не творческими соображениями, а элементарной логикой. Тем, чтобы элементы не нарушали инерции движения, и так далее.

Работа с театральным балетмейстером тоже имеет свои сложности. Случается, что спортсмены не всегда могут понять не до конца оформленную идею, а сам постановщик не всегда понимает, что спортсменам прежде всего должно быть удобно кататься. А значит, хореографу неизбежно приходится чем-то жертвовать. Ведь как ни крути - катание главное.

Поэтому и не было сомнений, кого приглашать в качестве хореографа для Лены и Антона. Не только потому, что Игорь - человек потрясающих человеческих качеств. У него всегда было возвышенное чувство творческой работы. Мы ведь, будучи спортсменами, застали те хорошие годы, когда творческая сторона превалировала над всем остальным. Сейчас спорт изменился: не так много времени на постановку каждой конкретной программы, выросла сложность, а это требует более основательной технической работы, бесконечных повторений элементов. Возможно, сама жизнь - как у спортсменов, так и у тренеров - стала более суетной. Меньше остается времени,

которое можно посвятить творческой мысли.

А тогда мы постоянно собирались вместе, обсуждали разные направления, спорили до хрипоты. И когда спустя много лет я начала работать с Бобриным, то поймала себя на мысли, что мне очень комфортно с ним работать. В том числе и потому, что он работает именно так, как когда-то - мой муж.

* * *

В том, что Бобрин способен говорить о Москвине часами, я убеждалась неоднократно. Это были даже не интервью, а просто отрывочные воспонимания, перетекающие то в смешные, то в грустные рассказы. Однажды, когда я сидела в гостях у Бобрина и Бестемьяновой, Игорь в очередной раз начал рассказывать о тренере:

- У меня с датами полный швах: не помню, когда я к Игорю Борисовичу пришел, в каком году... Но помню, что это был шок. Предложение работать вместе последовало от Москвина моим родителям и звучало, насколько я знаю, так: «Приводите мальчика».

- Когда я пришел и увидел тех одиночников, которые катались в группе Москвина – Володю Куренбина, Юру Овчиникова, других спортсменов – я сразу почувствовал в них принадлежность к совершенно особой, «москвинской» ячейке. Я ведь занимался фигурным катанием и до этого. Приходил на тренировки, работал, уходил... У Москвина же понял, что тренировка никогда не заканчивается с окончанием работы на льду.

Ребята никогда не расходились по домам сразу. Продолжали обсуждать с тренером какие-то свои проблемы, абсолютно не боялись высказываться. Именно тогда я почувствовал, хоть и был самым младшим в группе, что во мне начинает зарождаться смутный интерес как к тому, что происходит вокруг, так и к личности Москвина. И понял, что меня ожидает какое-то очень интересное будущее.

Потом это подтвердилось на практике. Все, что Москвин творил на тренировках, было непрерывной, но хорошо подготовленной импровизацией очень профессионального человека. Тогда еще существовали обязательные фигуры. Достаточно нудные для отработки. Мы чертили их на льду с семи-восьми часов утра. Если у кого-то что-то не получалось, Игорь Борисович подходил и вынимал из кармана громадную связку ключей. Как я тогда предполагал, это были ключи от всего сразу: от квартиры, от машины, от дачи, от тренерской раздевалки – все очень большие, советского образца. Москвин опускался на четвереньки, усаживал рядом с собой спортсмена и

начинал этими ключами чертить на льду положение тела, направление движения, то есть детально объяснял, в чем именно заключается ошибка. Как бы подводил спортсмена к пониманию того, как можно эту ошибку исправить.

При этом он никогда не делал примитивных словесных указаний, типа: руку отведи сюда, ногу – туда, а превращал разбор каждой ошибки в игру-головоломку. Заинтересовывал спортсмена в том, чтобы он сам ее решил.

Иногда он проводил соревновательные тренировки. Мы все вместе придумывали шаги, выучивали шаги друг друга, а потом соревновались, кто лучше их сделает.

Игорь Борисович частенько притаскивал нас к себе домой и ставил кинопленки прежних лет. Мы смотрели, как катались Джон Петкевич, Пегги Флемминг, Ханна Машкова, какие-то совсем забытые фигуристы, о которых у нас в стране вообще никто никогда не слышал. Видимо, Москвин снимал многое еще тогда, когда ездил на соревнования с Белоусовой и Протопоповым.

Потом мы переносили на лед то, что видели на пленках, а окружающие диву давались: как необычно ленинградская школа катается...

Тогда я впервые задумался о том, что все новое – это не что иное, как хорошо забытое старое.

Как катался сам Москвин, я никогда не видел. Игорь Борисович не показывал этих пленок, не знаю, есть ли они вообще. Возможно, тренер просто боялся, что мы начнем смеяться, и тем самым его авторитет в наших глазах пошатнется. Когда мы с Наташей работали на проекте «Звезды на льду», я впервые увидел, как катается ровесник Игоря Борисовича Сергей Кононыхин. И с удивлением понял, что все его замашечки на льду – это замашечки двукратного олимпийского чемпиона 50-х годов прошлого века Дика Баттона, катание которого мы много лет назад видели на пленках у Москвина...

Каждый раз, когда я при ходил на тренировку, меня не покидало впечатление, что Игорь Борисович, вместо того, чтобы спать ночью, сидит и придумывает все новые и новые идеи. А на катке вываливает их на нас. Увлечь работой группу достаточно юных пацанов, которым и в хоккей хочется проиграть, и похулиганить – не так просто. А он умел.

Когда я появился в группе Москвина, у него еще катались его жена Тамара с Алексеем Мишиным. Они тренировались на маленьком каточке, залитом прямо в церкви на Васильевском острове, где лед был размером 25х25 метров. Как потом чисто технически все это переносилось на «большой» лед я не знаю, но

те тренировки запомнил хорошо. Помню, как они делали какие-то поддержки. На одном из летних сборов в Гаграх, где мы жили в гостинице с очень длинной лестницей к морю, по которой нас заставляли бегать вверх с девочками на плечах, Тамара и Леша по какой-то причине разругались вдрызг. И Мишин, которому нужно было продолжать силовую работу, на одной из тренировок неожиданно сказал мне: «Или сюда, пацан! Я буду с тобой поддержки делать».

Эти поддержки мы делали несколько дней подряд по 30-40 раз за тренировку, после чего я прекрасно понял, как и что ощущает в этот момент партнерша.

* * *

На мой вопрос, что именно отличало Москвина от других тренеров, Бобрин ответил очень коротко:

- Все! Если у Станислава Жука любое отступление спортсмена от рисунка программы считалось преступлением, то Москвин допускал и поощрял любую импровизацию, если та получалась органичной.

Слушая его парусные рассказы, я понимал, что в душе Игорь Борисович – очень большой романтик. Он постоянно вытаскивал нас на какие-то не связанные с тренировками мероприятия, которые потом каким-то необъяснимым образом пригождались нам в жизни. Однажды мы во время крымского сбора вместе с ним отправились в поход в горы. Заблудились, попали под камнепад. Я до сих пор помню, как огромный камень свалился откуда-то сверху и раскололся прямо у моих ног. В том же походе мы в поисках дороги забрели на пасеку и двух ребят сильно покусали пчелы. Это были серьезные, мужские походы. Сейчас это вспоминается, как жесточайший экстрим, но Москвин шел на это сознательно: тащил в такие ситуации, чтобы мы мужали не только на льду, но и в жизни.

Помню, как во время одной из летних тренировок мы ездили вдвоем по Приозерскому шоссе. Тренер на своем стареньком «Москвиче», а я - рядом по песку на гоночном велосипеде. Это были очень тяжелые тренировки. Я ненавидел их, жутко раздражался, злился, но каждый раз, когда доезжал до финиша, чувствовал себя настоящим мужчиной.

В Череповце на одном из постоянных зимних сборов фигуристы жили в ста метрах от катка – в гостинице «Ленинград». Все передвижения сводились к маршруту каток - гостиница - каток. Москвин вытаскивал нас на речку Шексну – ходить на лыжах. Однажды устроил соревнования и сказал: кто первый придет на лыжах в гостиницу, тот будет освобожден от утренней тренировки обязательных фигур.

Я сломал тогда лыжу, и дошел до гостиницы на одной. Но пришел первым. Устал так, что потом три дня с трудом вставал – до такой степени забились мышцы ноги. А когда шел, вообще не думал об этом. Думал лишь о том, что должен прийти первым.

У Игоря Борисовича существовали какие-то лирические минуты. Это очень важно на самом деле, что в памяти всплывают не только лед и технические задания, но и другое – то, что вырисовывает Москвина с какой-то совсем другой стороны. У них с Тамарой была дача. По-моему, в Лебяжьем. Там есть озеро, где во время ежегодных перелетов останавливаются лебеди, когда не могут больше лететь. Когда я в самый первый раз ехал к нему на дачу, то видел этих лебедей. Их там были тысячи. Под этим впечатлением я тогда сочинил стихи и записал их на внутренней стенке деревянного туалета. Не помню уже, что это были за стихи. А когда Москвины переезжали с той дачи на новую, Игорь Борисович заставил Тамару вырезать эту часть стены и взял ее с собой, чтобы повесить уже на новой даче. Кому бы еще такое пришло в голову?

Но такие поступки и были тем самым, что накрепко привязывало людей к Москвину какой-то душевной близостью.

- Постоянная конкуренция в группе не создавала дискомфорта?

- Отношения со спортсменами у Москвина были выстроены очень мудро. В его группе никогда не было никаких проявлений «дедовщины». Он как-то умел уравнивать нас в возрасте и даже самые разгромные замечания делать так, что никто не чувствовал себя несправедливо ущемленным. Никогда не делил группу на сильных и слабых, на опытных и новичков. Не имел любимчиков. Поэтому и обид не возникало.

Единственное преимущество, которое имел Юра Овчинников, как лидер группы, заключалось в том, что центральная «ось» катка оставалась всегда за ним, независимо от того, проспит Юра утреннюю тренировку, или нет. Это был неписаный закон, который распространялся на всех спортсменов и существовал на всех катках. В сборной эта центральная «ось» долгое время была за Сергеем Волковым, потом – за Володей Ковалевым, потом – за Овчинниковым, потом и я до нее добрался.

Другие тренеры всегда внимательно следили за тем, что происходит у Москвина. Когда я уже дорос до серьезного уровня, со мной в качестве хореографа работал артист Мариинского театра Юрий Потемкин. Ему Игорь Борисович разрешал то, что обычно хореографам не дозволяется. Например, когда ставилась программа и вчерне «разбрасывались» элементы, Потемкин всегда сидел на трибуне и наблюдал. Иногда вклинивался в

постановочный процесс, начиная рассказывать мне о том или ином образе, о творчестве композитора в целом, о том, какие балеты ставились на его музыку, кто из великих танцовщиков танцевал ту или иную партию - Москвин любил ставить программы на музыку балетных спектаклей, которые шли в драматических театрах.

Пока Потемкин рассказывал это, я стоял в коньках с другой стороны борта и слушал. Возможно, Игорь Борисович видел, насколько серьезно я воспринимаю рассказы Потемкина и понимал, что нельзя упускать возможность такого общения. Считал это настолько важным, что был готов отнять – и отнимал - тренировочное время у самого себя. Именно на льду, в момент работы над программой, а не где-нибудь в раздевалке.

Насколько велики были те жертвы со стороны тренера я понял значительно позже, когда сам стал работать хореографом с другими тренерами. Время на льду всегда настолько ограничено и настолько дефицитно, что далеко не всякий специалист дозволяет хореографу это время отнимать. Тем более, что технические требования к программам жестко расписаны и постоянно растут. Но то время, когда произвольная программа была по настоящему произвольной – дозволяющей спортсмену делать все, что он хочет – я до сих пор вспоминаю с ностальгией. Именно тогда рождались многие элементы, в том числе и те, что я придумал сам, потому что сама обстановка способствовала этому. Бобринский переворот, вращение в «пистолетике», каскад прыжков с вращением в разные стороны – многие из этих элементов никто не может повторить до сих пор. Москвин же постоянно провоцировал нас. Говорил, что мы должны отличаться от остальных. Любил повторять: «Вам нужно уметь доказывать свою силу результатами. Просить за вас я никуда не пойду».

Вроде бы – шаблонная фраза, но это был его стиль жизни от которого он не отступал ни на шаг.

Память у него всегда была прекрасной, но никогда не было и намека на злопамятность. Еще была поговорка, которую мы иногда слышали в конце сезона, когда тренерам предстояло отчитываться перед начальством: «Пили-ели, веселились, подсчитали – прослезились». Когда сезон выдавался неудачным, или нужно было расхлебывать какие-то наши прегрешения, эти слова давали возможность очень хорошо понять, что именно мы своим поведением и выступлениями просто подставили тренера.

При этом Москвин очень нас любил и никогда не обижался на розыгрыши. Была знаменитая история, когда он несколько раз покупал себе новые ботинки для работы на катке вместо стареньких фетровых ботиков, которые носил лет десять. Покупка

новой обуви у Игоря Борисовича превращалась в целую процедуру. Ему обязательно нужно было рассмотреть все швы, стельки, подошвы, шнурочки...

Первые ботинки он купил в Череповце. А старые ботики отнес на улицу и выбросил в урну. Мы потихоньку принесли их обратно и запихнули на дно его чемодана.

На следующий сбор в Запорожье Москвин снова приехал в старых ботиках. Через пару дней купил новые, а старые выбросил. Мы их снова вытащили и снова подложили в чемодан. Так он покупал себе ботинки несколько раз. И каждый раз после того, как мы их «возвращали», неизменно приходил в этих стареньких ботиках на тренировку, показывая нам, что шутку заметил и оценил.

- Почему от него ушел Юра Овчинников?

- Вполне допускаю, что я слишком сильно наступал ему на пятки. Потом ведь было и другое: когда Игорь Борисович сказал, что я должен найти себе какого-то другого тренера, то порекомендовал как раз Овчинникова.

Уже под руководством Юры я стал чемпионом Европы. Много лет спустя понял, что этот титул на самом деле был завоеван благодаря совокупности нескольких моментов. Той технической основы, которую мне дал Москвин, стержню и навыкам, которые он во мне воспитал, и, безусловно, влиянию Юры с его идеями и свежести восприятия, которая у меня появилась благодаря смене привычной обстановки. Я лишь недавно впервые посмотрел то свое выступление в Инсбруке в 1981-м и с удивлением увидел, что откатался практически безошибочно. И это – при том, что Москвина на тот чемпионат не послали, поскольку официально он уже перестал быть моим тренером, а Юру не послали, посчитав, что он это право еще не заработал.

Еще помню, как в 1977-м мы приехали в Хабаровск на акклиматизационный сбор перед чемпионатом мира в Японии. А за день до вылета в Токио меня по приказу председателя Спорткомитета СССР Сергея Павлова заменили на Юру Овчинникова. Юра уже катался не у Москвина, поэтому нас с Игорем Борисовичем отправили домой вдвоем. Мы сели в самолет, он разогнался, взлетел, и, оторвавшись метра на полтора от полосы, снова на нее упал – что-то испортилось в двигателе.

Всех пассажиров тут же высадили, отвели в какую-то крохотную неотапливаемую кибиточку прямо в аэропорту, где было дико холодно. Как только мы туда вошли, Игорь Борисович направился к буфетной стойке, заказал два стакана водки и поставил один стакан передо мной со словами: «Пей!»

Честно скажу, в таких количествах я не пил водку никогда в жизни. Попробовал отказаться и тогда, но Москвин повторил: «Пей!»

И добавил что-то вроде: «Лучше сейчас при батьке выпить, чем потом портвейном в парадном баловаться».

Помню, как я давился этой водкой, но пил. Только потом, значительно позже понял, что это был единственный способ как-то снять стресс и избежать простуды. Москвин-то в отличие от меня сразу понял, что нам тогда грозило. И каким чудом мы вообще избежали чудовищной катастрофы, которая была совершенно реальна, если бы самолет успел пролететь хотя бы на несколько секунд дольше.

Вот так первый раз в жизни я выпил вместе с тренером.

Глава 12. ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ

Татьяна Тарасова, сумевшая подготовить в мужском одиночном катании двух олимпийских чемпионов – Илью Кулика и Алексея Ягудина, сказала мне однажды:

- В нашем виде спорта есть выдающиеся фигуристы. Есть заслуженные. Есть орденоносные. Есть олимпийские чемпионы. И есть Бобрин. Гений. С гениями гораздо тяжелее работать. Им нужно предлагать совершенно иные пути, занимать их той работой больше, нежели других. Постоянно поддерживать к этой работе интерес. Москвину это удалось. Талант Бобрина открыл и развил именно он.

Когда я совсем девчонкой начинала работать тренером, я любила наблюдать за тем, как работают большие мастера. И

впитывать. Мне кажется, я умею это делать. Вот и впитывала все, что видела не только на льду: в свободное от тренировок время приходила смотреть, как работают на репетициях со своими артистами Игорь Александрович Моисеев, Юрий Николаевич Григорович, Галина Борисовна Волчек… И Москвин. Который уже тогда был корифеем.

В своей автобиографической книге «Четыре времени года», изданой в 1985 году, Тарасова писала:

- За работой Игоря Борисовича Москвина я наблюдала еще в те годы, когда каталась сама, так как он вел тогда две сильные пары. Работал он с ними очень интересно, но по-своему, несколько парадоксально, вроде бы вопреки всем канонам, зато на льду сразу по фигуристам было видно, чьи они ученики. Повторить Москвина очень сложно, у него трудный почерк. Игорь Борисович, пожалуй, больше других советских тренеров работал в мужском одиночном катании. Многократный призер чемпионатов страны Владимир Куренбин, такие известные фигуристы, как Юрий Овчинников, Игорь Бобрин, Владимир Котин, - все они вышли из школы Москвина. Он их вырастил, выучил, воспитал, поставил на коньки.

В то время, когда только начал раскрываться талант Юры Овчинникова, у меня пошел отсчет по годам тренерского стажа. Мы с Игорем Борисовичем оказались на совместном сборе (он привез туда Овчинникова), и какое-то время я работала рядом с ними на одном катке. Наблюдение за великолепным спортсменом и прекрасным тренером, их общение на занятиях и на отдыхе вылились для меня в хороший семинар по тренерскому мастерству.

Игорь Борисович начинает работу с учениками сразу с подбора музыки, как правило классической или из нового балетного спектакля. Когда-то он поставил Бобрину программу под музыкальные пьесы Мусоргского «Картинки с выставки», и это, безусловно, было тогда новаторством. Выбор Москвиным музыки для спортивных пар всегда предусматривает и предопределяет образность программы, четкое взаимодействие партнеров, а не автоматическую параллельность движений. К тому же на протяжении всего проката Москвин требует от партнеров не терять выработанных взаимоотношений, то есть постоянно придерживаться, даже в момент подготовки к выполнению сложного элемента, того образа, который в данной композиции придумали тренер и хореограф, что в парном катании сделать очень сложно.

Композиция Москвина - это не просто скольжение из угла в угол с накручиванием сложных элементов. В его программах

всегда есть идея или, другими словами, чисто балетная канва. Впечатление такое, будто он перед постановкой пишет либретто...

В короткой программе Селезневой и Макарова, показанной на Олимпийских играх в Сараеве, он удивил всех, поставив им ее на блюз - мелодию, принятую у танцоров. Если пары и используют блюз, то только в произвольной программе, но никак не в короткой. И то, что показали Селезнева и Макаров, действительно настоящий танцевальный блюз, с совершенно неординарными соединениями между элементами. Такой эксперимент, с одной стороны, риск, а с другой - новый путь в парном катании, где всем уже надоели заученные диагонали — в одну сторону прыжки, в другую - поддержки. Риск заключается в том, что сложность нестандартных соединительных шагов между элементами отнимает у спортсменов много сил. К тому же необычный подход к обязательным элементам короткой программы забирает уйму времени в репетиционной работе.

Спустя 25 лет после того, как книга была написана, Тарасова сказала о Москвине:

Самая уникальная черта Игоря Борисовича заключается в том, что даже на девятом десятке лет он не успокоился и не хочет ни отдыхать, ни почивать на лаврах. Однажды я видела, как Москвин работает с восьмилетней девочкой. Смотрела со стороны на эту картину и думала: «Как же тебе повезло, девочка…»

Ему 81 год и он каждый день на работе. Полноценно занимается любимым делом. Когда он на катке, то каждый человек там чувствует себя защищенным. Как маленький ребенок со своим отцом. И это ощущение совершенно не зависит от того, катаешься ты сам на льду, или стоишь на тренерской скамейке. До сих пор, когда он обращается ко мне «Танечка», я чувствую себя совсем маленькой девочкой. А нам ведь всем нравится чувствовать себя детьми. И каждому в глубине души хочется, чтобы это состояние длилось как можно дольше.

* * *

- Как вы считаете, Москвин - удачливый тренер? - спросила я как-то коллегу Игоря Борисовича, выдающегося тренера и выдающегося (по словам Москвина) «технаря» Виктора Кудрявцева.

- Да, - не задумываясь ответил тот. - Хотя...

В разговоре повисла длинная пауза. Кудрявцев словно прокручивал в голове историю своих отношений с Москвиным, вспоминал что-то давно забытое. Наконец сказал:

- Можно, наверное, посчитать, что Игорю Борисовичу не очень везло. Игорь Бобрин стал чемпионом Европы после того, как перешел тренироваться к другому специалисту, потом

случилась эта дурацкая история с дисквалификацией Олега Макарова... Но даже несмотря на все это, тренерская судьба у Москвина все-таки была счастливой. Как бы то ни было, он подготовил двукратных олимпийских чемпионов. Это такое выдающееся достижение, что если потом у тренера больше никогда не получается даже приблизиться к этому уровню, его карьеру уже не назовешь неудачной.

Если бы пары Белоусова - Протопопов у Москвина не было, вполне допускаю, что он мучился бы от собственной нереализованности, - продолжал Кудрявцев. - От того, что не сумел полностью раскрыть себя в профессии. Москвин ведь очень честолюбив и всегда был таким. Но главное, как мне кажется, заключалось в том, что он всегда работал в свое удовольствие. И несмотря ни на какие неприятности, беззаветно любил фигурное катание.

Наше знакомство произошло, когда в 1960-м я закончил институт физкультуры. Сразу после этого мы с Москвиным проводили совместный тренерский семинар в Санкт-Петербурге. Мне было тогда двадцать три года. Для меня было лестно, что меня пригласили проводить тот семинар. Работать тренером я начал еще до того, как поступил в институт, и чувствовал, что люди, которые тогда работали в Федерации фигурного катания, ко мне присматриваются. Москвин же был для меня - и остается до сих пор - тренером номер один. Я наблюдал за его работой очень внимательно и очень много лет. Все это время мне импонировало то, насколько детально и скрупулезно Игорь Борисович обучает своих учеников технике фигурного катания, как кропотливо и дотошно он работает над элементами, над программами.

Надо сказать, что, учась в институте, я всегда с удовольствием ходил на тренировки гимнастов. Гимнастическая кафедра института физкультуры в Москве в те годы считалась одной из сильнейших, и именно там я постигал секреты методики тренировок, подготовки к соревнованиям. Многие тренеры ведь искренне полагают, работая со спортсменом, что в тренировочном и соревновательном периоде вообще нет никакой разницы. А она колоссальна. Позже в работе Москвина я увидел многое из того, что в бытность студентом наблюдал у гимнастов.

Обучение технике вообще требует от тренера большой тщательности. У Москвина я впервые увидел, насколько выверенны и точны могут быть движения плеч, опорной ноги, свободной ноги. Помню, как Мила Белоусова и Олег Протопопов часами отрабатывали парный параллельный прыжок, добиваясь того, чтобы дуга, по которой они оба заходят на элемент, равно

как и та дуга, по которой производится выезд, были абсолютно параллельны друг другу. Вымеряли это вместе с Москвиным чуть ли не линейкой.

Этим высочайшим качеством элементов и, соответственно, фантастической «ювелирной» красотой и зрелищностью отличалось в те годы все советское парное катание. Москвин, работая с Белоусовой и Протопоповым, как бы создавал эталон качества, по которому равнялись все. Например, я старался так же дотошно работать со своей парой - Людмилой Смирновой и Андреем Сурайкиным.

Так получилось, что наши ученики постоянно конкурировали между собой. У меня был Сергей Волков, у Москвина — Володя Куренбин и Юрий Овчинников. Куренбин был виртуозом конька. Цыпа - так его называли все. Он никогда не был красивым фигуристом, но отличался феноменальной цепкостью. Выезжал из таких приземлений, где не мог устоять на ногах никто другой. Для того чтобы выехать, ему было достаточно «зацепиться» за лед хотя бы частью конька.

Надо сказать, что в те годы соперничество никогда не сказывалось на личных отношениях тренеров и спортсменов. Скорее, наоборот, поощряло творчество. Мы могли спорить о чем-то до хрипоты, но эти споры никогда не порождали злобы или подлости. Всего лишь один пример: никому из тренеров в те годы даже в голову не приходило, что можно тайком забрать к себе чужого спортсмена.

С Москвиным мы долгое время были на «вы»: когда познакомились, разница в восемь лет казалась неимоверно большой. К тому же я сам не испытывал потребности сближаться. Мне всегда было привычнее не спрашивать, а наблюдать. И уже потом делать из этих наблюдений выводы, извлекать то, что вписывалось в мою тренерскую концепцию.

Само понятие «питерская школа» в те годы подразумевало очень высокий технический уровень. Большая заслуга в этом отношении принадлежит еще основоположнику российского фигурного катания Николаю Панину-Коломенкину. Тот же Москвин прошел через его руки и его учебники. Не случайно в обязательных упражнениях питерцы, как правило, стояли выше москвичей. Соответственно, они быстрее обучались многооборотным прыжкам. Тамара Москвина - это ведь тоже личность, выросшая под влиянием Игоря. Они постоянно и очень жестко спорили на тренировках, пытаясь доказать друг другу свою правоту. Такая среда очень благоприятствует появлению думающих тренеров.

Москвин всегда стремился внести черты индивидуального

стиля и почерка во все программы, которые ставил. Белоусову и Протопопова не повторяла ни одна последующая пара, точно так же как не повторяли Москвину с Мишиным, Селезневу с Макаровым. То же самое можно сказать о мужчинах-одиночниках, которые катались у Москвина.

В фигурном катании ведь сложно что-то изобрести: все элементы давно уже придуманы. А вот в плане композиции - заходов на прыжок, выходов из прыжка, из вращения - Москвин всегда сильно отличался от всех остальных. Любил этим заниматься. Все его спортсмены были необычайно яркими, и эта яркость шла не от внешних данных, а прежде всего от того, что композиции, созданные коньком, запоминались очень интересным рисунком на льду.

Москвин постоянно втолковывал и своим ученикам, да и коллегам тоже: композиция с продуманным рисунком всегда выглядит на льду гораздо интереснее для зрителей и судей, чем просто набор прыжков и вращений. Хотя, безусловно, проще просто ездить по льду как придется...

Игорю Борисовичу, кстати, свойственно очень внимательно наблюдать за тем, как работают другие тренеры. Даже когда он отошел от активной работы на льду, было видно, что равнодушно смотреть на фигурное катание он просто не может. Интересуется, что-то подсказывает, всегда отмечает, если что-то ему понравилось.

Мне всегда казалось, что работа с парами доставляет Москвину ни с чем не сравнимое удовольствие. После Белоусовой и Протопопова это были Москвина и Мишин, потом - Лариса Селезнева и Олег Макаров. Знаю, что Олег до сих пор вспоминает, как и чему учил их с Ларисой Игорь Борисович. Постоянно приводит его в пример, работая со своими учениками.

Глава 13. ПРОСТАЯ ИСТОРИЯ

Личное дело: Селезнева Лариса Юрьевна. Родилась 12 сентября 1963 года. Фигурным катанием начала заниматься в 1971 году. Специализация – парное катание. Мастер спорта международного класса. Партнер - Олег Макаров.

Макаров Олег Витальевич. Родился 22 октября 1962 года. Фигурным катанием начал заниматься в 1970-м. Специализация – парное катание. Мастер спорта международного класса. Партнерша (впоследствии – супруга) – Лариса Селезнева. Тренер Игорь Борисович Москвин.

Серебряные призеры первенства мира среди юниоров (1979). Двукратные чемпионы мира среди юниоров (1980, 1981).

Четырехкратные чемпионы СССР (1984-85, 1988-89).

Двукратные чемпионы Европы (1987, 1989); Серебряные призеры чемпионата мира в Токио (1985). Бронзовые призеры чемпионата мира в Будапеште (1988). 4-е место на чемпионатах мира 1984, 1986-87 и 1990 годов. Бронзовые призеры Олимпийских игр в Сараево (1984). 4-е место на Олимпийских играх в Калгари (1988).

Награждены медалью «За трудовое отличие». Постоянно живут в Ньюбурге (США). Дочь Ксения – чемпионка России в одиночном катании (2010), участница Олимпийских игр 2010 в Ванкувере (10-е место в одиночном катании)

В марте 2010-го на чемпионате мира в Турине произошла история, заставившая меня вспомнить времена, уже вроде бы давно ушедшие в прошлое. В день, когда завершились состязания в парном катании и специализированные форумы в интернете были полны всевозможных комментариев по поводу не бог весть каких сложных программ чемпионов, кто-то из болельщиков, а может, из бывших фигуристов вдруг просто перечислил все прыжки, подкрутки и выбросы, которые в 1984 году на чемпионате мира в Оттаве выполнили Лариса Селезнева и Олег Макаров.

И как-то враз стала очевидной совершенно невероятная вещь: произвольная программа, придуманная Игорем Борисовичем Москвиным для своих учеников в незапамятные времена, оказалась на порядок сложнее той, с которой спустя 26 лет чемпионами мира в Турине стали китайцы Цинь Пан/Цзян Тун.

Вот только в Оттаве в 1984-м Селезнева и Макаров остались четвертыми.

И я в очередной раз невольно вспомнила о том, как в 1983-м одним движением руки Макаров зачеркнул целый год своей спортивной жизни.

Каждый раз, когда мы беседовали о тех временах с Игорем Борисовичем Москвиным, имя Макарова всплывало постоянно. Помню, как тренер долго рассуждал о том, что у каждого спортсмена есть определенная планка. Если она высока, это своего рода гарантия, что человек будет стабильнее выполнять элементы, ему будет проще кататься. И что опускать эту планку – значит опускать уровень своих собственных притязаний.

- У кого из ваших учеников эта планка стояла наиболее высоко? – спросила я тогда. И услышала:

- У Макарова. Он мог выполнить на льду все, что угодно. И прыгать умел с любых заходов. Лариса и Олег пришли ко мне уже готовой парой от Андрея Сурайкина. Они неплохо выступали по юниорам. Чуть позже мы с Тамарой нашли Лену Валову - партнершу для Олега Васильева, и обе пары начали кататься вместе. Взгляды на тренировочный процесс у нас с Тамарой совершенно не совпадали. Внутренний протест начал проявляться у жены еще когда она каталась с Мишиным. Это выражалось в настырности с которой Тамара постоянно стремилась доказать, что она лучше всех.

Когда она начала работать с Ирой Воробьевой и Сашей Власовым, которого потом сменил Игорь Лисовский, много идей давал я. Помогал довольно активно, поскольку помимо тренировок Тамара была занята нашими тогда еще маленькими детьми. А вот когда она с Валовой и Васильевым вырвалась на свободу, то как бы стремилась реализовать в них все то, что было недопето ей самой.

Я же с Селезневой и Макаровым и нашим постоянным хореографом Юрием Потемкиным пошел другим путем. Более творческим, что ли.

- Что вам не нравилось в работе жены?

- Никогда не анализировал на самом деле. У Тамары, безусловно, была хватка, которой никогда не было у меня. Но она никогда не думала, как «подать» элементы, в то время как я сам придавал этому очень большое значение. Старался найти у каждого из элементов наиболее выигрышную, «лицевую» сторону. Чтобы программа заиграла. Считал, что иначе нельзя. Смешно ведь будет, если балерина выйдет на сцену и начнет крутить свои фуэте в углу возле кулис?

Одной из моих любимых программ у Селезневой и Макарова был «Китайский концерт» Жан-Мишель Жарра. Они катались в черных комбинезонах, я даже хотел использовать белый грим и шапочки, как у мимов. Руководители федерации фигурного катания запретили гримировать ребят, но программа благодаря множеству игровых элементов все равно получилась довольно

мистической.

В 1985 году Лариса и Олег выиграли короткую программу на чемпионате мира в Японии, но там не в нашу пользу сложилось слишком много факторов. У Ларисы в тот сезон было неважно с ногой. Ее долго лечили в Москве у Зои Мироновой – в отделении спортивной и балетной травмы ЦИТО, делали блокады, но никак не могли понять причину травмы. А она, как выяснилось позже, возникла от того, что сломался ботинок и стал натирать ногу. В результате этого развился лимфоденит – гнойное воспаление сухожильной сумки.

После бесплодных попыток вылечить ногу в ЦИТО, я каким-то образом получил направление в Кировскую больницу Санкт-Петербурга. И врач сразу определил в чем дело. Сделали два надреза, оттуда вышло два стакана гноя, поставили дренаж, в общем через неделю нога стала приходить в норму. Так ногу и спасли. Хотя довести до ума произвольную программу мы тогда из-за травмы так и не сумели.

Сюжет короткой программы я взял из Гойи. Старался показать, как люди чувствуют себя в аду. Для Ларисы это по сути и был ад – кататься с такой травмой. Но программа получилась потрясающей.

Перед произвольным выступлением случилась еще одна необъяснимая вещь. Мы вышли на заключительную дневную тренировку, Олег надел коньки и неожиданно почувствовал, что конек соскальзывает. Посмотрел на лезвие, а там на самом «рабочем» месте огромная завернутая наружу заусеница. Откуда – понять никто не может. Вроде ни на что жесткое он не наступал, катался накануне вечером, и все было нормально.

Я взял ботинок, взял тряпочный чехол, в которых фигуристы коньки хранят, а там по всей длине поврежденной части конька ткань прорезана. То есть очевидно, что кто-то взял конек и с усилием провел лезвием по какой-то очень жесткой поверхности. Возможно, по батарее.

- Кому это было нужно?

- Теоретически любому из тех, кто в короткой программе остался за моими спортсменами. Я тогда вызвал руководителя нашей делегации Анну Ильиничну Синилкину, показал ей лезвие, она долго ахала: мол, кто же такой сволочью оказался? А «сволочей» могло быть всего двое - те, кто имел доступ в ту же самую раздевалку. Либо восточный немец, либо наш – тогда у спортсменов социалистических стран раздевалка была общей.

Это было сделано настолько откровенно... Косвенное предположение было совершенно очевидным. Но косвенным может быть именно предположение, а не уверенность, на

основании которой можно было бы кого-то аргументированно обвинять.

Я конечно подправил все, что мог, но мои спортсмены остались вторыми. Выиграли Валова и Васильев. В короткой программе они были третьими или четвертыми, но поскольку произвольную Макаров завалил, а Валова с Васильевым прокатались чисто, то оказались впереди. Примерно так, как это случилось с Сарой Хьюз на Олимпийских играх в Солт-Лейк-Сити: она была четвертой после короткой программы, а в финале все, кто был впереди, завалились. И Сара стала чемпионкой.

До 1983 года, когда Селезнева и Макаров катались на одном льду с Валовой и Васильевым, моя пара всегда их обыгрывала. У Олега с Ларисой были гораздо более интересные программы. Да и внешне Валова проигрывала Селезневой. Если бы не эта дурацкая история с дракой... А после дисквалификации Макаров чувствовал себя в значительной степени ущемленным, рвался доказать, что он по-прежнему силен, а все это – лишняя нагрузка на нервную систему, которая у Олега никогда не была особенно сильной

- В каких отношениях вы были после этого с Олегом Васильевым?

- В нормальных. Я больше осуждал тогда Макарова. Даже сказал ему как-то: мол, ты отвел душу, ударив соперника, а теперь именно ты, а не он, должен пропустить год. В результате мои ребята не смогли участвовать в 1983-м ни в чемпионате Европы, ни в чемпионате мира, вышли только на Олимпийские игры. А там пару никто не знал. А ведь могли бы выиграть...

* * *

На Играх-1984 Лариса Селезнева и Олег Макаров стали третьими. Дважды после этого выигрывали чемпионаты Европы, завоевали серебро и бронзу мировых первенств. В 2002-м перебрались в США в поисках работы. А в декабре 2009-го впервые привезли на взрослое первенство России свою дочь Ксению. И она сразу стала чемпионкой страны, отобравшись в олимпийскую сборную.

- У нас с Ларисой вообще не было цели сделать дочь спортсменкой, - рассказывал Олег на чемпионате Европы в Таллине. - В пять лет она впервые встала на коньки, упала, ударилась о лед и сказала нам: «Не хочу. Больно и холодно». На этом все ее занятия закончились. В 2002-м, когда мы приехали работать в Ньюбург, Ксении было восемь лет. Чтобы чем-то ее занять, пока мы тренировали других, я взял коньки в пункте проката и отправил дочку в группу массового катания. Чуть позже она попросила разрешения перейти в мою группу. Еще через

некоторое время заявила, что хочет быть «как все»: выучить программы и выступать в спортивных соревнованиях. Вот так и началось для нее фигурное катание.

- Что сыграло более весомую роль, на ваш взгляд, - наследственность или влияние среды?

- Наследственность, безусловно, проявилась. Характером Ксения очень похожа на Ларису. У меня всегда было внутреннее чувство, что дочь способна добиться в спорте высоких результатов. От Ларисы она взяла силу воли, упорство и целеустремленность. Когда мы с Ксенией были на юниорском финале «Гран-при», многие говорили о том, что дочь даже внешне похожа на Ларису тех времен, когда та каталась.

- Наверное, сам факт, что дочери предстоит выступить на Олимпийских играх, должен пробуждать в родителях-спортсменах ностальгические воспоминания о своей собственной карьере?

- Не сказал бы. У нас с Ларисой давно другая жизнь. Много учеников-одиночников, хотя я, естественно, скучаю по временам парного катания. В Америке этот вид практически отсутствует: мальчики в подавляющем большинстве идут в хоккей. Считают фигурное катание не очень мужским спортом.

В Америку мы перебрались, когда в Хакенсаке работали Тамара и Игорь Москвины - готовили к Олимпийским играм Елену Бережную с Антоном Сихарулидзе. Они и сообщили нам, что соседний каток ищет тренеров по фигурному катанию. Вот мы и поехали на месяц - посмотреть что к чему. Задержались на полтора. И в итоге подписали длительный контракт. Периодически, когда Москвины были слишком заняты или уезжали на соревнования, они давали нам возможность поработать с кем-то из тех, кто катался в их группе. Позже с такой же просьбой стал обращаться Артур Дмитриев: он уже начал работать тренером, но параллельно вместе с Оксаной Казаковой продолжал выступать в шоу.

Что же касается Олимпийских игр, моего спортивного опыта было достаточно, чтобы понять: Игры - это не чемпионат Европы и даже не чемпионат мира. Психологическая нагрузка на каждого спортсмена там до такой степени велика, что случается немало непредсказуемых результатов. Две последние Олимпиады выиграли фигуристы, которые, скажем так, не должны были бы выиграть вообще. Как минимум, они имели на это меньше шансов, нежели соперники. Если вспомнить нашу с Ларисой олимпийскую карьеру, в 1984-м мы стали в Сараево третьими, хотя приехали на те Игры «никем» - всего лишь двукратными чемпионами мира среди юниоров.

- А если бы были фигуристами с именем, могли оказаться выше?

- Трудно сказать. У нас была очень сложная программа, мы хорошо с ней справились... К сожалению, в фигурном катании тогда не было практики отдавать победу совсем зеленым новичкам.

- Другими словами, свою роль сыграло положение «второй пары»?

- Можно сказать и так. Олег Васильев и Лена Валова уже были чемпионами Европы и мира, понятно, что на них и смотрели иначе. Мы же на тех чемпионатах вообще не выступали.

- Из-за дисквалификации?

- Да. Пропустить год соревнований - огромный минус для любого фигуриста.

- Хотя бы легкое сожаление по поводу содеянного у вас тогда было?

- Нет. Ничего хорошего в том инциденте, естественно, я не видел, но о своем поступке никогда не жалел. В определенных жизненных ситуациях мужчина должен всегда оставаться мужчиной.

- Вы чувствовали тогда хотя бы скрытое осуждение со стороны своего тренера, работа которого тоже в каком-то смысле была перечеркнута?

- Думаю, Игорь Борисович меня понял. Мы никогда не разговаривали с ним на эту тему, но я чувствовал, что он на моей стороне. Мы, как и прежде, продолжали работать, придумывали новые программы, то есть в отношениях ничего не изменилось.

В свое время, когда я еще катался один, мне очень хотелось попасть именно в группу Москвина. Он очень привлекал меня и как тренер, и как человек. Но он не обращал на меня никакого внимания. Наверное, потому, что я считался ленивым. Меня даже из фигурного катания за это выгоняли - постоянно опаздывал. Вообще поначалу не хотел заниматься фигурным катанием. Закрывался в комнате, а бабушка меня оттуда выманивала: «Олежек, пойди покатайся, я тебе клюшку куплю...» За клюшку я соглашался пойти на тренировку.

Когда я стал кататься в паре - сначала не с Ларисой, а с другой, более старшей партнершей, - нас тренировал Андрей Сурайкин. Он был серебряным призером Олимпийских игр, трех чемпионатов мира в парном катании (вместе с Людмилой Смирновой), а закончив выступления, стал работать в одной бригаде с Тамарой Москвиной. Как только у нас с Ларисой пошли более или менее приличные результаты, Сурайкин решил отделиться и тренировать нас самостоятельно. Но спортивное

руководство приняло решение передать нас более опытному специалисту. Так мы и оказались у Москвина.

- Как-то я плохо представляю себе ситуацию, чтобы спортсмен мог безнаказанно опоздать на тренировку к Москвину.

- Что вы, это уже было совершенно исключено. Знаю, что много лет Игорь Борисович ставил нас с Ларисой в пример всем остальным ученикам как образец дисциплинированности и исполнительности.

- Что отличало Москвина от других тренеров?

- Интеллигентность и масштаб знаний. Он блестяще знает историю, отечественную и иностранную музыку, многое другое. Патриарх фигурного катания, одним словом. Других таких в нашем виде спорта не было и нет. Поэтому нам никогда не приходило в голову поменять тренера, хотя с определенного периода такие предложения делались неоднократно. Мы очень верили Москвину. Обсуждали с ним многие жизненные вещи, часто встречались вне тренировок, разговаривали обо всем на свете. На катке он был строгим и требовательным, а вот вне льда наши отношения скорее можно назвать товарищескими. Москвин очень добрый и отзывчивый человек. Всегда помогал, если его об этом просили, причем не только нам, а всем своим ученикам.

Рабочая обстановка в группе была очень творческой. Многие элементы, которые мы с Ларисой начали делать первыми, никто даже не брался повторить. Мы ближе всех друг к другу начали делать параллельные прыжки - заходили на них, что называется, держась за руки. То же самое - с вращениями.

Экспериментировали с выбросами. После одного из них, где Лариса летела на полкатка, мы сразу после выезда делали параллельный прыжок в 2,5 оборота. Поддержки с «перебросами» партнерши в воздухе тоже до сих пор никто не берется повторить. Все это было очень зрелищно, хотя и рискованно.

- Насколько же должен быть уверен в учениках тренер, чтобы отправлять их на подобные элементы?

- Это же делалось не на «авось», а после серьезной подготовки. Сначала - в зале, потом - на льду со страховкой, потом без страховки - с небольшого «хода», потом быстрее... И все получалось.

- Вы когда-нибудь ссорились с тренером?

- Скорее спорили. В тренировках это самое обычное дело. И именно Москвин научил меня всему, что я умею. Думаю, что не случайно все питерские тренеры, начиная с Москвиной и Мишина, - его ученики. Все пользуются его опытом, его методиками. Каждый придумывает что-то свое, но все эти придумки основаны на той базе, что заложил в свое время Игорь

Борисович.

- О чем вы разговариваете, когда встречаетесь сейчас?

- Обо всем. О спорте, о детях. Москвин очень помогал мне в работе с Ксюшей с того самого времени, когда она еще выступала в юниорках. Как только я приезжаю в Питер, звоню ему и приглашаю на нашу тренировку. И не перестаю удивляться тому, сколько в нем энергии и новых идей.

Глава 14. ЦЕЛЬ, СПАРРИНГ И ЖЕНЩИНЫ

Личное дело: Мишкутенок Наталья Евгеньевна. Родилась 14 июля 1970 года. Заслуженный мастер спорта России.

Специализация – парное катание. Партнер Артур Дмитриев. Тренер – Тамара Николаевна Москвина.

Трехкратная вице-чемпионка СССР (1989-91). Двукратная чемпионка Европы (1991-92). Бронзовый призер чемпионатов Европы 1989, 1990 и 1994 годов. Чемпионка Универсиады (1989). Победительница Игр доброй воли (1994).

Двукратная чемпионка мира (1991-92). Бронзовый призер чемпионата мира-1990. Чемпионка Олимпийских игр в Альбервилле (1992). Серебряный призер Олимпийских игр в Лиллехаммере (1994).

Казакова Оксана Борисовна. Родинась 8 апреля 1975 года. Заслуженный мастер спорта России. Специализация – парное катание. Партнеры Дмитрий Суханов (до 1995 года), Артур Дмитриев. Тренеры – Наталья Евгеньевна Павлова, Тамара

Николаевна Москвина.

Чемпионка Европы 1996 года. Серебряный призер чемпионата Европы-1998. Бронзовый призер чемпионата мира-1997.

Чемпионка Олимпийских игр в Нагано (1998).

Дмитриев Артур Валериевич. Родился 21 января 1968 года. Заслуженный мастер спорта СССР. Специализация – парное катание. Тренер – Тамара Николаевна Москвина, Игорь Борисович Москвин.

Единственный фигурист в мире, ставший олимпийским чемпионом с двумя разными партнершами.

Награжден орденами Дружбы и «За заслуги перед Отечеством» III степени.

На перламутровом медальоне, который задумчиво крутила в руках Тамара Москвина, мерцали пять женских профилей. «Я всегда стараюсь выбирать ученикам подарки «со значением», - объяснила мне тренер. - Может быть, Артуру подарить это? Ведь женщин в его жизни тоже пять - мама, жена, я, Наташа Мишкутенок. Теперь еще и Оксана...»

Днем раньше олимпийский чемпион Альбервиля и вице-чемпион Лиллехаммера в парном катании Артур Дмитриев стал чемпионом Европы-96 с новой партнершей - Оксаной Казаковой, для которой тот чемпионат стал первым в жизни. А спустя два года - в Нагано - Казакова и Дмитриев стали олимпийскими чемпионами.

За пять с небольшим лет до этого Дмитриев готовился к своей второй Олимпиаде с Наташей Мишкутенок. Игры-1992, которые проходили в Альбервилле, они выиграли с ходу. Через месяц стали первыми на чемпионате мира в американском Окленде, после чего ушли в профессиональный спорт. А через год вернулись обратно – чтобы принять участие еще в одних Олимпийских играх.

Как раз тогда Международный олимпийский комитет принял решение «развести» летние и зимние Олимпиады и получилось, что следующие после Альбервилля Игры выпали на 1994 год. Одновременно с этим Международный союз конькобежцев заявил, что разрешает профессионалам временно вернуться в любители. Вот Артур с Наташей и решили попробовать повторить олимпийский успех.

В Лиллехаммере фигуристы стали вторыми, уступив Екатерине Гордеевой и Сергею Гринькову. Но то серебро трудно было назвать поражением: более равной борьбы на Олимпийских играх в парном катании не было ни до, ни после.

Потом Наташа ушла из спорта совсем. А 27-летний Артур

неожиданно для многих заявил, что остается в любительском спорте еще на четыре года. С новой, совсем юной партнершей, прежним тренером и прежней целью - стать олимпийским чемпионом, начав все с нуля.

* * *

Такому решению, впрочем, предшествовала попытка Дмитриева продолжить карьеру в прежнем составе – с Мишкутенок. Летом 1994-го я приезжала к фигуристам в Санкт-Петербург и Москвина, у которой, как водится, образовались какие-то неотложные дела, усадила меня в машину мужа и отправила на дачу, пообещав, что Артур приедет следом и «все расскажет». Мне оставалось только принять приглашение. И пока Игорь Борисович раскладывал костер для жарки мяса, мы с Дмитриевым устроились в сторонке, рассуждая о плюсах и минусах продолжения спортивной карьеры.

- Нам с Наташей вдруг стало очень интересно, чего еще мы можем добиться, - сказал тогда Артур. - Это ведь раньше фигуристы рвались уйти в профессионалы, потому что только там можно было заработать какие-то деньги. Сейчас в любительском катании можно заработать не меньше, если задаться такой целью. К тому же далеко не все в спорте можно перевести на деньги.

В январе следующего года я узнала от Москвиной о том, что Мишкутенок все-таки не захотела продолжать тренировки. Много позже я спросила тренера:

- Вы с Артуром видели хоть какую-то возможность удержать Наташу от ухода из спорта?

- Мы не видели необходимости, - жестко ответила Тамара. - Идти на поводу у Наташи ни я, ни Артур не собирались. Это была определенная позиция: рисковать, но при этом делать то, что хотим.

На вопрос, зачем известнейший тренер, уже дважды подготовивший олимпийских чемпионов (Игры-1984 в парном катании выиграли москвинские Елена Валова и Олег Васильев), взялась за подобную авантюру, поставив в пару с Дмитриевым совсем неизвестную девчушку, Москвина ответила:

- Напрасно думаете, что Оксана будет подстраиваться под Артура. Там та-а-кой характер! А успех на Играх по прежнему определяет только одно: сильная личность. К тому же, любому тренеру после ухода спортсменов приходится все начинать сначала. Я готовила с нуля Валову и Васильева, Наташу Мишкутенок мы готовили вместе с Артуром. И, когда она решила уйти, мы оба знали, что нам по силам взять девочку и подготовить ее. Хотя в какой-то момент я почувствовала, что не справляюсь и позвала на помощь мужа.

- Игорь Борисович более суров?

- Дело не в этом. Просто у каждого спортсмена бывают периоды, когда не получается и очень хочется покапризничать. А капризничать перед Игорем Борисовичем ребятам было бы просто стыдно. Артуру - потому что они слишком давно знакомы, Москвин для него - мэтр, Оксане - в силу возраста. Мужу и удалось увлечь ребят настолько, что все встало на свои места.

* * *

Первый раз Москвина позвала мужа на помощь чуть раньше. Точнее, попросила об этом Дмитриева. Было это за год до Олимпийских игр в Лиллехаммере во время предсезонной подготовки. Артур вспоминал тот период так:

- У меня с Москвиным всегда были очень хорошие отношения, поэтому мне не было сложно попросить его о помощи. Он согласился. Было приятно сознавать, что мы с Наташей стали той самой парой, с которой Тамара Николаевна и Игорь Борисович стали работать совместно после известного конфликта. Когда Тамара от нас уставала, а это случалось достаточно часто, она бросала нас на Игоря Борисовича. И уже с ним мы занимались шагами, перестроениями – то есть черновой и одновременно очень творческой работой. Москвин много придумывал, называл себя массовиком-затейником и частенько говорил нам с Наташей так: «Ребятки, а давайте сейчас весело и быстро сделаем вот это...» Такими словами он как бы брал все наше психологическое напряжение на себя. Я только много лет спустя, когда уже сам стал работать тренером, понял, как много Москвин нам дал за тот период.

Потом, когда я стал кататься с Оксаной, Игорь Борисович уже привычно нам помогал. Но тот этап – с Наташей – вспоминается совершенно по особому. На каждую тренировку Москвин приходил с идеей каких-то новых шагов, придуманных ночью, и я отчаянно пытался все эти шаги запомнить. Записывать было лень и за это я корю себя до сих пор.

К тому же Москвин лучше нас всегда справлялся с характером моих партнерш. Действовал на них успокаивающе. Возможно, сказывалась большая разница в возрасте, или же то, что он был мужчиной. Он, как никто другой, умел перевести любую сложную ситуацию в шутку. Если тренер постоянно серьезен, работать с ним довольно тяжело. Игорь Борисович вообще много шутил на тренировках. Говорил, допустим: «Сейчас мы все делаем вот этот элемент, а кто не сделает – тот жалкий нетянучка!» И все бросались выполнять задание.

Такие моменты очень хорошо снимали напряжение, которое у нас в группе было очень велико. Ведь когда ты только идешь к

цели – это одно. А когда ты уже что-то выиграл и твоя задача оставаться на вершине, - это гораздо сложнее. Мысль о том, что нельзя оступиться, гнетет очень сильно. А ведь я в таком состоянии находился больше десяти лет.

- У вас не возникает чувства ревности по отношению к ведущей паре Игоря Борисовича - чемпионам Европы Марине Ельцовой и Андрею Бушкову? – спросила я Артура, когда он с Наташей Мишкутенок стал регулярно прибегать к помощи Москвина. - Все же вы теперь конкуренты. Более того, оставшись в любителях, в каком-то смысле продолжаете перекрывать им кислород?

- Какие могут быть обиды? – искренне удивился Дмитриев. - Если бы Марина с Андреем были сильнее нас, а внимания нам доставалось бы больше, тогда - согласен. Должен сказать, что нам очень повезло с тренером: все пары, которые когда-либо занимались у Тамары Николаевны, всегда, как правило, были в хороших отношениях между собой. Считаешь, что сильнее - выходи на лед и доказывай. А вне катка - что делить-то?

* * *

Личное дело: Ельцова Марина Алексеевна. Родилась 4 февраля 1970 года. Заслуженный мастер спорта России. Специализация – парное катание. Партнер Андрей Бушков.

Бушков Андрей Васильевич. Родился 13 октября 1969 года. Заслуженный мастер спорта России. Специализация – парное катание.

Тренеры – Игорь Борисович Москвин, Наталья Евгеньевна Павлова.

Трехкратные чемпионы России (1992, 1995, 1997). Серебряные призеры чемпионата России – 1996. 4-е место на чемпионате России 1994.

Двукратные чемпионы Европы (1993, 1997). Чемпионы мира-1996. Серебряные призеры чемпионата мира-1997. Бронзовые призеры чемпионата мира-1994.

На Олимпийских играх в Нагано (1998) заняли седьмое место.

На самом деле все было гораздо драматичнее и запутаннее.

Когда Ельцова и Бушков впервые стали чемпионами Европы в 1993-м, я позвонила из Москвы в Хельсинки - поздравить фигуристов и взять у них короткое интервью. К телефону тогда подошла Марина. Помню, меня поразило ее спокойствие в ответах, словно к этой победе она готовилась давно и власть в парном катании захватила надолго.

Москвин тогда сказал об ученице: «С Мариной очень тяжело.

У нее взрывной характер, творческая натура, которая не терпит монотонности. В то же время с ней интересно. Она может интерпретировать на льду любой образ...»

Но всего через год две пары вернувшихся из профи олимпийских чемпионов – Катя Гордеева с Сергеем Гриньковым и Мишкутенок с Дмитриевым - вытеснили Ельцову и Бушкова из сборной, тем самым лишив фигуристов возможности отстаивать свою европейскую корону в Копенгагене.

Марина была тогда, что называется, вне себя. На мой вопрос о правомерности возвращения в любительский спорт профессионалов она довольно резко ответила: «Международная федерация не должна была принимать такое решение. У профессионалов уже был их шанс. Я считаю, что у меня украли Олимпиаду».

Спортсменку сильно задело и то, что Москвин начал работать с вернувшимися в спорт учениками своей супруги, как-то незаметно отодвинув «своих» на второй план.

- Игорь Борисович дал нам блестящую техническую базу, - вспоминала потом Марина. - Но меня не покидало ощущение того, что в своей тренерской жизни он видел и испытал уже все. И что ему временами становится безразлично, выиграем мы или проиграем. Я вообще считаю, что подготовка спортсмена - очень индивидуальный труд. Тренер должен быть только твой, хореограф тоже. Я очень многому научилась у Ларисы Селезневой, когда та вместе с Олегом Макаровым тренировалась в группе Москвина. Но я тогда была со спортивной точки зрения пустым местом. И при этом уже понимала, что Лариса не потерпит рядом с собой никого, кто будет отбирать у нее тренерское внимание. И точно так же понимала, что придет время, когда и я не потерплю такого сама.

Через некоторое время Тамара Москвина предложила Марине занять место Мишкутенок в паре с Дмитриевым.

Когда Бушков узнал о том, что Марина пробуется в партнерши Артуру, у него был шок. Это случилось в 1995-м, накануне чемпионата Европы в Дортмунде. Соответственным образом фигуристы там и выступили – заняли четвертое место, что было равносильно провалу.

До сих пор помню то странное состояние, - вспоминал Андрей. - С одной стороны, я отдавал себе отчет в том, что не пропаду, может быть, устрою свою дальнейшую карьеру ничуть не хуже, чем было в любительском спорте. С другой, я знал Марину. Знал, что она, по сути, очень надежный и преданный человек. Но, бывает, совершает какие-то поступки не думая. И решил не рубить сплеча.

Марине было не легче.

- Тот послеолимпийский год был для нас с Андреем гораздо более тяжелым, чем предыдущие, - говорила она - Мы стали абсолютно чужими, хотя по-прежнему тренировались вместе. Потом Андрей женился, и я чувствовала себя так, как будто меня бросили все: когда долгое время выступаешь в паре, неизбежно развивается инстинкт собственника по отношению к партнеру. Наверное, тогда я наделала немало глупостей. Но потом поняла, что надо или уходить из спорта вообще, или самым срочным образом что-то в жизни менять. Мы поменяли тренера – ушли к Наталье Павловой. Думаю, Игорь Борисович понял нас…

* * *

Как вспоминала потом Павлова, к просьбе чемпионов Европы взять их в свою группу она оказалась совершенно не готова.

- Я сказала тогда ребятам, что прежде всего должна быть уверена, что они урегулировали все свои отношения, в том числе и финансовые, с Игорем Борисовичем Москвиным. Потому что мне были совершенно не нужны разговоры о том, что я увела пару у другого тренера. Тем более – у такого заслуженного. В свое время мы довольно долго работали на одном катке – «Большевик». Причем получилось так, что и я, и он пришли туда из «Юбилейного. Я проходила там самый первый этап своей тренерской карьеры - у Тамары Николаевны. Она сама меня пригласила. Видимо, ей было очень интересно узнать, какими тренерскими приемами владеет Татьяна Тарасова, у которой я каталась почти два года, прежде чем закончить со спортом.

Напрямую Москвина мне об этом не говорила, но почти сразу после того, как я начала работать, сказала: «Делай разминку с моими спортсменами точно так же, как ты делала ее у Татьяны Анатольевны».

У Тарасовой тогда существовали очень специфические наработки тренировочных спаррингов. Вот я и проводила такие спарринги у Москвиной. Что-то придумывала по ходу тренировок свое, но в целом это была конечно же система Татьяны Анатольевны.

Потом я родила ребенка, была вынуждена сделать в тренерской работе перерыв, ну а когда вернулась, получилось так, что стала работать на стадионе «Большевик». Через некоторое время туда же вместе со своими спортсменами перешел Москвин.

Нельзя сказать, что мы часто пересекались, но периодически он меня консультировал. Мне ужасно нравилось – еще в «Юбилейном» - как он работает. При своей абсолютной интеллигентности он всегда был на льду абсолютным диктатором. Его беспрекословно слушались. То, как работали его

спортсмены, казалось мне безумием. Если кто-то ленился или каким-то другим образом выводил Москвина из себя, Игорь Борисович мог и прикрикнуть, а то и пинка дать. Но такое было редкостью. Все работали как одержимые именно потому, что хотели работать.

Москвин каждый день придумывал чуть ли не по десятку различных связок, в которых было наворочено столько всего разного, что я поначалу вообще не могла понять из чего эти связки состоят. С этого он неизменно начинал тренировку – вместо разминки. Это было творчество в чистом виде. Поэтому и работа не казалась такой сложной, как традиционные тренировки. Эти связки фигуристы Москвина катали и отрабатывали постоянно – в подготовительный период, в основной, перед соревнованиями, во время соревнований...

Мне никогда не приходилось о чем-то его спрашивать. Если Игорь Борисович видел, что я что-то делаю не так, всегда подходил сам и говорил, как и что можно попробовать, чтобы получилось лучше. У меня ведь в то время не было никакой тренерской практики: начинать-то тренерскую работу после рождения дочери пришлось с нуля.

Поэтому я и колебалась, прежде чем дать согласие на работу с Ельцовой и Бушковым. Боялась, что просто не справлюсь с такой ответственностью.

Для меня пара такого уровня была совершенно недостижимым уровнем, космическим просто.

Незадолго до того, как Марина и Андрей мне позвонили, я отдала Москвиной свою спортсменку – Оксану Казакову. Она каталась в моей группе с Дмитрием Сухановым, который в 1989-м выиграл юниорское первенство мира с Женей Чернышевой. Но для Казаковой Дима, как партнер, был слабоват. Оксана задавливала его психологически – своим внутренним напором. Помню, я даже сказала ей однажды: «Оксанка, с таким характером – быть тебе олимпийской чемпионкой».

Она была совершенно бесстрашной. Даже безбашенной, я бы сказала. С хорошими прыжками к тому же.

Артур Дмитриев тогда искал партнершу, поскольку летом 1994-го сразу после Игр доброй воли Наташа Мишкутенок ушла из спорта. Вот я и сказала ему: «Попробуй». Понимала, что Оксане придется очень много работать, чтобы удовлетворять всем требованиям партнера такого уровня, но была уверена, что у них получится. Просто «видела» эту пару.

Было это сразу после чемпионата России 1995 года - в самом начале января, когда Ельцова и Бушков еще катались у Москвина. Казакова тогда очень хорошо отнеслась к моей идее. У нее ведь

никаких других вариантов не было. Помню, мы сидели у меня дома на кухне и все это обсуждали. Там я и пообещала Оксане, что сделаю все ради того, чтобы она встала в пару с Артуром. Было очень жалко отдавать сильную спортсменку. В то же самое время я понимала, что держать ее в своей группе не имея возможности найти достойного партнера – тоже не выход.

Москвина первоначально была против кандидатуры Казаковой. Я знала об этом от Артура. И просто-таки задалась целью сделать все возможное для того, чтобы Тамара Николаевна переменила свое мнение. Мы с ребятами тренировались в каких-то парках, приходили по ночам в Юбилейный, чтобы показать уже «готовый» продукт. И в результате Москвина дала «добро».

* * *

Год спустя Казакова и Дмитриев выиграли чемпионат Европы в Софии. Комментируя их победу, Москвина, казалось, вообще не испытывала никаких эмоций:

- Пока рано делать какие-то выводы - у нас было не так много времени. Хотя то, что я уже вижу в исполнении ребят, мне нравится. Тренироваться вместе Оксана и Артур начали, по существу, только в мае. Решение поставить их в пару было принято в конце зимы, но на одной из первых тренировок ребята вдвоем упали при исполнении подкрутки, причем Оксана разорвала связки на ноге. Правда, выяснилось это далеко не сразу: она молчала как партизан - боялась, что мы узнаем, что травма серьезная, и откажемся от нее. Тем более что кандидаток на это место было много.

Артур, как мне кажется, именно тогда почувствовал, что у Оксаны очень сильный характер и безропотно соглашаться на роль ведомой она не станет. Значит, играть роль ведущего ему становится гораздо сложнее.

Из всех учеников, что когда-либо у меня были, Дмитриев – самый большой талант. Редкий. Мог выполнить что-угодно, что бы я не предлагала. Причем не просто делал все элементы, но прежде всего исходил из потребностей партнерши, чтобы ей было удобно кататься.

На соревнованиях Дмитриев катался не просто безошибочно, а я бы сказала нахально безошибочно. О таких спортсменах принято говорить «Плюс старт». Так вот у Артура было плюс три старта.

Другое дело, что в 1994-м он наверняка не знал - просто не мог знать, - насколько трудно все начинать с нуля, имея за спиной кучу заслуг и титулов. Я-то так или иначе привыкла периодически оставаться у разбитого корыта: именно такое чувство испытываешь, когда уходят чемпионы и тебе в полной

мере дают почувствовать, что ты - никто.

Работать не в России, а за границей с иностранцами мне никогда не было так интересно, как дома. Когда нет абсолютного контакта со спортсменом, а есть только обучение технике катания, чувствуешь себя просто наемной рабочей силой. Чувство, надо сказать, крайне неприятное. Во всяком случае, для меня. А просто зарабатывать деньги я никогда не рвалась. После Игр в Лиллехаммере мы сознательно отказались от очень выгодного и, главное, долговременного контракта в США. Решили, что наша идея нас привлекает больше. Хотя, когда Артур начал работать с Оксаной, у нас пошли бешеные расходы: на костюмы, на сборы, на витамины... Если выражаться языком бизнеса, это своего рода инвестиция. Которая, надеюсь, окажется выгодной для всех.

Объективно говоря, среди нынешних фигуристов я не вижу никого, с кем нельзя было бы бороться. Возможно, не сейчас, через год, но это вполне реально. А пока надо только работать. Жаль, что у меня сейчас нет второй пары. Работать с двумя намного интереснее. Можно пробовать более разнообразную музыку, элементы. Различный стиль катания. А главное - в группе идет непрерывная конкуренция. Именно из этих соображений я исходила, когда приглашала к себе латвийских фигуристов Елену Бережную и Олега Шляхова. К сожалению, чуть позже Лена получила очень серьезную травму…

* * *

Со стороны переход Казаковой к Москвиной, а Ельцовой и Бушкова – к Павловой выглядел тогда самой обычной бартерной сделкой. Хотя на самом деле в отношении Марины и Андрея так просто-напросто распорядились обстоятельства. Фигуристы позвонили Павловой сразу после чемпионата мира-1995, где, как и в Дортмунде, заняли лишь четвертое место. Не получив согласия, обратились к другому тренеру – Елене Чайковской. Та тоже ответила отказом, но почти сразу перезвонила Павловой: «Возьми ребят».

- Я колебалась еще и потому, что Ельцовой и Бушкову нужно было срочно ставить новые программы, придумывать для них какие-то новые элементы, менять стиль катания. Неприлично же взять чужую пару и выводить ее на лед с программами, которые до тебя поставил другой тренер? – говорила Наташа.

По поводу своих взаимоотношений с Москвиным Марина и Андрей, заметив колебания новой наставницы, высказались коротко: «Не волнуйтесь на этот счет. Нас уже списали, так что мы никому не нужны».

На чемпионате Европы в Софии – том самом, где победила

новая пара Москвиной, Ельцова и Бушков получили очередное четвертое место, зато через два месяца стали первыми на мировом чемпионате в Эдмонтоне. В интервью после победы Марина призналась:

- Этот год очень меня изменил. Я стала по-другому смотреть на людей. Стала понимать, что если проигрываю, то это не повод злиться на соперника. Виновата прежде всего сама. У нас замечательно улучшились отношения с Андреем. Я поняла, что у меня никогда не будет больших единомышленников, чем партнер, тренер, вся наша бригада. Что этими отношениями надо дорожить. А главное, у меня появилось желание добиться еще большего. И уверенность, что я могу это сделать.

В следующем сезоне Ельцова и Бушков второй раз в своей карьере стали чемпионами Европы. Соревнования получились тяжелыми, поскольку за месяц до них Андрей потянул внутренние связки колена, несколько дней не мог нормально ходить, и тренировки, оставшиеся до начала чемпионата, можно было легко пересчитать по пальцам. Естественно, и спортсмены, и тренер были абсолютно счастливы результатом. Но после награждения Бушков вдруг сказал:

- Когда мы впервые стали чемпионами Европы в 1993-м, мне казалось, что это - предел мечтаний. Я был страшно удивлен, впервые приехав в Америку, тем, что американцы не имеют ни малейшего понятия, что такие соревнования существуют. Так, мелочь - средний турнир. Там ценят первых, но в том случае, если речь идет об Олимпийских играх или по крайней мере о чемпионате мира. Сейчас у нас с Мариной по два европейских золота, и мы прекрасно понимаем, что победа в Париже - очень тяжелый, но тем не менее проходной этап.

Заключительная дуэль сезона – чемпионат мира в Лозанне – тоже остался за учениками Павловой. Ельцова и Бушков получили серебро, Казакова и Дмитриев – бронзу.

Светлая полоса прервалась в самый неподходящий момент. В олимпийском сезоне Марина с Андреем выиграли чемпионат России и ехали на чемпионат Европы в статусе первой пары страны. А перед финальным выступлением у Бушкова сломался конек. Поменять его не было никакой возможности: Андрею подходили по размеру только коньки Дмитриева, но Артур сам готовился выступать. В результате фигуристы были вынуждены сняться с соревнований.

Вернувшись домой, Павлова узнала, что за ее спиной вовсю идут разговоры о том, что конек был сломан специально – из-за боязни проиграть уже двум парам Москвиной: в качестве спарринга в бригаду знаменитого тренера добавились Елена

Бережная и Антон Сихарулидзе.

Потом были сборы в Новогорске, где Ельцову и Бушкова каждый день заставляли катать программы на глазах у наблюдателей из федерации фигурного катания. Марина плакала, пыталась скандалить, даже падала в обморок, не выдерживая постоянного стресса. Андрей молчал, переживал все в себе, но и он был на грани срыва.

На Олимпийских играх в Нагано пары Москвиной разыграли между собой золото и серебро. Ельцова с Бушковым остались седьмыми.

Во всех своих бедах Павлова тогда винила более удачливую коллегу. И лишь десять с лишним лет спустя сказала мне:

- Иногда я думаю, что тренеры и спортсмены, которые умеют добиваться олимпийских побед, - это совершенно особенная порода людей. Когда они видят цель, то идут к ней, не сворачивая и не глядя под ноги. А что там, под ногами – живые люди, горные пики или раскаленные угли, не имеет для них никакого значения.

На эту тему мне как-то довелось беседовать и с Москвиным.

- Скорее всего Тамара даже не допускает мысли, что выше может оказаться не ее пара, - сказал он. - Не могу сказать, как именно она пережила бы проигрыш, просто не знаю. Она абсолютно верит во все то, что делает. А все, что делает, делает хорошо и до конца. Таков ее характер.

Совершенно иначе после победы в Нагано выразился о тренере Дмитриев.

- Я бы сказал, что у Москвиной практически нет слабостей, но при этом человек она очень мягкий. По отношению к ученикам. Больше всего мне нравится, что она постоянно меняется. Старается иначе думать, по другому подходить к решению каких-то задач. Заставляет себя поступать так, как считает нужным в той или иной ситуации, но становится менее категоричной. Я всегда был убежден в том, что взрослый человек не может сильно измениться. Но Москвина - исключение.

- В вашем характере есть какие-то черты, взятые у Москвиной?

- Я пытался научиться ее организованности. Но у меня не получилось...

Глава 15. БОЛЬШОЙ СПОРТ И БОЛЬШОЙ БИЗНЕС

Личное дело: Елена Бережная. Родилась 11 октября 1977 года. Фигурным катанием начала заниматься в четыре года. Заслуженный мастер спорта России. Специализация – парное катание.

После того, как в 1987-м не прошла отбор в школу ЦСКА у Станислава Жука, тренировалась в Риге (партнер Олег Шляхов). Трижды выступала в паре со Шляховым на чемпионатах Европы и мира (1993-95).

Второй партнер – Антон Сихарулидзе.

Награждена орденами Дружбы и Почета.

Антон Сихарулидзе. Родился 25 октября 1976 года.

Заслуженный мастер спорта России. Серебряный призер первенства мира среди юниоров (с Марией Петровой) 1993 год. Двукратный чемпион мира среди юниоров (с Марией Петровой) 1994/95 год.

В дуэте в Еленой Бережной: четырехкратный чемпион России (1999-2002). Двукратный чемпион Европы (1998, 2001). Бронзовый призер чемпионата Европы-1997.

Двукратный чемпион мира (1998-99). Серебряный призер чемпионата мира-2001. Серебряный призер Олимпийских игр в Нагано (1998). Олимпийский чемпион-2002 (Солт-Лейк-Сити).

Награжден орденами Дружбы и Почета.

Председатель комитета Государственной Думы по физической культуре и спорту.

10 января 1996 года на редакционный факс «Спорт-Экспресса» пришла коротенькая заметка из Риги: «Вчера во время тренировки была тяжело травмирована латышская фигуристка Елена Бережная. При выполнении параллельного вращения партнер - Олег Шляхов - пробил ей височную часть головы лезвием своего конька. Фигуристку срочно доставили в больницу. Врачи оценивают ее состояние, как крайне тяжелое…»

Тогда я уже знала, что на пару Бережная - Шляхов имеет самые серьезные виды Тамара Москвина. У нее уже готовились к очередным Олимпийским играм Оксана Казакова и Артур Дмитриев, и тренер очень хотела создать в группе нечто вроде конкуренции.

Бережная и Шляхов прекрасно зарекомендовали себя на чемпионатах Европы и мира 1995 года (многие отметили, что с технической точки зрения программа латышской пары - одна из сложнейших), обошли даже двукратных чемпионов мира среди юниоров, россиян Марию Петрову и Антона Сихарулидзе. Когда случилась трагедия, Москвина немедленно вылетела в Ригу. А чуть позже, на чемпионате Европы в Софии, сдержанно поведала, что операция Бережной прошла успешно, но состояние по-прежнему остается тяжелым: из-за того, что конек повредил оболочку мозга, у Лены нарушена речь. Тогда же Москвина сказала: «Думаю, Лена сможет кататься. Несколько лет назад подобная травма случилась у немецкой фигуристки Мэнди Ветцель. Она ведь вернулась в спорт!»

В апреле 1996 года я узнала, что Бережная снова катается. С Антоном Сихарулидзе. У Москвиной.

- Когда Лену привезли после травмы в Санкт-Петербург, мы сели с Антоном и я прямо ему сказала: при такой травме нельзя прогнозировать никакое спортивное будущее, - рассказывала Тамара. - Когда Бережная каталась со Шляховым, ее мало того, что держали «на поводке», но главное - не давали на руки паспорт. Знаю, что Олег бил ее, держал запертой в квартире – там много всего было. И мы, помню, обсуждали, как раздобыть паспорт и просто сбежать из Латвии. Сама Лена тогда очень хотела кататься с Антоном.

Но после того, как случилась травма, я сказала, что наша задача - девочку просто физически поднять. Чувствовала моральную ответственность. Сказала сама себе: «Тамара, иначе ты будешь нелюдь».

И семья Антона, и мы с Игорем делали для этого все возможное. И кататься-то, собственно, Лена начала потому, что так посоветовал врач. Сказал, что вытащить ее можно только через привычную обстановку. Она ведь даже не разговаривала.

Игорь очень активно в этом участвовал, постоянно следил за Леной, заботился о ней. Когда он тренировал своих спортсменов, ему не было свойственно чересчур заботиться о них вне тренировок. Хотя с другой стороны, в те времена было гораздо больше сборов. И там он общался со спортсменами очень тесно.

* * *

Уже через год после травмы Москвина обыденно рассказывала журналистам, что нисколько не сомневалась в полном выздоровлении фигуристки. Лечением занимались лучшие специалисты-медики, они же наблюдали Лену на всех этапах тренировок, давали рекомендации. На чемпионате Европы в Париже - всего через год после травмы - Бережная выглядела замечательно. Она почти ничего не говорила на пресс-конференциях, но это с лихвой окупалось разговорчивостью партнера и тренера. Естественно, никому не приходило в голову спрашивать о событиях годичной давности. Хэппи-энд был налицо. Но до него было и другое.

Лена ужасно комплексовала тогда, - рассказывал Антон Сихарулидзе. - Представьте себе, как может чувствовать себя молодая девушка, у которой не растут волосы, и которая в довершение ко всему не может разговаривать. Для того, чтобы восстановилась речь, врачи посоветовали читать Лене вслух. Мы и читали ей книжки целыми днями - все, что попадались под руку. От женских модных журналов, до классики. В апреле - через три месяца после операции - врач разрешил вывести Лену на лед. Мы взялись за руки и поехали. Очень медленно и осторожно.

У меня, помню, проскользнула мысль: «А вдруг Лена сможет года через два - три начать тренироваться по-настоящему?» - но я ее тут же отогнал. А потом все стало получаться само собой: простенькие элементы, вращения. Было очень страшно. Особенно - решиться на поддержки. Я прекрасно понимал: если не дай бог уроню Лену - это конец...

Больше других этих тренировок боялась Москвина. Страх опытного тренера был понятен: она не имела права показать, что сомневается, но в то же время прекрасно понимала, что в азарте спортсмены часто способны увлечься, самостоятельно увеличить нагрузки. Чего Бережной категорически нельзя было делать.

Но уже к началу следующего сезона в группе, где на ведущих ролях уже были чемпионы Европы Оксана Казакова и Артур Дмитриев, возникли настоящие проблемы: из экспериментальной

пары Бережная и Сихарулидзе понемногу становились конкурентами лидерам. Особенно ясно это стало еще через год - перед Олимпийскими Играми в Нагано.

У Казаковой и Дмитриева дела тогда не очень ладились. Многие даже говорили, что, мол, напрасно, расставшись со своей прежней партнершей Натальей Мишкутенок Артур решился на то, чтобы попробовать еще раз выиграть Олимпиаду - с неопытной Оксаной. В то же время отмечали, что стиль Бережной и Сихарулидзе очень напоминает катание легендарной пары, двукратных олимпийских чемпионов Екатерины Гордеевой и Сергея Гринькова. К акварельной мягкости скольжения и линий Москвина добавила свою неповторимую изобретательность.

Помню, я как-то спросила, каким образом тренер ухитряется делить свое внимание между двумя равнозначными по силе дуэтами, и услышала: «Я никогда не делю своих фигуристов на сильных и слабых. Готовлю к победе всех сразу. Кто из них на самом деле станет чемпионом, зависит только от спортсменов».

В отличие от большинства своих коллег Москвина всегда отличалась умением предельно рационально рассчитать путь своих воспитанников к золотым медалям. Однако до Игр в Солт-Лейк-Сити тренеру было значительно проще: у ведущей пары в группе Москвиной всегда имелись равноценные спарринг-партнеры, и было ясно: споткнутся одни - выиграют другие.

Так произошло в олимпийском Альбервилле-1992, где чемпионами стали Артур Дмитриев и Наталья Мишкутенок, а серебро получили Елена Бечке с Денисом Петровым. Похожий сценарий был разыгран в 1998-м в Нагано: Дмитриев одержал победу с Оксаной Казаковой, а Бережная и Сихарулидзе стали вторыми.

После тех Игр первая пара Москвиной ушла в профессионалы. Вторая осталась в одиночестве. Для тренера это означало лишь одно: в подготовке Елены и Антона на протяжении следующих четырех лет не должно быть сделано ни единого неверного шага.

С этого момента жизнь спортсменов пошла по самому настоящему, тщательнейшим образом продуманному, бизнес-плану.

В 1999-м, Бережная, Сихарулидзе и супружеский тандем Москвиных улетели из Санкт-Петербурга в американский Хакенсак - пригород Нью-Джерси. Хотя всего за год до этого Москвина упорно твердила, что из родного Питера не уедет за границу никогда. Отъезд был воспринят окружающими с сожалением: вот, мол, и еще один блестящий специалист перебрался в США в поисках лучшей жизни. Но в начале 2000-го,

когда мы с Москвиной встретились на чемпионате Европы в Вене, она вмиг отмела сантименты:

- Почему-то никому не приходит в голову, что следующие Олимпийские игры пройдут в Америке. И думать об этом нужно уже сейчас. Для начала необходимо сделать Лене и Антону максимальную рекламу в этой стране. Чтобы их знали, чтобы за них болели. Если бы такой задачи не было, неужели я не нашла бы возможность обеспечить своим спортсменам полноценную подготовку дома?

* * *

Москвина первой из российских тренеров решилась стать менеджером своих ушедших из любительского спорта пар. Пошутила однажды: «Мне было легче осваиваться в этой профессии, чем кому бы то ни было. С хозяевами различных американских туров и шоу меня связывает многолетняя дружба. Многое они мне рассказывали, еще когда я каталась сама. Кому могло прийти в голову, что я когда-то сумею воспользоваться этими секретами?»

- Я начала заключать контракты со своими спортсменами с 1992 года, - рассказывала Тамара, – Тогда Мишкутенок/Дмитриев и Бечке/Петров собирались переходить из любительского спорта в профессиональный, в марте – через месяц после Олимпийских игр в Альбервилле - мы поехали на чемпионат мира, именно перед тем чемпионатом эти контракты я и заключила. Заранее договорилась с юристом, он составил необходимые бумаги, которые мы подписали.

Как оказалось – вовремя. Через два часа ко мне пришел Артур Дмитриев и сказал, что к нему обратился Олег Васильев с предложением вести их с Наташей пару, как агент. Наутро с той же самой информацией ко мне пришла Лена Бечке.

- Это говорит лишь о том, что Олег оказался хорошим учеником.

- Да. Если бы он стал агентом моих спортсменов, то все дивиденды за работу, которую провела я, достались бы ему. Олег ведь и сам был моим клиентом. Мы работали без контракта, но определенные договоренности были. В принципе он действовал правильно. Понимал, к чему идет фигурное катание. Я сама его многому учила. Всегда обсуждала все коммерческие предложения со своими учениками, объясняла детали, рассказывала, где их могут обмануть, как это проверить, как заключаются «двойные» контракты и как проверить, не ведет ли агент двойную игру.

Этому я сама научилась, когда ездила в туры. Много разговаривала с другими агентами. Когда едешь несколько часов в автобусе, легко завести любой разговор с кем угодно. Я

слушала, делала выводы, училась. Понимала, что у нас, для начала, было множество иллюзий по поводу устройства спорта на Западе.

Иностранные тренеры никогда не понимали, зачем мы ездим в эти туры вместе со спортсменами, вместо того, чтобы поехать в отпуск. А для нас это помимо всего прочего была возможность дополнительно заработать. Потому что организаторы тура платили тренерам по 30 долларов в день. Еще и кормили при этом, возили на экскурсии, приглашали в театры. А где мы могли тогда заработать по 30 долларов в день? Нигде!

К тому же туры предоставляли отличную возможность в спокойной обстановке поразмышлять о будущем своих спортсменов, придумать какие-то программы на следующий сезон, составить планы. Едешь по Америке, думаешь о каких-то отвлеченных вещах, смотришь, как выступают другие - своего рода творческий отпуск.

- Как вам пришло в голову стать менеджером?

- Когда Лена Валова и Олег Васильев выиграли в 1984 году Олимпийские игры в Сараево, я стала интересоваться, какие компании занимаются устройством фигуристов в шоу. Просила, чтобы меня знакомили с нужными людьми, расспрашивала этих людей, как ведется переписка, сколько стоят их услуги. Тогда это стоило от 18 до 25 процентов. Мы сели с Леной и Аликом и обсудили, стоит ли платить эти деньги посторонним людям.

Среди моих знакомых была американская женщина-юрист, которая преподавала право в одном из американских университетов. Она научила меня правильно «читать» контракты - обращать внимание на определенные детали. Растолковывала, что и как нужно просить, свела с финансистами. Когда я стала составлять контракты с учетом всех этих вещей, то заметила, что относиться ко мне, как к менеджеру, американцы стали с уважением. Видимо, увидели, что я веду себя грамотно. Если я узнавала, что в каких-то других контрактах есть пункты, которых нет у меня, тоже начинала разведывать, что к чему.

Довольно быстро поняла, что контракты на длительные выступления выгоднее, нежели «разовые». Но в этом случае надо, естественно, идти на определенные уступки. И понимать, что в любом туре американцы всегда стоят дороже, но иностранцы там тоже должны быть. Причем не столько титулованные, сколько интересные. Поэтому программы своим ученикам я ставила с учетом этих требований.

Все мои спортсмены оплачивали только мою тренерскую работу. Все остальное я делала для них бесплатно. Зато когда они заканчивали карьеру, то все равно оставались моими клиентами.

Не потому что были связаны контрактом, а потому что им нравилось, что всегда есть предложения, заработок, всегда улажены все формальности, сделаны визы, куплены билеты – и так далее. С одной стороны, я делала больше работы, чем подразумевали тренерские обязанности, с другой - всегда знала, что держу ситуацию в своих руках. Ведь между тренером и агентом всегда существует конфликт. Агент заинтересован в том, чтобы выступлений, с которых ему идут отчисления, было как можно больше, а тренер заинтересован прежде всего в спортивном результате. И в том, чтобы всевозможные показательные выступления не мешали этого результата добиваться.

Соответственно, приходилось постоянно прикидывать, что выгоднее: заработать здесь и сейчас, или отказаться от сиюминутного заработка ради того, чтобы в будущем получить больше.

Такие вещи тоже всегда проговаривались со спортсменами. Я хотела, чтобы все решения шли от них, а не от меня. Давить на взрослых людей в моем представлении неправильно. Да и потом, как сказал один из американских продюсеров, контракт - это бумажка, условия которой выполняешь только в том случае, если хочешь их выполнять. Если не хочешь, в любой момент можно найти способ уклониться.

Эта тактика оказалась очень правильной. Однажды у меня закончился контракт со спортсменами, и я решила не напоминать им о продлении, а подождать, какое они сами примут решение. Я вполне допускала, что выбор мог быть сделан не в мою пользу. Все-таки в фигурном катании большинство агентов – американцы и этот факт способен вызвать колебания у кого угодно.

Я ждала тогда месяц. А в начале второго месяца спортсмены мне позвонили и довольно обеспокоенно спросили: мол, вы собираетесь нами заниматься? Когда контракт-то будем подписывать?

- Когда вы успели выучить язык?

- В школе учила немецкий, но недолго. Вскоре меня перевели в другую школу, где преподавали английский. То есть толком я не знала ни того, ни другого. В 1960-м мы с Лешей Мишиным и Игорем Борисовичем поехали на наш первый чемпионат Европы в Гармиш-Партенкирхен. Там я и поняла, что без языка нельзя. Не спросить ни как куда пройти, ни где что находится. Когда вернулась в Питер, первым делом поступила на государственные курсы английского языка. Попасть туда было сложно, но я нахально сказала, что я – фигуристка, и меня взяли. Можно сказать - по блату.

У меня был совершенно прекрасный педагог. Она в свое время работала в Каире в российском посольстве. Когда я уезжала на сборы или соревнования, брала у других студентов все задания и училась самостоятельно.

Через некоторое время я познакомилась на одном из турниров с англичанкой Салли Энн Стэплфорд. Она всегда приезжала с книжками Агаты Кристи. И с мамой. Они обе эти книжки постоянно читали. Салли как-то увидела, что я рассматриваю обложки – а там пистолеты, трупы, кровь – и спросила: «Хочешь, я отдам тебе книжку, когда прочитаю?»

Вот эти книжки я и читала. С Салли у нас даже бартер образовался: она мне привозила детективы, а я ей – баночки черной икры, хохломские деревянные ложки и плошки...

Потихонечку слух о том, что я говорю по-английски, стал распространяться. Ко мне с какими-то вопросами начали обращаться иностранцы, да и для своих переводила постоянно. Я ж всегда очень разговорчивой была - как моя мама. К тому же очень быстро поняла, что в западном мире хвастовство – это и есть реклама. Приехала я допустим куда-то за границу – кто меня там знает? Значит, чем больше буду сама про себя рассказывать, чем больше информации дам окружающим, тем быстрее люди заинтересуются мной и моими спортсменами. В том же парном катании есть немало хороших тренеров. Но журналисты обращаются чаще ко мне. Почему? Потому что знают, что я всегда буду с ними разговаривать.

Я вообще много делаю такого, что не влечет за собой прямой выгоды. Но потом неизменно пригождается. К тому же такая активность интересна мне самой. Сейчас я приезжаю в Америку и на всех уровнях чувствую себя в своей тарелке. Знаю проблемы, знаю, как подойти к тому или иному человеку, как построить разговор. Мне нравится, что со мной общаются люди самых разных слоев. И отнюдь не потому, что я великий тренер.

- Насколько публичен ваш муж?

- Игорь всегда с удовольствием общался с окружающими. Но при этом никогда не стремился к публичности. А это нужно делать. Потому что публичность способствует достижению результата. Она превратилась в обязательную часть работы. Либо ты занимаешься этим сам, либо нанимаешь специального менеджера.

Когда мы оказались в Америке, я даже пошла в фирму, которую через своего мужа мне рекомендовала Робин Вагнер. Стоимость услуг пиар-менеджера составляла 5 тысяч долларов в месяц – с гарантией определенного количества публикаций в таких журналах, как Elle. При этом фирма не давала никаких

гарантий, что это действительно поднимет популярность спортсменов, поможет найти спонсоров и так далее.

Я очень внимательно изучила тот контракт и пришла к выводу, что нанять такого менеджера на полгода означает просто выбросить на ветер 30 тысяч долларов.

- Как вы думаете, кому в Америке было тяжелее – вам, или Игорю?

- Конечно мне. Потому что на мне лежала вся организация жизни. Нашей с Игорем, Оксаны Казаковой с Артуром Дмитриевым, которые к тому времени начали кататься в профессиональном спорте, Лены Бережной с Антоном Сихарулидзе... Все же были без языка. А там - налоги, аренда жилья, оплата счетов, переезды, автобусы, машины... А еще ж нужно было работать. Плюс – организовывать контракты на выступления в шоу, в соревнованиях, контактировать с администрацией катка.

Поэтому когда после Игр в Солт-Лейк-Сити мне предложили взять к себе Таню Тотьмянину и Максима Маринина, я поняла, что не смогу этого сделать. Просто не потяну.

* * *

В декабре 1999-го, когда группа Москвиных уже прочно обосновалась в Хакенсаке, я оказалась там проездом и решила заглянуть на каток. И сразу же стала свидетелем семейной сцены. «Игорь, подожди немного, сейчас отвезу домой, дождь на улице», - убеждала Тамара Москвина мужа. «Вот еще! - следовал нарочито ворчливый ответ. - У тебя журналисты - ну и занимайся ими. Можно подумать, у меня нет своего транспорта».

«Транспорт» стоял здесь же, пристегнутый за раму к стенке. Москвин, церемонно распрощавшись на пару часов, вывел велосипед под дождь и неторопливо покатил по улице. Москвина же осталась на катке. Одна из ее пар – американцы Киоко Ина и Джон Циммерман была на льду, а Бережная и Сихарулидзе должны были появиться несколькими часами позже. В Хакенсаке был обычный рабочий день.

- Вы здесь? - Москвина неожиданно появилась из-за стеклянной двери. - Пойдемте скорее, познакомлю с директором катка.

По пути на второй этаж я была представлена молодой американке Кэрол Радел, издающей бюллетени, посвященные Бережной и Сихарулидзе. Затем Москвина перехватила жену Артура Дмитриева, известную в прошлом гимнастку-художницу, а впоследствии - хореографа группы Татьяну Дручинину и отправилась с ней разговаривать, сдав меня на руки представительному американцу: «Это Том Гарсиа. Директор и

наш благодетель».

В кабинете директора царил легкий сумбур. «Рождество, - пояснил хозяин. - Не обращайте внимания».

- Почему вы решили пригласить к себе русского тренера? - с ходу поинтересовалась я.

Директор задумался.

- Сейчас мне кажется, что все просто удачно для нас сложилось. Каток был построен в январе 98-го. Знаете, в Америке бум коньков. Даже НХЛовские клубы медленно, но верно расползаются по самым южным районам. Особенно популярны детские школы. Я не ожидал, что так много людей хотят прийти на каток и просто покататься в свое удовольствие. Но ведь должна быть и реклама. Поэтому я решил, что было бы хорошо заполучить к себе тренера с мировым именем. И тут случайно узнал, что Тамара ищет место для тренировок. Так получилось, что Игорь, ее муж, приехал в Хакенсак раньше и какое-то время жил у нас дома. Они удивительные люди. Несмотря на различия в культуре и традициях между нашими странами, нам было очень легко вместе. Знаете, бизнес есть бизнес, но при этом очень важно чувствовать, что с партнером тебя связывают не только деловые отношения, но и человеческая симпатия. Поэтому я делаю все от меня зависящее, чтобы Москвиным не захотелось уехать куда-то еще.

Там же, в Хакенсаке я услышала от Москвиной:

- Америка учит бизнес-поведению лучше, чем любая другая страна. Это касается не только тренировок, но и отношений с людьми, которые помогают добиваться результата, с прессой, с представителями шоу-бизнеса, которым в США является профессиональное фигурное катание. Я прилагаю очень много сил, чтобы не просто научить Лену и Антона побеждать, но и выработать у них соответствующую психологию.

Тогда в Хакенсаке Бережная и Сихарулидзе только начинали по-настоящему становиться профессионалами. Деньги, заработанные фигуристами после Игр в Нагано (там фигуристы завоевали серебряные медали), позволили им поселиться в самом престижном доме города. Платить за квартиру приходилось более тысячи долларов в месяц, но Москвина одобрила выбор жилья («Они элитные спортсмены и должны чувствовать это сами. Даже когда речь идет о бытовых мелочах».)

В Хакенсаке у фигуристов родилось кредо: «Надо не экономить, а зарабатывать». В американскую жизнь они вливались с удовольствием: Лена обставила квартиру очаровательной, тщательно подобранной антикварной мебелью, сделав жилье очень теплым и уютным, Антон первым делом

приобрел огромный плазменный телевизор. Оба выучили язык, получили водительские права, обзавелись роскошными - по российским меркам того времени - «лексусами».

Когда я поинтересовалась у Москвиной, почему для подготовки своих спортсменов к Играм в Солт-Лейк-Сити она выбрала крошечный пригород Нью-Джерси, тренер ответила:

- Незадолго до того, как я всерьез задумалась о переезде в США, мы были на показательных выступлениях в Бостоне. И как-то за завтраком я встретились со своей давней приятельницей Робин Вагнер и ее мужем. Муж у нее бизнесмен и юрист. Сейчас он - финансовый консультант американской федерации фигурного катания, входит в Совет федерации, ведет всю финансовую политику. Сама Робин тогда работала с Сарой Хьюз – как раз в Нью-Джерси. Муж Робин и предложил мне подумать о работе на этом катке. Вполне возможно, что он просто искал интересную компанию для жены. Зарабатывать деньги тренерством ей не было никакой нужды, поскольку она и без этого очень состоятельная женщина, так что работала она исключительно ради собственного удовольствия.

В Колорадо-Спрингс, куда мы с Игорем и спортсменами приезжали много лет на сборы, нам могли предложить только сдельную работу. Перелет должны были оплачивать мы сами, проживание – тоже. То есть жили бы, как и раньше, в семье знакомых, но все равно платили какие-то деньги. А кто бы принял моих ребят? Никто.

Колорадо к тому же далеко. Туда неудобно и дорого добираться. И выбираться оттуда сложно. А Нью-Джерси – практически центр. До Нью-Йорка рукой подать, одних аэропортов три штуки.

Мы сразу сняли там хорошую квартиру, поскольку контракт вполне позволял такие траты. Мы были единственными, кому платили не за конкретную тренировочную работу, а за рекламу нового катка. Я, естественно, при каждом удобном случае везде упоминала, где именно мы работаем, что это за каток, рассказывала, какой он замечательный.

На катке в Хакенсаке к нам прекрасно относились. Как к иностранцам. Свои тренеры – это ведь всегда наемная сила. Перечить хозяевам нельзя, нарушать правила нельзя - сразу могут уволить. Ходишь по струночке. А мы...

Доходило до смешного. Первые годы когда я приезжала с соревнований, по факсу или телефону сообщала директору катка номер рейса. И он всегда лично приезжал за мной в аэропорт. Лишь через два года я поняла, что веду себя довольно вызывающе, срывая человека с работы когда мне нужно и

вынуждая его полтора-два часа тратить на дорогу в аэропорт.

Но директор никогда не говорил мне ни слова. И уважительно-предупредительное отношение по отношению к нам с Игорем со стороны всех его сотрудников я чувствовала всегда.

На каток нельзя было, например, приносить собственную еду. Даже специальное объявление на этот счет висело. Мы поначалу этого не знали. Брали с собой бутерброды с икрой, конфеты. Один раз я обратила внимание на то, что старший тренер нашей школы сидя за столом иногда наклоняется над выдвинутым ящиком своего стола и что-то жует. И запах копченой колбасы – на всю комнату. Я не выдержала однажды и говорю: «Крэг, дай колбаски, так вкусно пахнет...»

Он и сказал, что если кто-то узнает, что он ест на рабочем месте, его тут же выгонят. А мы думали, что он – просто жадина.

В Хакенсаке у меня был свободный доступ к директорскому телефону, можно было звонить, куда захочется. Был бесплатный интернет, свой стол, отдельный офис, бесплатный кофе – в общем, куча мелких привилегий. Мы не обязаны были платить катку комиссионные за то, что используем общие помещения дворца – коридоры, парковку. По правилам, если какой-либо тренер занимался со своими фигуристами в этих местах – делал разминку или отрабатывал поддержки – он был обязан за это платить. Нам же никто ни разу не сказал ни слова. То есть своих тренеров там держали в черном теле.

Когда я с Бережной и Сихарулидзе вернулась в Хакенсак после каких-то соревнований, которые Лена с Антоном выиграли, то месяц спустя как-то спросила директора, почему нас мэр города к себе не приглашает? Казалось бы – предвыборная компания в разгаре. И по его реакции поняла, что в Америке это просто не принято. Тем не менее, когда мы собирались уезжать на Олимпийские Игры в Солт-Лейк-Сити, директор катка устроил специальный прием, куда пришли сенаторы, другие влиятельные люди. И вот тогда нас проводили уже торжественно.

Контракт с катком был у нас подписан на 4 года и, когда он закончился, продлевать его с нами уже не стали – предложили остаться и работать на общих основаниях. Сдельно.

Работать с утра и до вечера чтобы продолжать безбедно жить в США мы не захотели. Да и цели такой никогда не было – там остаться. Дети наши тоже в Америку никогда не стремились.

В 2006-м После Игр в Турине нас звали в США для развития парного катания. Но мы отказались. Потому что это предполагало, что постоянно жить мы будем в Колорадо-Спрингс, мне придется ездить по стране и смотреть, где что происходит, а Игорь был бы вынужден оставаться дома и постоянно просить

кого-то отвозить его на каток. Зачем?

- Муж знает, что вам делали такое предложение?

- Да, мы обсуждали это дома. И решили, что ради заработка, работая только с чужими спортсменами, ехать туда не стоит. Тем более что в Америке тренер не имеет по большому счету никакого влияния. Это в России я – всем известная Москвина. А в США любой тренер – это обслуга. Там главный – спортсмен. Тебе принесли деньги, и ты, как миленький, надел коньки и пошел на лед заниматься с тем, кто заплатил. Завтра твой спортсмен захотел взять уроки у другого специалиста – и ты остался у разбитого корыта.

* * *

Одержать единоличную победу на Играх в Солт-Лейк-Сити Бережной и Сихарулидзе, как известно, не удалось. Фактически они выиграли – обошли канадцев Джеми Сале и Давида Пеллетье одним голосом. Но после протеста, поданого канадской стороной и сопровождавшегося дикой шумихой в прессе, Международный союз конькобежцев принял решение вручить в парном катании два комплекта золотых медалей. Соответственно, призерам было предписано еще раз выйти на награждения для того, чтобы канадцам в торжественной обстановке вручили золотые награды вместо серебряных.

Согласие Москвиной повторно вывести свою пару на награждение осуждали тогда многие. В том числе – ее собственный муж.

- Я бы поступил, как поступили китайцы, - сказал он тогда. – Не вышел бы. Если мои спортсмены выиграли, и это зафиксировано судьями, о чем вообще можно говорить? Но это решала не Тамара, а федерация. С женой я на эту тему не разговаривал. Хотя если бы меня спросили, я не рекомендовал бы выходить на награждение.

Как тренер Москвина была тоже возмущена решением МОК вручить канадцам второе золото. Зато как менеджер наверняка мгновенно просчитала все возможные варианты и в итоге из унизительной на первый взгляд ситуации сумела извлечь максимум пользы. Прямо в Солт-Лейк-Сити чемпионская четверка получила предложение заключить длительный контракт со Stars on Ice, посыпались приглашения из Канады и США, причем логично было предположить, что гонорары обеих пар в случае совместных выступлений должны быть одинаковыми. То есть такими, каких Бережная и Сихарулидзе никогда не получили бы за океаном, выступая вдвоем.

Весь первый год выступлений в Stars on Ice (неизвестно, кстати, был бы заключен этот контракт с россиянами или

канадцами в случае единоличной олимпийской победы кого-то из них) одним из кульминационных моментов шоу был совместный номер, поставленный для чемпионов Солт-Лейк-Сити известным американским хореографом Сандрой Безик. Другими словами, скандальный парный финал Игр-2002 обернулся для россиян предельной выгодой.

Год спустя я спросила Тамару:

- Решение вторично выйти на награждение в Солт-Лейк-Сити принимали вы?

- Да, хотя многие не советовали. В том числе и близкие к правительственным кругам люди.

- А если бы сказали «Нет»?

- А зачем? Неизвестно чем бы это могло обернуться в дальнейшем. Живем мы, все-таки, по законам Международного союза конькобежцев. И если там посчитали, что выйти надо, со всех точек зрения было правильнее подчиниться.

- Не могу не отметить, что у вас - репутация человека, который во всех случаях жизни руководствуется прежде всего здравым смыслом. А поддаться эмоциям вы способны? Поступить так, как хочется, а не так, как правильно?

- Я часто делаю именно то, что хочу. Взять даже наше с мужем возвращение в Санкт-Петербург. Многие ведь спрашивали, зачем? Сидели бы, мол, в Америке, деньги заколачивали. Да захотелось! В Петербурге мне гораздо лучше. И наплевать на деньги!

Глава 16. ЭМИГРАНТ ПОНЕВОЛЕ

«Игорь Борисович – альтруист и бессеребренник, - сказала как-то о муже Москвина. – Всегда считал, что если его знания и работа нужна государству, то государство и должно создавать для этого все условия. Я же помню период, когда моя официальная тренерская зарплата стала составлять в пересчете 13,5 долларов в месяц. Но у меня были спортсмены. Я могла проводить семинары за границей с их участием, нас охотно приглашали».

- А если бы Игорь Борисович отказался ехать в Америку?

- Мы же ехали не навсегда. Не помню, чтобы у нас были долгие перегворы на этот счет. Тем более что и до этого неоднократно вместе ездили в Колорадо-Спрингс на летние сборы.

- Не хотели оставлять Игоря одного, или чувствовали себя без него некомфортно?

- В нашей семье как-то сразу повелось быть вместе. Не потому, что это – двойной заработок, а просто в нашем понимании семья должна быть вместе.

* * *

Когда в 1990-х государство перестало существовать, для Москвина это стало колоссальным потрясением. Рушились все устои привычной для него жизни.

- Мне было очень стыдно, - позже как-то сказал он мне. - И грустно. Не потому, что обесценились или потерялись какие-то

деньги, а просто так, в целом. Я очень постоянный человек. Всегда считал, что лучшее враг хорошего. Поэтому довольно болезненно воспринимал, когда стали объявлять плохим и ненужным даже то, что было нужно и хорошо.

- Поэтому и уехали вместе с супругой в Америку?

- Отчасти да. Тамаре тогда нужно было доводить до конца свою работу с парами. Мы и до этого часто ездили в США – в Колорадо-Спрингс. Проводили семинары. Это исключительно практические занятия: собираются тренеры разного уровня, в том числе и ведущие. Сами за это платят. Кто-то из фигуристов демонстрирует элементы на льду.

Программы моих семинаров разрабатывала Тамара. Это касалось не только узких технических вещей, но и глобальных - того, как ставится программа, например. Что в ней логично, что нет. Я рассказывал о законах сценического мастерства – так, как сам это понимаю. Изысков в английской речи у меня тогда не было, поэтому объяснял достаточно примитивно. Периодически спрашивал: «Интересно?» - «Да, интересно».

Случалось и по другому. Когда мы только начали приезжать в Колорадо, Тамара как раз начинала работать с Оксаной Казаковой и Артуром Дмитриевым и Леной Бережной с Антоном Сихарулидзе. Я в основном занимался тем, что пытался наладить тамариным девочкам прыжки. А заодно подрабатывал занятиями с американскими фигуристами. В основном это были спортсмены бывшей тамариной ученицы Иры Воробьевой. Тамара ее и пристроила в свое время в Колорадо-Спрингс работать тренером.

Тогда я обратил внимание, что почти на каждой моей тренировке в уголке катка сидит какой-то человек и снимает все наши занятия на видеокамеру. Все шаговые комбинации с подготовительными наездами для прыжков - я тогда как раз показывал, как сделать один и тот же прыжок с пяти-шести различных подходов.

Через некоторое время выяснилось, что все это не только было отснято, но неоднократно размножено и даже издано в США книжкой - с рисунками и фотографиями.

Работал я и с ледовым балетом. В Англии несколько лет гастролировал театр Татьяны Тарасовой «Все звезды», потом он распался, но часть труппы осталась и продолжала кататься уже в другом шоу. Его хозяйка меня и приглашала два года подряд - в сентябре после летних каникул ввести артистов в рабочее состояние. Ледовый театр – достаточно специфическая вещь. Маленькая площадка, балетные спектакли. К тому же туда, как правило, приходят уже взрослые, сложившиеся люди с определенным набором знаний и умений. То есть ничему новому

их не научишь.

К сентябрю было уже известно, какой именно спектакль собираются ставить. Моя задача заключалась в том, чтобы ввести людей в форму. Кроме подводящих тренировочных занятий мы делали большой объем работы на улице, потом на льду – то есть весь день так или иначе проходил в работе. Я непременно читал сценарий – специально для наших фигуристов он распечатывался и на русском языке. Предлагал какие-то постановочные идеи. Все это в итоге пригождалось.

- В чем заключается специфика подготовки фигуриста к сезону?

- Прежде всего в выборе музыкального сопровождения для новых программ. Параллельно идет функциональная проработка всей мышечной системы - и головы в том числе. Очень важно, чтобы человек понимал то, что ему предстоит делать.

Помимо этого нужно определить круг технических элементов, на базе которых ты собираешься ставить программу. Разрабатываются новые шаги, спирали, подходы к элементам, выходы из них. Мне не интересно, оценивается ли тот или иной элемент с точки зрения новых правил. Интересна сама работа.

- Кого из тех, с кем вы работали, было тяжелее всего готовить к сезону?

- Тамару – уже когда она стала тренером. Из всех моих упражнений она до сих пор не принимает ничего. Меня, естественно, это раздражает. Тем более что простые элементы вовсе не являются гарантией чистоты исполнения. Если уж падать – так с интересного элемента.

В 1998-м, когда мы уже решили, что будем перебираться в Нью-Джерси, я работал два месяца с Сарой Хьюз и с ее тренером Робин Вагнер. Саре тогда было 13 лет, и Вагнер не очень хорошо представляла себе, как работать с одиночницами. Как строить программы, как подчеркнуть то, что хорошо, и спрятать то, что плохо.

Я объяснял, видел, как меняется ее работа. Как прогрессирует Сара. Хотя поначалу коньковой техники у нее было немного. В то время я как раз начал тренировать Юко Кавагути – она каталась у нас с Тамарой вместе с Александром Маркунцовым. Во время моих занятий с Хьюз Юко обычно сидела на верхнем ряду трибуны и смотрела, как мы работаем. И как-то на одной из своих тренировок она подъехала ко мне и спрашивает: «Игорь, посмотри пожалуйста, я правильно делаю то, чему ты учил Сару?»

У меня даже слов не нашлось тогда. Не ожидал от спортсменки такой внимательности.

Еще я работал с Аленой Савченко и Робином Шолковы, когда

Алена перебралась из Украины в Германию и стала кататься у Инго Штойера. Пригласил меня туда президент немецкой федерации фигурного катания. Алена только начинала учить немецкий язык, многого не понимала, мой же немецкий на разговорном уровне был вполне хорош.

В Германии я проводил по целому месяцу. Оплачивала мое пребывание и работу с фигуристами федерация. Это было еще до того, как выяснилось, что у Штойера во времена ГДР были связи со Штази, и федерация прекратила его поддерживать.

Инго - очень дисциплинированный человек. И работал всегда интересно. Много думал. У нас с ним было много приватных бесед, и я постоянно говорил: «Инго, ты ни в коем случае не должен ограничиваться тем, что делал сам. Нужно идти дальше. Делать что-то такое, чего от твоих спортсменов не ждут. Подкупать неожиданными конструкциями, перестроениями...»

- Получается, чувство патриотизма отсутствует у вас в принципе?

- Мой патриотизм заключается в том, чтобы делать свою работу на пользу тому делу, которым я занимаюсь всю жизнь. Я не говорю за всех, не произношу слов «советская школа - самая лучшая школа в мире». Говорю только за себя. Делать плохо другим, пусть даже они и соперники, я не могу. Потому что в моем представлении это – наносить вред фигурному катанию в целом. А я хочу, чтобы то, чему я успел научить, осталось в фигурном катании.

Я, например, счастлив, что Наташа Павлова, которую я считаю очень хорошим тренером, унаследовала от нашей совместной работы что-то такое, что, может быть, она пока сама не осознает. Мы много лет работали вместе. Я часто наблюдал за Наташей и думал: что бы я хотел подправить? По композиции, по музыке, по элементам. И приходил к тому, что не могу придраться ни к чему.

- В вашем понимании есть категория великих тренеров?

- Карло Фасси подготовил много олимпийских чемпионок, у Тамары на Играх побеждали четыре ее пары...

- А Татьяна Тарасова?

- Знаете, я отдаю отчет в том, что в фигурном катании, да и в спорте вообще, если ты берешь к себе уже хорошо наученного спортсмена, очень важно «не испортить» его, довести до самого верха. Но в моем понимании «научить» гораздо важнее и сложнее.

- Но вы согласны с тем, что выиграть Олимпийские игры – это совершенно особенное достижение?

- Когда ты уже вышел на этот уровень и способен бороться на равных – да. А когда люди только бегут вверх к своей первой

вершине, то и чемпионат Европы и тем более чемпионат мира – это великая вещь. На каждом жизненном этапе есть свои совершенно определенные задачи. И если ты эти задачи выполняешь, то уже достоин уважения и восхищения.

Если бы мы, когда в 1955-м выехали на свой первый чемпионат Европы в Париж, стали бы чемпионами, это, уверяю вас, был бы великий шаг даже в масштабе мирового фигурного катания, а не только в масштабе страны. То же самое и сейчас. Вершины бывают разные. Даже у Эльбруса их две. И каждую нужно покорять.

В этом плане у каждого в жизни есть свои Олимпийские игры.

* * *

В Америке, когда Москвины перебрались туда уже на относительно постоянное место жительства, Игоря Борисовича сильнее всего напрягала непонятность быта. Бесконечные счета, кредиты, кредитные карточки... Английский язык, который тренер начал учить еще во времена кратковременных приездов на семинары в Колорадо-Спрингс, был весьма ограничен.

- Я ведь не учил его никогда, - вспоминал Москвин. - Приходилось учиться по ходу работы. Тамара писала мне на бумажке основные слова – вперед, назад, вправо, влево, какие-то технические термины, предлоги - и я учил их наизусть. Плюс – было какое-то общение.

Первое время после приезда в Нью-Джерси мы жили в семье у знакомых. Глава семьи был банкиром, по воскресеньям все семейство ходило в церковь, сами работали в саду.

Тамара много ездила по турнирам с Бережной и Сихарулидзе и так получилось, что в своей мансарде я чаще оставался один. С хозяйским котом – рыжим, противным, с зелеными глазами. Звали его Сникерс. До нашего приезда мансарда была в его распоряжении и, естественно, он всячески пытался мне показать, кто там хозяин. Демонстративно презирал, прыгал, царапался.

У нас когда-то очень давно тоже был кот. Весил килограмм 15 и ел только вымя. Это было выгодно – вымя было совсем дешевым и продавалось в магазине на углу от дома, где мы жили с мамой и бабушкой. Потом на даче мы как-то подобрали собачку. Ее звали Дружок и она знала правила уличного движения. Я убедился в этом случайно: пошел как-то в баню, и Дружок увязался за мной. Вот я и обратил внимание на то, что собака даже не пытается перейти через улицу, пока горит красный свет. А стоит светофору переключиться на зеленый, сразу срывается с места и бежит впереди меня.

В бане я тогда попросил у банщика разрешения оставить собаку в помещении, пока сам буду мыться. Он разрешил. Но

потом пришел его сменщик и Дружка выгнал.

Я обошел тогда все улицы вокруг бани, все дворы, пришел домой расстроенный, а Дружок лежит в прихожей на коврике, как ни в чем не бывало.

А потом мы с Тамарой должны были куда-то уезжать, и Дружок пропал. Как моя мама потом рассказала, встал со своей подстилки и ушел, едва за нами дверь закрылась. И больше не возвращался.

Со Сникерсом мы потом все-таки подружились. Но это отсутствие привычного комфорта и постоянное напряжение совершенно неожиданно обернулись большой проблемой со зрением. В один из дней я отправился на тренировку и вдруг заметил, что машины ведут себя как-то странно: одна едет мне навстречу, другая – под углом к ней. Я закрыл один глаз рукой – вроде все нормально. Убираю руку – опять свистопляска какая-то. Потом все нормализовалось, но от вождения автомобиля пришлось отказаться навсегда: я перестал чувствовать машину.

Потом, когда мы купили свое жилье, перевели из Англии в Америку младшую дочку Аню, чтобы всем нам не очень скучно было, и она заканчивала университет уже в Нью-Йорке. До этого Аня училась в школе секретарей в Лондоне – там обучали всему: как одеваться, если работаешь в офисе, как разговаривать по телефону, давали основы делопроизводства. После окончания этой школы дочь даже успела поработать в крупной компании.

В Ленинграде, когда наши девочки были еще совсем маленькими, Аня, помню, обижалась на нас с Тамарой: дома был целый фотоальбом посвященный Ольге – старшей дочери. А с Аниными снимками такого альбома не было. Вот ей и казалось, что старшую дочку мы с Тамарой выделяем больше. Я долго, помню, объяснял, что первый ребенок слишком сильно меняет жизнь родителей, поэтому и хочется запечатлеть основные вехи.

По себе помню, что когда у нас с Тамарой появилась Ольга, я долгое время не мог равнодушно смотреть на картину Аркадия Пластова «Весна». На ней был изображен открытый предбанник русской бани, пол, устеленный соломой и на этом полу на коленях стоит обнаженная молодая женщина и одевает девочку. Девочка закутана теплым платком, а мама такая счастливая, что совсем не обращает внимания на то, что сама раздета.

Аня в конце концов тем моим объяснением удовлетворилась. Или сделала вид.

Сразу после поступления дочка жила вместе с нами в Нью-Джерси, я никак не мог понять, почему учеба стоит таких больших денег – слишком легким даже по сравнению с нашим школьным образованием был университетский курс. Потом мама

одного из мальчиков, который у меня катался, подыскала ей небольшую квартирку в Нью-Йорке с окнами на Бродвей.

Я довольно часто там бывал, когда надо было что-либо поправить по хозяйству. В своей квартире тоже многое делал сам. Как-то мы с Тамарой решили поменять плиту. Ее притащили двое черных работяг, долго возились, пытаясь отвинтить какие-то крепления, потом говорят мне: «Мистер, вам придется вызвать специальную службу, потому что у нас нет нужных инструментов». Оставили телефонный номер. И сумму назвали, которую потребуется заплатить за установку – 99 долларов, плюс вызов.

Я сказал им, что обязательно позвоню, а сам взял обычный разводной ключ (весь инструмент у меня был в Америке с собой) и все сделал. Через неделю снова пришли мастера, посмотрели, как все сделано, удовлетворенно сказали, что все в порядке и поставили пломбу. Таким образом я сэкономил кучу денег.

- В своей питерской квартире вы тоже все делали сами?

- Нет, Тамара нанимала мастеров. Если бы я занимался ремонтом сам, то никогда не положил бы в кухне деревянный пол - взял бы плитку. Никогда не сделал бы планировку квартиры таким образом, что в ней практически не осталось дополнительных спальных мест. Мне не нравится, когда в дом приезжают гости, а я вынужден доставать для них раскладушки.

До ремонта в нашей квартире было значительно уютнее, на мой взгляд. А после ремонта лишь второй этаж остался прежним. Деревянную лестницу туда я делал сам, а помещение обустраивал вместе с приятелем. Сначала замышляли, что там будет спальня, но потом сделали музей. Отдыхать на втором этаже не очень комфортно – там слишком жарко из-за отсутствия вентиляции.

Точто так же я недоволен новой дачей. У нас много лет был старый, но крепкий дом 50-х годов постройки, с горячей и холодной водой, газом, достаточным количеством комнат. Когда приезжали гости, всегда было, где их положить.

Сам дом мы когда-то переделали – сразу после покупки. Снесли лишние перегородки, сделали ванную, пристроили веранду, причем очень многое я делал вместе с друзьями. Наверху в доме была установлена большая подпорка, которая держала потолок, но от времени она прогнила и упала. Мы придумали заменить ее металлической жердью. Поставили на старую палку специальные хомуты, чтобы ее временно закрепить, нашли железную жердь, отрезали по размеру и столкнулись с проблемой: как ее на дачу-то везти? Она ж четыре метра в длину – ни в какую машину не войдет.

В конце концов прожгли мы специальным прутом в палке

дыру, через эту дыру продели крепеж, прикрутили жердь к бамперу и с диким грохотом поволокли ее на буксире через весь Лисий Нос. Потом еле-еле водрузили эту палку на место – пришлось даже соорудить специальную лесенку, по которой ломиком мы передвигали эту палку со ступеньки на ступеньку.

Отопление тоже делали сами. От котла трубы шли наверх, а там расходились в две стороны. Надо было сбалансировать диаметр всех труб, чтобы циркуляция в одной половине не отнимала тепло у другой. Так что пришлось повозиться.

Ну а потом Тамара решила, что деревянная дача – это уже немодно. Что-то переделывать в старом доме она не решилась, потому что знала, что меня это очень огорчит. И купила новый дом - каменный. Хозяин, который его продавал, все внутри оборудовал, обставил - вплоть до огромного телевизора. Это, подозреваю, жену и соблазнило. Хотя я до сих пор жалею, что мы туда переехали – мне всегда очень нравился запах дерева в доме. Такой нажитый, ни с чем не сравнимый дух. На той даче мы постоянно Новый год с друзьями встречали. Здорово было. А может, это сейчас так кажется: все-таки тогда все помоложе были.

С другой стороны, уже лень заставлять себя заниматься чем-то глобальным. Пусть уже дети решают, что делать с этими домами.

* * *

Свой 70-летний юбилей Москвин отмечал в Америке. Один из подарков был совершенно особенным: статуэтка Чарли Чаплина с маленьким мальчиком. Ее Москвину прислали из Южной Кореи Наталья Бестемьянова и Игорь Бобрин. Статуэтка потом долго стояла дома у Москвиных в Хакенсаке и именно она дала толчок к созданию знаменитой программы «Чаплин» для Лены Бережной и Антона Сихарулидзе.

- Москвин много лет вообще не разговаривал с Игорем после того, как тот ушел к Юре Овчинникову, - рассказывала мне Наташа. - С одной стороны он вроде бы сам был инициатором того, чтобы Игорь ушел к другому тренеру, а с другой – его, видимо, сильно обидело, что любимый ученик так легко согласился уйти.

Меня он долгое время вообще никак не воспринимал. Как он относился ко мне в те годы, когда я каталась, я не помню и не знаю, как это было на самом деле. Когда у нас с Бобриным начались отношения, Игорь уже был у Овчинникова. А вот когда мы уже поженились и много лет спустя приехали в Питер и появились в «Юбилейном, Игорь Борисович посмотрел на меня и очень неодобрительно сказал: «Подобие Тарасовой».

Те слова прозвучали так обидно, словно я сама, как

фигуристка, ничего вообще собой не представляю. А просто копирую своего бывшего тренера – вплоть до того, что пользуюсь такой же косметикой. Я даже подумала, что Москвин, видимо, за что-то сильно Тарасову не любит.

Страшно тогда расстроилась. Думала: ну что же я такого сделала, чтобы ко мне так относиться? Попереживала, поплакала и решила, что вообще не буду обращать на это внимание. А спустя некоторое время поняла, что сама была виновата. Пришла на каток накрашенная, с прической, с непроницаемым лицом – и Игорь Борисович сразу был ранен этим внешним высокомерием. А ведь оно совершенно не нужно в общении с ним. Потом много раз убеждалась: если подойти к Москвину, обнять его, расцеловать – он мгновенно тает. Ему очень важны простые человеческие эмоции.

В Хакенсак мы с Игорем попали после того, как очень много лет не виделись. Игорь Борисович был тогда нездоров, но когда мы пришли, Тамара первой обратила внимание на то, что дома очень вкусно пахнет. Оказалось что специально к нашему приезду Москвин собственноручно нажарил котлет. Хотя чувствовал на тот момент себя просто ужасно – ему делали операцию, он с трудом видел.

Потом мы часто встречались, когда Игорь по приглашению Москвиной начал работать хореографом с Антоном и Леной. Москвин тоже всегда был на льду. Иногда он отзывал во время этих тренировок моего Игоря в сторонку чтобы не слышала ни Тамара, ни ученики, и делился с ним своим видением того или иного элемента. Иногда складывалось впечатление, что мы с Игорем – единственные люди, кто может донести эту информацию до спортсменов. Тамара с учениками уже просто друг друга не слышали – такое бывает, когда люди долго и напряженно работают вместе. И у меня было полное ощущение, что Игорь Борисович понимает это, отдает себе отчет в том, что его они тоже не слышат, и пытается донести это через нас.

Он очень обидчивый человек. Ранимый. Особенно сильно обижается, когда его не слышат или не слушают. А слышать, когда темп тренировки уже задан, иногда просто нет возможности. Тамара берет на себя очень много лидерских функций. При этом на самом деле всегда следует советам мужа, просто не всегда показывает это. Такой характер. Я уверена, что если бы не их постоянные разговоры на тренировках и дома, она никогда не стала бы таким сильным тренером.

Когда у моего Игоря был 50-летний юбилей, это снималось в Петербурге для телевидения и всем выступающим отводилось какое-то фиксированное время: все ж понимали, что нельзя

нарушать телевизионный формат. Москвин был единственным человеком, кому об этом не сказали ни слова. Я не исключала, что он вообще скажет что-нибудь не очень приятное для Игоря. А он сказал фантастические слова. Такие чудесные… Мы с Андреем Букиным откатали фрагмент из Ромео и Джульетты. Москвин восхитился тогда новаторству. Сказал, что кроме Бобрина такую постановку не смог бы придумать никто другой.

Мы потом долго вспоминали, как боялись выступления Москвина, и как тепло и пронзительно он говорил. Он абсолютно непрогнозируем. И мы до сих пор не знаем, что от него ждать.

* * *

За те годы, что Москвины провели в Нью-Джерси, американская пара Москвина Киоко Ина/Джон Циммерман пять раз становилась чемпионом страны. Тогда же Игорь Борисович стал тренировать Юко Кавагути и Александра Маркунцова.

Всего через два года фигуристы стали вторыми на юниорском первенстве мира. Выступали за Японию на взрослом мировом первенстве.

Девять лет спустя, когда Юко – уже у Москвиной – готовилась с Александром Смирновым к своему первому олимпийскому сезону, она прислала прежнему наставнику трогательное смс-сообщение: «Осталась неделя. Будем постараться, чтобы вас порадовать» .

Глава 17. ЯПОНСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

Личное дело: Юко Кавагути. Родилась 20 ноября 1981 года в Айши (Япония). До перехода в группу Москвиных выступала как одиночница. Первый партнер – Александр Маркунцов (дуэт выступал за Японию). С ним – вице-чемпионка первенства мира

среди юниоров (2001). Чемпионы Японии 2002/03. 14-е место на чемпионате мира-2003.

Второй партнер – Дэвин Патрик (США).

С 2006 года живет и тренируется в паре с Александром Смирновым в Санкт-Петербурге.

Александр Смирнов. Родился 11 октября 1984 года. Выступал в парном катании с Александрой Даниловой, Екатериной Васильевой.

В паре с Кавагути – трехкратные чемпионы России (2008-2010). Бронзовые призеры чемпионата Европы-2008 и чемпионатов мира 2009-10. Серебряные призеры чемпионата Европы-2009. Чемпионы Европы-2010. 4-е место на Олимпийских играх в Ванкувере (2010).

Появлению в группе Москвиной японки Юко Кавагути и Александра Смирнова предшествовала откровенно неудачная в жизни тренера полоса. Тамара начала было работать с Юлией Обертас и Сергеем Славновым, но через некоторое время спортсмены решили вернуться к прежним тренерам – супругам Николаю и Людмиле Великовым, поскольку просто не справлялись с «напором» и требованиями Москвиной. Затем аналогичная участь постигла Марию Мухортову и Максима Транькова.

Сплетничали, что Москвина тогда просто договорилась с Великовыми. Вернула им Обертас и Славнова в обмен на более юную и перспективную пару. А Кавагути со Смирновым просто пошли в комплекте – для спарринга.

Как бы то ни было, сценарий вышел иным. Мария с Максимом продержались в группе великого тренера недолго. А вот необычный, совершенно экзотический для российского парного катания дуэт с японской партнершей остался.

Примерно тогда же я услышала от Алексея Мишина:

- Как же Тамаре повезло на старости лет. Иметь такую ученицу, как Кавагути – мечта любого тренера.

В желании Юко перейти в группу Москвиной не было ничего удивительного. Она по-сути выросла в этой группе, придя в нее, когда Москвины работали в США. Просто занимался ей и ее тогдашним партнером Александром Маркунцовым в большей степени Игорь Борисович. А Тамара Николаевна была постоянно занята Еленой Бережной и Антоном Сихарулидзе – готовила их к Олимпийским игрм Солт-Лейк-Сити.

- Юко уже тогда была очень серьезной девочкой. Очень внимательной, - вспоминал Москвин. - Она никогда не рассуждала, прав тренер, или нет. К нам с Тамарой Кавагути

пришла с определенными техническими дефектами. Например, один из прыжков – сальхов – она долгое время делала с серьезной ошибкой - только за счет характера. Когда у спортсмена в голове сидит мысль, что элемент должен быть выполнен любой ценой, работать с ним над техникой очень сложно. На переучивание ушло довольно много времени. Тем более, с Юко и не занимались особо: с Маркунцовым она каталась недолго, а тратить время на тех партнеров, которые были после, не было смысла.

Когда Москвины вернулись в Питер, Кавагути поехала следом и занималась с ними еще три года. В 2006 году она была вынуждена перейти в группу Великовых, поскольку именно там ей нашли партнера – Александра Смирнова. Обратно к Москвиным Юко вернулась через три месяца – вместе с партнером. И сразу включилась в работу на максимальный спортивный результат.

Разговоры о том, что Москвина просто переманила фигуристку, заметно раздражали тренера. Мне она однажды довольно резко заметила по этому поводу:

- Ну я же не буду вам рассказывать, как расплатилась с Натальей Павловой, от которой в свое время к нам в группу пришла Оксана Казакова, или Великовыми? Хотя никто никогда этого не делал. В частности, после того, как Юко рассталась с Николаем Матвеевичем, мы с ним сели и определили наши дальнейшие финансовые отношения. Честно говоря, когда у меня в Америке катались Бережная и Сихарулидзе, а Казакова и Дмитриев уже ушли в профессионалы, я готовила пару Кавагути/ Макунцов как замену Лене и Антону. Но так получилось, что тогда партнеры расстались. А сейчас… Сейчас у Юко подготовлены все документы для того, чтобы она начала выступать за Россию.

* * *

На тот момент в тренерскую бригаду Москвиной, помимо ее и мужа, входили Казакова, Дмитриев и тогдашняя супруга Артура Татьяна Дручинина.

- Думаю, Тамара отдает себе отчет в том, что справляться одной уже становится тяжело, - говорил по этому поводу Артур. - Поэтому подтянула к работе Оксану, меня. Тамара Николаевна, кстати, вообще не боится признаться, что чего-то не умеет. С ней интересно еще и потому, что она постоянно ищет какие-то новые подходы. Даже в рутинной работе идет постоянный процесс творчества. Ей самой это нравится. Попробовала с одной стороны - не получается. С другой - не получается. С третьей - не получается. Значит, надо еще раз первый вариант попробовать... Иногда наблюдать за этим смешно. Но работать приятно.

Комплексные усилия, брошенные на подготовку российско-японской пары, быстро дали плоды: выступление Кавагути и Смирнова на этапе «Гран-при» в Москве в ноябре 2006-го стали самым ярким впечатлением турнира в парном катании. В связи с отсутствием какого бы то ни было международного рейтинга фигуристы вообще не должны были попасть в число участников тех соревнований. Они вышли на лед в Лужниках лишь потому, что страна-хозяйка имеет право выставить одного участника в каждом виде программы по собственному усмотрению.

Шанс, как выяснилось, был предоставлен дебютантам не зря. Все имеющиеся в арсенале элементы были выполнены предельно чисто и аккуратно, с единственной помаркой в произвольной программе - партнерша коснулась льда рукой на приземлении с тройного выброса. Несмотря на необычную внешность – совсем худенькая, ушастенькая, тонконогая девочка и крепкий, но неопытный мальчишка с испуганными глазами - пара произвела впечатление сверхскоростного самолета, еще не набравшего высоту, но неудержимо рвущегося в небо.

- Вы сделали все, что умеете, или просто не рискнули включить в произвольную программу более сложные элементы? - спросила я фигуристов после выступления.

- Мы сделали все, что умеем на этой неделе, - очень серьезно и на хорошем русском языке ответила мне Юко. - На следующей неделе будем уметь больше.

До выступления в Лужниках было принято считать, что Кавагути и Смирнов - пара с весьма лимитированной международной перспективой. Дело было даже не во внешности. Смешанная национальная принадлежность позволяет спортсменам выступать на любых соревнованиях вплоть до чемпионатов мира, но не на Олимпийских играх. То, что Юко может захотеть отказаться от японского подданства, никому не приходила в голову. Однако в Москве фигуристка заметила:

- В Японии действительно не разрешено иметь два паспорта. Но я намерена встретиться с премьер-министром страны и попросить его сделать для меня исключение. Я очень хочу выступить на Олимпийских играх.

Несколько дней спустя Кавагути сломала ногу…

Случилось это на приземлении с тройного выброса. Тренировка пары в тот день считалась облегченной, и выброс решено было попробовать в самом конце занятия. То ли сказалась несобранность спортсменки, то ли сыграл роль несчастный случай, но впору было вспоминать фразу из знаменитого фильма: «Упал, очнулся, - гипс».

Два месяца спустя фигуристы снова появились на льду. На

ничего не значащих соревнованиях в Твери. От Москвиной я с удивлением узнала, что первый прокат после травмы уже имел место несколькими днями раньше.

- Я устроила ребятам прокат короткой программы в рамках юниорского турнира памяти Станислава Жука, - сообщила Москвина. - Обратилась к организаторам, и они разрешили моей паре выступить сразу после окончания соревнований - перед церемонией награждения. Этот турнир проводился на новом катке, на жестком льду и я, признаться, очень довольна тем, что мои ребята сумели мгновенно, без тренировок, приспособиться и к меньшему размеру катка, и к непривычной для себя жесткости. Они сделали тройной тулуп, тройной выброс «сальхов» - причем все это - с приземлением на сломанную ногу. То есть, психологический барьер нам тоже удалось успешно преодолеть. Была лишь одна помарка - в параллельном вращении, но это объяснимо: Юко и Александр не так долго катаются вместе.

Скажу вам больше: мы не планировали приезжать в Тверь. Но раз уж руководство российской федерации фигурного катания решило произвести замены в сборной команде, все-таки решили туда поехать и еще раз выступить с короткой программой. Чтобы показать, в каком состоянии мои спортсмены сейчас находятся. У тех, кто принимает решение, должны быть основания. Нельзя же претендовать на место в команде, предлагая «кота в мешке»? Значит моя задача, как тренера, сделать все, чтобы такие основания появились.

Все отдельные элементы произвольной программы Кавагути и Смирнов тоже выполняют в тренировках. Абсолютно все элементы - прыжки, выбросы, поддержки, подкрутки - идут, как я уже сказала, с приземлением на травмированную ногу. Другое дело, что мне не хотелось бы форсировать подготовку. Перелом-то был совершенно конкретный. После таких травм люди восстанавливаются по шесть месяцев. К тому же я не сторонник того, чтобы демонстрировать широкой публике «сырую» программу. Но уверена, что уже в середине марта мы будем в состоянии показать на достойном уровне обе композиции.

На чемпионате мира в Токио дебютанты сборной заняли девятое место. А после исполнения короткой программы и вовсе шли четвертыми.

* * *

В конце 2007 года я узнала, что с Кавагути и Смирновым стали работать дизайнер по костюмам и стилист.

- Я еще год назад понимала, что над внешним видом пары нужно серьезно работать, - объяснила Москвина. – Просто до этого не доходили руки. А в этом сезоне уже хотелось добиться

некой законченности облика. В прошлом году первостепенной задачей было научить ребят кататься вместе, по-возможности поднимая уровень сложности их выступлений. Дополнительно к этому Юко пришлось бороться с травмой.

В этом сезоне все несколько иначе. Можно уже говорить о совершенствовании, о дальнейшем развитии.

В собственных силах я не была уверена по той причине, что сама много лет ношу короткую стрижку. И вряд ли бы сумела сделать прическу из более длинных волос так, чтобы это выглядело и стильно, и современно, и шло Юко, и сочеталось с соревновательными костюмами. Поэтому и доверила это работу специалисту. Заодно он поработал и с Сашей.

- Вы не слишком торопитесь наполнить программу своих спортсменов чрезмерной сложностью, - рискнула спросить я. Москвина пожала плечами:

- Этим путем, если вспомнить, всегда шли все советские пары, начиная с Родниной. В том числе и я сама. Это касалось всех моих спортсменов: Валовой-Васильева, Бечке-Петрова, Мишкутенок-Дмитриева, Казаковой-Дмитриева, Бережной-Сихарулидзе. Отсутствие опыта соревновательной борьбы, отсутствие позиций в мировом фигурном катании, отсутствие узнаваемости, отсутствие артистического навыка катания в различных стилях у Кавагути и Смирнова все еще имеют место. Чем же им тогда выигрывать у других пар? Чистотой катания? Сейчас многие катаются чисто. И стоят по всем перечисленным позициям выше. А сидеть сзади не хочется…

Могу сказать одно: убрать из программы избыточную сложность очень легко. Насколько результативна тактика, которую мы выбрали, покажут соревнования. Прав тот тренер, чьи спортсмены побеждают, только и всего.

* * *

В самом начале олимпийского сезона, когда я специально приехала в Питер – написать о группе Москвиных и их первой паре, я невольно подслушала традиционно-ироничную пикировку между супругами:

- Помнишь, Тамара, канадскую пару, которая пыталась выиграть в Солт-Лейк-Сити? Он взял ее за руку, она на него посмотрела – и сердце замирает.

- Папочка, это называется chemistry. Этому учатся.

- Почему же ты сама не учишь?

- Потому что Юко и Саша катаются вместе всего четвертый год.

- Ну так ты не учишь, тем не менее. Надо же объяснять…

- Вот ты и объясни этой японке, что на партнера, как бы она к

нему не относилась, надо смотреть, как... А она смотрит исподлобья. На всех. И на меня. И на тебя.

- Неправда, на меня она смотрит не так.

- Ну, если ты ее хорошо накормишь, тогда она улыбается...

Татьяна, сестра Москвиной, на плечи которой тоже легла необходимость заботиться о Кавагути, отнеслась к ней настороженно:

- Я же по образованию – физиолог, - говорила мне она. – Понимаю, что для того, чтобы работать, нужно правильно питаться. Но Юко ведь ни черта не ест! Только то, что ей из Японии присылают. Так же невозможно! Непонятно, что у этих японцев на уме!

Тамара воспринимала ученицу, скорее, как делового партнера.

- Я даже проверяю на ней правильность каких-то своих решений. Например, когда и как лучше поехать на тот или иной турнир. Причем разговариваю с ней в этих случаях, как с коллегой. Наши мнения часто совпадают. К тому же Юко – западный человек. Более четкий, более прагматичный, нежели это свойственно тем спортсменам, которые живут в России. На льду Юко, безусловно, лидер. Но когда речь идет о каких-то организационных вопросах, на первую роль выходит Саша. Таким образом в отношениях сохраняется баланс, который дает каждому из спортсменов ощущение собственного достоинства.

Юко прекрасно говорит по-русски, хотя сложные слова, отражающие какие-то нюансы исполнительского мастерства, понимает не всегда. Когда я это чувствую, то просто перехожу на английский.

- По жизни она с вами советуется?

- Нет. Меня не должно быть много в ее жизни – нужно оставлять личное пространство. Я и так много советую – насчет учебы, насчет партнеров, квартиры, недвижимости, банков, будущей работы…

Что касается Москвина, он просто старался сделать все возможное, чтобы Юко чувствовала себя в Питере как можно комфортнее - слишком хорошо помнил, как мучался в чужой стране сам. Хотя скорее тот «американский» период жизни был одинаково сложным как для тренера, так и для его японской ученицы.

Кавагути вспоминала об этом так:

- Сначала и речи не было о том, что я уеду из Японии надолго. Мы просто договорились с Москвиной о двухнедельных уроках. Я очень хотела кататься в паре: на нашем катке в Чибо с танцевальными парами работал русский тренер - Виктор Рыжкин,

и еще на этом же катке целых три года катался Алексей Тихонов со своей партнершей. А у меня партнера не было. Японских мальчиков парное катание вообще не интересует. У Москвиной на примете тоже никого не нашлось. Поэтому она сказала, что мне нужно пока кататься одной.

А потом появился Саша Маркунцов. Москвина сразу мне позвонила из США, и я приехала к ней, но тренировать нас стал Игорь Борисович.

Маркунцов вообще не говорил по-английски, а я не знала почти ни одного русского слова. Только «здравствуйте», «спасибо» и «до свидания» - то, что запомнила еще на катке у Рыжкина. Когда Саше нужно было что-то мне объяснить, он просто брал меня, как куклу, и поворачивал руки, ноги, голову. Я тогда совершенно не могла объяснить, удобно ли мне то или иное движение. Просто старалась все выполнить. И у нас каким-то образом все с Сашей выходило именно так, как хотел Игорь Борисович.

Ну а потом Саша решил закончить кататься. Продолжать выступать за Японию он просто не видел смысла. Каждые два-три месяца мы были вынуждены приезжать туда из Америки на соревнования или просто визы сделать.

Иногда получалось, что в этих переездах и перелетах мы проводили больше времени, чем на льду. Или должны были три месяца находиться в Японии без тренера ради того, чтобы получить какую-то бумажку. Вот Саша и принял решение уйти.

Я же осталась у Москвиных в Америке. Начала кататься с американцем Девином Патриком и уже тогда стала учить русский язык. Старалась запомнить слова, которые говорит Игорь Борисович, очень внимательно слушала Тамару Николаевну, если она вдруг начинала с кем-то разговаривать по-русски. Но до приезда в Россию очень многого не понимала.

- Представляю, насколько тяжело вам пришлось поначалу.

- Нет. Мне не было тяжело. Пусть я не могла говорить, но я все время слушала. На катке, на улицах. Было тяжело, конечно, когда мы расстались с первым партнером, но я умею сразу «выключать» неприятные мысли. Пусть что-то случилось. Но оно уже случилось. Значит, нужно думать о том, что будет завтра.

Точно так же я рассуждала, когда сломала ногу. Ну да, нога сломалась. Но не могла же я повернуть время таким образом, чтобы она снова стала целая? Травмы - это вообще такая вещь, которая может случиться с кем угодно. Поэтому я думала только о том, чтобы побыстрее восстановиться.

Сейчас уже хочу гораздо большего, чем когда только начинала кататься в паре. Но стоит задуматься о том, чего

именно хочу, и как будто кто-то внутри меня говорит, что об этом думать не нужно. Потому что сразу начинает уходить удовольствие от катания. А без удовольствия не получается вообще ничего. Вот с этим я борюсь постоянно. Раньше ведь мне не доводилось выступать на таком уровне, как сейчас. Я вообще не думала, что такое будет возможно.

Тамара Николаевна требует очень многого, и это для меня бывает сложно. Я вообще медленно учусь. На то, чтобы сделать аксель - самый обычный, в полтора оборота, - мне потребовалось три года. Три! А сейчас мы что-то учим на каждой тренировке, и нужно делать это сразу и на очень хорошем уровне. Приходится постоянно думать, думать, думать. Я очень устаю от этого.

* * *

За год до Олимпийских игр в Ванкувере Москвина вместе с бывшим фигуристом Петром Чернышовым поставила для Кавагути программу «Лебедь» Сен-Санса. Танец настолько полюбился японке, что его было решено оставить еще на один сезон. Юко тогда сказала:

- Я сразу для себя решила: если смогу выступить с этой программой на Олимпийских играх, одно это стоит того, чтобы принять российское гражданство.

В январе 2010-го Кавагути и Смирнов стали чемпионами Европы в Таллине.

Когда в самом конце соревнований на лед таллинской арены «Саку Суурхалль» вышли фавориты – выступающие за Германию двукратные чемпионы мира Алена Савченко и Робин Шелковы - я подсела на трибуне к известному российскому специалисту Виктору Кудрявцеву. Об этом тренере Игорь Москвин как-то сказал, что считает Кудрявцева лучшим в мире учителем техники. Человеком, который научил прекрасно кататься всех своих учеников. Игорь Борисович даже заметил в том разговоре: мол, да, от Кудрявцева уходили многие из его учеников. Но тут уж ничего не поделаешь – не все спортсмены способны выдерживать постоянную и очень высокую конкуренцию.

В Таллине Кудрявцев с большим интересом наблюдал за тем, как выступает сильнейшая группа пар и на мою просьбу поделиться впечатлениями о катании Юко Кавагути и Александра Смирнова, ответил:

- Мне очень понравилось, как они катались. Эти спортсмены бросились мне в глаза еще несколько лет назад. Их катание всегда было «сюжетным». Была хорошо видна тренерская идея, которая на мой взгляд оказалась очень правильной. На то, что Кавагути и Смирнов делают на льду, хотелось смотреть. У них долгое время были погрешности, нестабильность, нескатанность,

но даже при этом пара всегда отличалась от всех остальных. Элементами, рисунком, подходами к элементам.

Их катание в Таллине – именно парное катание в том виде, как его понимаю я, – было доведено до совершенства. Дело даже не в чистоте исполнения элементов и хорошей синхронности. Главное – программа до последних секунд держала внимание. Если бы Кавагути и Смирнов выполняли более сложные элементы чем те, что показывает немецкая пара, думаю, на этих соревнованиях они однозначно стали бы непобедимыми…

В этот момент нашего разговора на табло показали оценки Савченко и Шелковы. За свою новую произвольную программу они получили на 1,63 меньше россиян и это означало, что пара, одержавшая более чем уверенные победы на трех предыдущих чемпионатах Европы подряд, на этот раз осталась второй.

Кудрявцев же добавил:

- Это прежде всего победа Тамары. То, что она сумела сделать с этой парой за четыре года, не сделал бы ни один тренер в мире.

Тогда я неожиданно вспомнила нашу достаточно давнюю беседу с Москвиным, свой вопрос: «Вы верите, что Кавагути и Смирнов когда-нибудь смогут бороться за олимпийское золото?» и ответ тренера: «Верю».

* * *

Тремя неделями позже, 15 февраля 2010 года в олимпийском турнире спортивных пар в Ванкувере наша страна впервые за 46 лет осталась без медалей. Кавагути и Смирнов стали лучшими из российских фигуристов, но заняли лишь четвертое место.

Первым ощущением, непроизвольно возникшим после выступления питомцев Москвиной, было: «Это - крах!»

На двенадцати предыдущих Олимпиадах начиная с 1964 года мы не просто поднимались на подиум, но завоевывали золотые медали. Две из этих побед были на счету Игоря Москвина, четыре стали заслугой его жены. В Ванкувере, где череда этих побед прервалась, я вдруг вспомнила, как в 1993-м на чемпионате мира в Праге, где в парном катании победили канадцы Изабель Брассер и Ллойд Айслер, знаменитый немецкий тренер Ютта Мюллер после соревнований в моем присутствии сказала Москвиной: «Мне почему-то казалось, что в этот день должно обязательно что-то произойти: землетрясение, наводнение…»

Когда же я вслух выразила недоумение по поводу слов великой немки, ответом был столь же недоуменный взгляд: «Вы до сих пор не поняли, что произошло? Вы проиграли парное катание. Ваша страна проиграла!»

Наверное, кому-то действительно не приходило в голову, что Россия когда-либо может потерпеть олимпийское поражение в

этом виде программы. Москвина слишком сильно приучила болельщиков к тому, что и она сама, и ее ученики могут все. Хотя предпосылки к поражению были на протяжении всех последних лет. В том же Солт-Лейк-Сити в 2002-м лишь самые закоренелые оптимисты верили в успех Елены Бережной и Антона Сихарулидзе. Понимали, что выиграть эти спортсмены могут разве что чудом. Они тогда победили канадцев Джеми Сале/ Давида Пеллетье одним судейским голосом. Уже потом итоги турнира были пересмотрены, и Международный союз конькобежцев под давлением МОК согласился вручить российской и канадской парам по золоту. Но сразу после первоначального объявления результатов на смену нежданной радости пришла необъяснимая уверенность: мы снова - первые, и так будет всегда.

Проблема в Ванкувере заключалась вовсе не в том, что у России не было шансов. Они были. Просто никогда еще, если не считать самого первого нашего олимпийского успеха в Инсбруке в 1964-м, страна не привозила на Игры спортсменов, за плечами которых не было бы многократных побед на мировых первенствах или опыта предыдущих Олимпиад.

На то, чтобы довести до олимпийского уровня Кавагути и Смирнова, их тренеру Тамаре Москвиной потребовалось четыре года. В послужном списке тренера уже были спортсмены, подготовленные в сжатые сроки. Чуть меньше четырех лет ушло на то, чтобы создать дуэт Оксана Казакова/Артур Дмитриев и выиграть с ними Олимпиаду в Нагано. Но то была все же иная ситуация: за плечами Артура уже имелось золото олимпийского Альбервилля и серебро Лиллехаммера. Про Игры он знал все, что только может знать о них спортсмен. Соответственно для Казаковой Дмитриев стал не столько партнером, сколько играющим тренером. Почти наравне с Москвиной.

А вот для Кавагути и Смирнова Игры в Ванкувере оказались первыми. Причем на них по-прежнему лежала не столько реальная, сколько традиционная для пар Москвиной задача сражаться за медали.

Могли ли фигуристы биться в Ванкувере за золото? После короткой программы, где Кавагути и Смирнов заняли третье место, проиграв трехкратным чемпионам мира Сюэ Шень/Хунбо Чжао всего 2,5 балла, казалось, что да. Очень хотелось верить, что курс, которым вела спортсменов Москвина, окажется выверен и выдержан до конца. Ведь вплоть до приезда в Ванкувер этот курс был почти безошибочным. Программы становились все более накатанными и чистыми, результат неуклонно рос.

Другое дело, что со стороны не всегда можно было заметить,

что пара словно идет по лезвию ножа.

Фигуристы раз за разом старались усложнять свою произвольную программу, долгое время с переменным успехом пытались исполнять в соревнованиях уникальный для парного катания четверной выброс – элемент, который Юко начала осваивать еще тренируясь с американским партнером у Москвина, - но в конце концов были вынуждены от него отказаться. Одна из причин заключалась в том, что Юко мучила тяжелейшая травма плеча - привычный вывих.

На январском чемпионате Европы в Таллине это плечо выскочило из сустава прямо в середине программы. Фигуристка сориентировалась мгновенно: якобы поправляя платье, сама вправила вывих и, превозмогая нечеловеческую боль, продолжила кататься как ни в чем не бывало.

Чемпионка мира в танцах на льду Албена Денкова, наблюдавшая за выступлением пар с трибуны, сказала мне тогда:

- Я думала, что на такое способны только русские. Никто больше не умеет так терпеть и так преодолевать себя.

Парадоксально, но сбой у Кавагути и Смирнова в Ванкувере произошел в большей степени по тренерской вине: в день заключительного выступления в заявочном протоколе появилась информация, что российские спортсмены все-таки намерены выполнить в самом начале произвольной программы тот самый выброс в четыре оборота.

В попытках найти ответ на вопрос «Зачем?» я тогда провела целый день, но ответа так и не нашла. Пойти ва-банк, при том что на всех последних соревнованиях Юко и Александр этот выброс не выполняли? На Москвину это не было похоже, ей куда больше всегда был свойственен трезвый расчет. Напугать соперников? Тоже неубедительный аргумент. Или пара все-таки отрабатывала выброс на тренировках и чувствует себя достаточно уверенно, чтобы не сомневаться в успехе?

Ответа у меня на самом деле нет до сих пор. Есть только печальная картинка, сложившаяся на основании того, что говорили после проката фигуристы. Они действительно были готовы пойти на сложнейший элемент. Но уже после разминки Москвина дала отбой. Приказала не рисковать - оставить выброс тройным.

Перед тем, как началось выступление, тренер долго и непривычно напористо что-то втолковывала Кавагути у борта, и уже по этой картинке было понятно, что спортсменку клинит от волнения. Перекроить настрой на программу в оставшиеся до выступления секунды Юко и Александр просто не сумели. Заход, высота выброса и траектория полета получились мощнейшими,

вполне позволяющими выкрутить четыре оборота. Но после третьего Кавагути раскрылась в воздухе, не успев погасить инерцию вращения. Ее заметно «повело» на приземлении, и уже на первой минуте катания она окончательно растерялась. А следом растерялся и партнер.

Для новичков это было бы совершенно нормально. Для людей, от которых ждут медали, прокат стал катастрофой. Юко упала на втором выбросе, неудачно подставив руку, и плечо снова вылетело из сустава. Фигуристы стойко довели программу до конца, но это уже было вымученное катание. Без каких бы то ни было шансов на успех.

* * *

За год до Игр в Ванкувере Москвина говорила про своих спортсменов:

- Когда я узнала, что Сочи выиграл право проведения Игр, то первым делом подумала: «Неужели придется работать до этого времени?» Причем имела в виду не столько Кавагути и Смирнова, сколько себя. Но парадокс в том, что у Юко с Сашей к этому времени будет и опыт Олимпийских игр, да и физически они иссякнуть не успеют. Они только начинают выражать себя творчески. Катаются вместе лишь четвертый сезон. То есть в спорте высоких достижений они не так давно. Соответственно и психика у обоих свежая. Это очень важно. Много неистраченных ресурсов – прежде всего, психологических. Главное – чтобы было здоровье…

Спустя две недели после того, как олимпийский сезон был закончен, я получила электронное сообщение от Москвиной в характерном для нее телеграфном стиле: «Юко сделали операцию в Японии. Через три недели она прилетает в Питер. Начинаем подготовку к новому сезону...»

Глава 18. ВСЕ ТОТ ЖЕ ШЕФ...

Свое стихотворение, написанное специально к семидесятилетию Игоря Москвина, его ученик Игорь Бобрин десять лет спустя в разговоре со мной вспомнить уже не смог. А может быть просто не захотел читать его вслух – слишком личными получились адресованные тренеру слова, чтобы декламировать их постороннему в общем-то человеку, да еще под включенный диктофон.

Я нашла эти строки позже – в биографическом повествовании о жизни Бобрина, где фигурист вспоминал своего тренера с необыкновенной теплотой и любовью.

Сейчас неважны объясненья,
Сегодня непристоен блеф.
В семидесятый день рожденья
Вы для меня все тот же Шеф!
Не слыша Вас, представить я готов,
Как Вы оцените те мысли, что родились.
Скрыв добрый взгляд за строгостью очков,
Вы говорите мне: иди, твори из снов,
Которые другим еще не снились!

* * *

Десять лет спустя - летом 2009-го, накануне 80-летнего юбилея великого тренера я специально приехала в Санкт-Петербург.

- Не говорите Игорю, что вы приехали из-за него, - заговорщицки предупредила меня Москвина. – В связи с юбилеем мужа начали так сильно донимать вниманием журналисты, что он теперь вообще наотрез отказывается общаться с прессой. Просто приезжайте на каток. Мы с Игорем подъедем туда вдвоем, но у меня будет тренировка, а вот он будет свободен.

Я удивилась тогда. Поинтересовалась, с каких пор Москвин

свободен во время тренировок группы и почему перестал работать с парой Ксения Озерова и Александр Энберт, с которой персонально занимался довольно много времени.

- Такое решение приняла я, - после паузы ответила Тамара, причем было заметно, что говорить на эту тему ей тяжеловато. - Игорю 80 лет. Ему уже сложно ездить с фигуристами на соревнования, а не ездить нельзя. К тому же он наотрез отказывается принимать новые правила. Я же считаю такое отношение бессмысленным. В жизни, согласитесь, вообще много правил, которые вызывают внутренний протест. Вас же, как водителя, наверняка раздражают какие-то правила ГИБДД? Но их, тем не менее, нужно выполнять.

Но дело даже не в этом. Игорь очень азартен в работе. В тренировках это можно только приветствовать. А вот когда азарт сочетается со стрессом соревнований – это прямая угроза инфаркта. Я не хочу потерять мужа.

* * *

Москвин удивился, увидев меня на катке. Даже, как мне показалось, обрадовался. Но стоило мне достать из сумки диктофон, Игорь Борисович с сомнением в голосе спросил:

- Думаете, нужно? Ведь ничего хорошего я о современном фигурном катании не скажу.

- Почему?

- Потому что не вижу творческого продвижения наверх. Слишком сильно все заключены в клетку новых правил. Все, что этими правилами не предписано, просто не оценивается.

Удобно устроившись за столиком кафе, куда мне все-таки удалось затащить тренера «на разговор», Москвин продолжал:

- В парном катании, например, есть ряд важных для меня позиций. Например, расстояние, на котором партнеры в процессе выступления находятся относительно друг друга. Чем оно ближе, тем сложнее и рискованее катание. Это, если разобраться, и есть самое сложное. Но об этом сейчас говорится разве что мимоходом. А сложность высасывается из совершенно непонятных мне вещей.

Взять, к примеру, подкрутку. Если партнерша во время полета прижимает руки к груди – это одна стоимость. А вот если у нее руки над головой – уже другая, несколько выше. Я спросил на одном из семинаров: а если у партнерши над головой будет одна рука? А второй спортсменка будет, скажем, в носу ковырять? Это ж тоже сложно – на тройном обороте пальцем в нос попасть.

- Смеетесь?

- Отнюдь. Еще пример приведу. Когда я работал с Ксенией Озеровой и Александром Энбертом, то придумал такой

композиционный ход: спортсмены исполняют параллельное вращение, затем на выезде расходятся в разные стороны и делают прыжок навстречу. У тех, кто смотрит со стороны судейской ложи или с трибуны, в этот момент душа замирает. Потому что складывается впечатление, что фигуристы летят друг на друга. Алексей Мишин, когда это у нас в тренировке увидел, очень впечатлился: «Вот это фишка!»

Но ведь это же не может никаким образом отразиться на оценке. Ни на сложности, ни на чем. И зачем тогда тренеру вообще думать?

- Но вы же думаете?

- Думаю. И много лет работал именно так. Взять вращения: сейчас, например, придумали, что фигурист должен в процессе вращения менять точку опоры. Зачем? Разве это – суть элемента? Почему тогда не предложить балеринам исполнять фуэте на пятках? Не нужны эти нелепости, понимаете? Во вращениях самое главное – это скорость, центровка и различие поз. Какое кому дело, на каком ребре это делается?

Не говорю уже о том, что в моем понимании правила – это закон. Который должен быть непреложным хотя бы на протяжении четырехлетнего олимпийского цикла. Его нельзя уточнять каждый сезон. Мы же постоянно вынуждены что-то усложнять или переоценивать. Когда Тамара привезла мне новую редакцию правил и я их прочитал, у меня возникло слишком много вопросов.

- Именно поэтому вы перестали тренировать?

- Да.

- Но по-прежнему помогаете супруге работать с парами?

- Официально – нет. Официально я на пенсии.

* * *

Разговаривать с Москвиным о фигурном катании можно было бесконечно.

- В 1955-м я поехал на чемпионат мира в Вену, - вспоминал он. – Не выступать, а в качестве наблюдателя. Знакомый снабдил меня кинокамерой, показал, как нужно ее заряжать, и с этой камерой я поехал. Старался снимать как можно больше.

Этот фильм существует в моей домашней видеотеке до сих пор. Понятно, что пленка пересыхает, лопается, трескается, да и проекторов под такую пленку уже не выпускают, но пленки все в сохранности - около трехсот больших дисков.

Я снимал потом все соревнования, на которых приходилось бывать. С 1955-го и до самого конца 60-х. В Москве существовали специальные мастерские, где обрабатывали кинопленки, мне проявляли все, что удалось отснять, разрезали, убирали лишние

кадры, стыковали, потом все перематывалось на кассету...

Нередко я делал все это сам – у меня дома даже был специальный монтажный стол.

Мы часто собирались вместе со спортсменами, смотрели эти фильмы, разбирали увиденное. Придумывали даже новые элементы, причем очень интересным образом: брали пленку и прокручивали ее задом наперед.

Интересная история была связана с одним из тодесов Белоусовой и Протопопова. Раньше ведь существовал только один вид тодеса – «назад-наружу». Как-то на одной из тренировок Милу раскрутило в этом элементе слишком сильно, она подставила на лед правую ногу и несколько мгновений стояла на внутреннем ребре. Я случайно это заметил и ухватился мертвой хваткой: мол, давай-ка еще раз - все то же самое, только уже сознательно.

Мила и сделала. С первой же попытки проехала на внутреннем ребре половину круга. Вот так из нечаянной ошибки родился совершенно новый элемент. Тодес «назад-внутрь», или, как его впоследствии стали называть, «Спираль смерти».

Тодесы вперед – другая история. Их первыми начали делать Тамара с Лешей Мишиным. Когда они выучили тодес «вперед-внутрь» мы назвали новый элемент «Цветок»: Тамара в нем очень изящно держала ногу. Тем более тогда было принято давать элементам красивые и даже поэтические названия.

Мила и Олег, естественно, все это видели, кое-что перенимали. Мы хоть уже и не работали вместе, но продолжали кататься на одном льду. Никто ни от кого ничего не скрывал. Это потом Протопопов потребовал, чтобы все окна на нижнем ярусе «Юбилейного» были завешены непрозрачной тканью, чтобы посторонние не подсматривали за тем, как они с Милой катаются.

Кстати, нечто подобное пытался воспроизвести Леша Мишин. Когда из его группы ушел Леша Ягудин и остался только Женя Плющенко, Мишин попросил заклеить бумагой окна тех комнат на втором этаже, которые выходят на лед. Мол, кто-то постоянно подсматривает за тренировками, снимает и выкладывает ролики в интернет.

- Мишин, помню, часто высказывал недовольство тем, что другие тренеры и спортсмены заимствуют все его наработки.

- Конечно, бывает обидно, когда придуманные тобой элементы тиражируют другие. Тамара, например, в свое время первой сделала на льду вращение в вертикальном шпагате. Причем сделала за двадцать лет до того, как в фигурном катании это вращение показала швейцарка Дениз Бильман, после чего элемент и был назван ее именем – «Бильман». Нам ведь в те годы

и в голову не приходило ничего фиксировать.

Фотографии этого элемента в исполнении Тамары имелись, но только и всего. К тому же Дениз Бильман почти сразу после своего появления стала чемпионкой мира. Понятно, что к ее катанию было приковано всеобщее внимание. А кем по сравнению с ней была одиночница Тамара Братусь? Никем. Ее и не помнил никто.

- Артур Дмитриев сказал мне как-то, что очень жалеет, что не записывал за вами все, что вы придумывали на тренировках.

- Я ведь придумывал постоянно. Те же шаги. Причем делал это не ради самих шагов, а для того, чтобы дополнительно развивать механику и автоматику движений на льду. И, соответственно, совершенствовать катание в целом. Шаги в фигурном катании – это своего рода экзерсисы, тренировка владения коньком. Ведь любое самое высокое мастерство основано на умении хорошо делать элементарные вещи. Это – закон.

Очень часто, обучая того или иного спортсмена какой-то комбинации, я говорил: «А теперь – все то же самое, но с другой ноги и в другую сторону». Львиная доля времени при этом у многих уходит на то, чтобы сообразить, куда какую ногу ставить и на каком ребре ехать.

- А новые поддержки вам придумывать приходилось?

- Все поддержки, которые существуют сейчас, так или иначе сделаны с моим участием. Мы ведь вышли на мировую арену в парном катании когда из поддержек делалось только «лассо» и так называемая «свечка», когда партнер держит партнершу за бедро. Правила того времени предписывали исполнять поддержки так, чтобы они представляли собой единое плавное движение. Сначала вверх, потом вниз. Это сейчас, подняв партнершу вверх, партнер ходит с ней по льду. Тогда подобное просто запрещалось.

И правильно, кстати. Самое сложное в поддержке – это поднять и опустить. Все остальное - сущая ерунда.

* * *

Во время беседы у Москвина вдруг зазвонил телефон. Услышав голос в трубке, Игорь Борисович расплылся в улыбке.

- Юко, здравствуй! Ты все переживаешь, что я огорчил тебя своим напоминанием, что на тулупе нужно идти вперед? Я корю себя за то, что слишком часто напоминал тебе об этом. Но ты не забывай. Иначе хорошего выезда у тебя не будет.

Дождавшись, когда тренер закончит разговор, я спросила:

- Скучаете по серьезной работе?

- Дело не в этом, - вздохнул Москвин. – Я работаю сейчас с довольно маленькими детьми. Одной девочке 13 лет, она не

очень хорошо учится в школе и маме хочется, чтобы девочка поступила в институт физкультуры. Для этого нужен спортивный разряд. Но дело в том, что девочка с самого начала была научена плохо. Не понимает движений, не может воспроизвести. Переучивать – это как сеять на паханной-перепаханной земле. Никогда нет уверенности, что вырастет что-то достойное. Работать, ни к чему не стремясь, только для того, чтобы получать деньги, я не приучен. А родители думают, что я – волшебник. Тим-тим-тирибум! Выдернул волосок из бороды, и человек, который за семь-восемь лет ничему не научился, стал чемпионом.

Я прекрасно понимаю Тамару. Может быть, она внутренне и соглашается с моим мнением, когда речь идет о фигурном катании, но никогда не показывает этого. Мне любит повторять: «Ты смотришь очень узко». В свое время я говорил, например, что хорошо бы в параллельном прыжке поставить фигуристов поближе друг к другу. Но Тамара руководствуется тем, что за большое расстояние между партнерами судьи оценку не снижают. Значит, не стоит тратить на это время.

Если бы мне было 40 лет, или 50, я бы боролся. Старался бы изменить ситуацию, учить людей. Правида – это не догма. Тем более безграмотные правила. Есть же законы. Законы той же сцены. И не надо говорить, что это – правила Международного союза конькобежцев - ИСУ. ИСУ – это конкретные люди. Многие из них не катались сами, не учили других людей. Откуда они могут знать, как должно быть? Просто людям захотелось остаться таким образом в истории фигурного катания. Своего рода вехой. А веха – это совсем другое.

Художественный подход к фигурному катанию, который начался с эпохи Белоусовой и Протопопова, был вехой, новым словом. Благодаря им стали появляться программы с вступлением, развитием, кульминацией, финалом. Как у Станиславского – если ружье висит на стене, оно обязательно должно выстрелить. Когда в мужском одиночном катании появился Толлер Крэнстон, это было продолжением развития той же самой линии.

Потом таких фигуристов не стало, пошел набор сложных прыжков. Но усложнение того, что есть – не веха. Это – естественное развитие вида спорта.

- С такими взглядами вам должно быть интереснее, кто как катается, а не кто побеждает.

- Так оно и есть. Просто за тех же Юко и Сашу я болею, поскольку немало с ними работал. Поэтому их результат мне интересен. Даже при том, что я не согласен с некоторыми вещами в их исполнении.

- Выходить на лед в коньках вы перестали после перенесенной в Америке болезни?

- Значительно раньше. Когда Тамара носила нашу старшую дочку,у нее сильно отекали ноги, и она пользовалась моими коньками. Но их украли. Зачем – непонятно. Старые ведь были. Потом пошла мода на короткие ботинки, к которым моя нога не привыкла. На этом катательная эпопея закончилась. Может, к лучшему. Когда сам не катаешься, взгляд более точный. Не говоря уже о том, что тренер на коньках создает дополнительные неудобства тем, кто на льду. Его ведь надо объезжать постоянно.

- Мне как раз казалось, что тренер на льду в некотором роде играет роль циркового дрессировщика с хлыстом.

- Этого не нужно. У тренера должны найтись слова, чтобы объяснить спортсменам, что ты от них хочешь. Это гораздо полезнее. В свое время я много думал о том, почему, например, великие чемпионы не становятся сильными тренерами – по крайней мере в нашем виде спорта так часто получается.

- И нашли ответ?

- Конечно. Потому что великие чувствуют себя великими. Отталкиваются не от какого-то анализа или законов физики и биомеханики, а от своих собственных ощущений. Стараются передать их ученикам и искренне уверены, что это - тот самый прием, который принесет успех. А нужно просто делать все правильно.

Как фигурист, мне, например, всегда очень нравился Брайан Бойтано. Он был очень изобретательным. Как и Курт Браунинг. Особенно в те годы, когда начал выступать, как профессионал, и на него перестала давить нервная обстановка больших соревнований.

Еще в более ранние времена мне очень нравился канадец Дональд Джексон. Перед тем, как выиграть чемпионат мира в 1962 году он начал делать тройной лутц, причем выезжал его всего раз пять за все время, что учил. Шестой раз пришелся на соревнования и Джексон прыгнул! За счет этого и опередил чеха Карла Дивина, хотя тот со значительным преимуществом выиграл на том чемпионате обязательные фигуры. Это была сенсация. Даже Дивин потом восторгался, что Джексон все-таки сделал этот лутц. И стал первым, кому удалось выполнить тройной лутц на соревнованиях.

А тот же Дивин совершенно потрясающе владел техникой конька. Прыжок в волчок он делал так, как даже сейчас никто не делает: Коленка аж под мышкой была во время вращения. На обязательных фигурах его никогда не корежило, стоял всегда ровненько, полностью чувствовал вес и инерцию своего тела.

Когда такие фигуристы начинают учить других, они редко задумываются, что кто-то может чувствовать то же самое движение совершенно иначе. К тому же нельзя одинаково обучать мужчин и женщин. Но переломить себя в этом отношении очень сложно.

Совершенно другая категория – хорошие тренеры. Брайан Орсер не был великим фигуристом, но у него была великолепная коньковая техника, прекрасное чувство баланса. Наверное поэтому и научить умеет так, как надо. Спортивным «потолком» великого Карло Фасси были две победы на чемпионатах Европы в 1953-м и 54-м. То есть чемпионом он был средней руки. Но учил замечательно. Никогда, кстати, не давал персональных уроков – работал исключительно в групе. Как и Ютта Мюллер. Ее козырем всегда была сильная группа и железная дисциплина.

В целом же, как любил говорить мне Николай Панин, первый и основной закон фигурного катания заключается в постоянном владении собственным весом и инерцией своего тела при постоянных скручиваниях и раскручиванием верхней части тела относительно нижней. Допустим, конек идет влево, а верх поворачивается вправо. Для того, чтобы создать крутку для прыжка, одна часть тела должна стоять неподвижно, а вторая – делать замах и создавать инерцию. Тогда все получится. А вот если встать на мыльный пол – ничего не выйдет.

* * *

Когда интервью было закончено, и мы с Москвиной отправились из «Юбилейного» в Академию фигурного катания, чтобы продолжить разговор в машине, Тамара вдруг сказала:

- Игорь – гораздо более хороший тренер, чем я, и я признаю это не для красного словца, а потому что так оно и есть. Он первым привнес в парное катание хореографию - еще в те времена, когда я каталась, как одиночница, приглашал на каток хореографа Кировского театра Дмитрия Кузнецова. Для Юры Овчинникова приглашал известного балетного танцовщика Барышникова: Миша приходил к нам в Юбилейный и помогал ставить программы. А главное – муж сделал то, что не удалось больше никому: сначала подготовил очень большую плеяду тренеров, работая в институте, а потом тренерами стали работать все его бывшие спортсмены. Не потому, что больше деваться было некуда, а потому, что Игорь потрясающе умел заразить тренерской работой, привить к ней любовь.

Благодаря ему я поняла, что заставлять окружающих делать все так, как хочешь ты, в жизни совершенно не главное. Не нужно заставлять человека застегивать последнюю пуговицу на рубашке и повязывать галстук, или надевать пиджак, вместо свитера, зная,

что из-за этого у него портится настроение. В любом деле, будь то семья, или работа, можно рассориться за один миг. И не факт, что потом отношения удастся восстановить.

- Вам важно мнение мужа о том, что вы делаете?

- Да.

- А его, когда он с вами работал, интересовало мнение окружающих?

- Думаю, нет. Игорь всегда был очень в себе уверен. И долгое время был для меня ориентиром. Однажды, правда, когда я начала тренировать самостоятельно, как-то заметил по поводу одной из моих задумок: «Не делай этого». Я не послушала, рассудив, что сама уже все знаю. А спустя десять лет пришла к нему и сказала: «Игорь, помнишь, как ты предупреждал меня, что этого делать не нужно? Какая же я дура, что потратила 10 лет на то, чтобы убедиться: ты был прав».

* * *

В фигурном катании любят говорить, что настоящая пара – это лишь та, где партнеров совершенно невозможно представить отдельно друг от друга. Белоусову без Протопопова, например. Или Катю Гордееву без Сергея Гринькова. Когда Сергей трагически и внезапно ушел из жизни, Катя больше никогда не выходила на спортивный лед с другим партнером. Просто не могла представить, как можно впустить третьего человека в тот мир, который много лет принадлежал только ей и Сергею.

Мне доводилось знать немало не только спортивных пар, но и тренерских. Москвины – совершенно особый случай. Каждый раз когда я вижу их вместе, стоящих у борта или привычно конфликтующих на тренировке, ловлю себя на том, что начинаю улыбаться. И никогда не спешу подойти ближе – не хочется нарушить удивительную и очень осязаемую химию. Они всегда неразрывно вместе. Даже когда стоят по разные стороны катка, расходятся по разным комнатам в квартире или на даче или вообще находятся в разных уголках страны и разговаривают друг с другом по телефону.

«Тамара никогда ничего не боится, потому что за ее спиной всегда есть Игорь, - сказала мне как-то Татьяна Тарасова».

Это действительно так. Мы продолжаем регулярно встречаться на соревнованиях и каждый раз я по-женски слегка завидую Москвиной. Да и себе тоже – что имею счастье общаться с Игорем Борисовичем и Тамарой.

Это похоже на объяснение в любви? Я хочу, чтобы было похоже…